Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Зайцева Юлия Валерьевна

Государственно-правовое регулирование образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Доктор юридических наук, профессор
Исаев Игорь Андреевич

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ XVIII в. 15

1.1. Общая характеристика правового регулирования в сфере образовательной деятельности в период Московского государства 15

1.2. Педагогическая мысль и государственная политика в области образовательной деятельности в первой половине XVIII в. 35

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСНОВНЫЕ РЕФОРМЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. ... 48

2.1. Роль и значение участия зарубежных специалистов в образовательной деятельности 48

2.2. Реформирование и развитие духовных школ 62

2.3. Развитие светских школ и создание основ для высшего образования 71

2.4. Книжное дело и введение гражданского шрифта 88

ГЛАВА 3. ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I И РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. 101

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 124

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ 130

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Выработка приоритетных направлений деятельности государства является необходимым и важным элементом управления и развития страны. До 2024 г. действовал Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[1], который утратил силу с принятием нового Указа «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2]. Развитие образовательной деятельности является в большей или меньшей степени частью всех национальных целей развития страны. Где-то такая связь четко определена, например, при реализации цели воспитания патриотичной и социально ответственной личности. Для этого предусматривается разработка и осуществление образовательной политики в области подготовки педагогического персонала, проведение специальных учебных мероприятий со школьниками и студентами и т. д. В других случаях связь сразу может не прослеживаться. Так, реализация технологического лидерства возможна только при условии наличия в стране квалифицированных специалистов и ученых, подготовка которых возможна в рамках осуществления образовательной деятельности.

Правовому регулированию в сфере образовательной деятельности в Российской Федерации уделяется большое внимание. Основы были заложены еще в Конституции Российской Федерации, которая устанавливает право каждого человека на получение образования[3]. Федеральный закон об образовании является ключевым документом, регулирующим данную сферу[4]. Он определяет образовательную политику в стране, устанавливает основные права и обязанности

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

[2] Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

[3] Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[4] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53. – Ст. 7598 (Часть I).

всех участников образовательной деятельности, формирует организационные основы деятельности различных государственных органов, образовательных организаций и прочих учреждений. Наряду с этим законом в Российской Федерации действуют и другие законы, указы и прочие нормативно-правовые акты, направленные на регулирование сферы образования. Для повышения качества образования были также выработаны различные государственные образовательные стандарты. На уровне школ и университетов принимаются локальные нормативные акты, которые регулируют вопросы образования конкретно в их учреждениях.

Несмотря на такую большую нормативную базу, нельзя утверждать, что сфера образовательной деятельности полностью урегулирована. В мире постоянно происходят социальные, культурные, политические, технические и прочие изменения. Государству крайне важно вовремя реагировать на такие изменения и учитывать их для качественного правового регулирования. Некоторые законы могут потребовать внесения изменений, а какие-то могут устаревать. Иногда развитие новых отношений или появление новых технологий может потребовать создания абсолютно новой правовой регламентации. Однако для понимания современного процесса развития общества и государства необходимо его тщательное изучение на протяжении всего исторического процесса. Историко-правовое исследование позволяет выявить истоки и причины тех или иных существующих в настоящем правовых основ, дает возможность провести анализ прошлого, с помощью чего появляется возможность спрогнозировать будущее.

Именно в начале XVIII в., в период правления Петра I, в России началось зарождение государственной системы образования. В это время были выработаны принципиально новые методы и формы образовательной деятельности. Само образование приобретает большую масштабность, которая потребовала правовой регламентации. Начинается активное международное сотрудничество с целью развития науки в стране и развития образовательной сферы. Книжное дело, его регулирование и организация также получают свое развитие именно в это время.

Поэтому изучение истоков, причин и последствий проведенных в первой половине XVIII в. реформ представляет особый интерес и важность для понимания современных правовых процессов в исследуемой сфере.

Степень научной разработанности темы.

Тема образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в. сама по себе является междисциплинарной. Наибольшее внимание ей уделялось в трудах историков и педагогов. В своих работах они, несомненно, затрагивали вопросы правового регулирования, однако чисто юридических научных трудов по данной тематике не так много. В основном они изучали отдельные правовые документы, либо же правовое исследование образовательной деятельности являлось лишь составной частью более широких исследований. Опубликованные исследования, включая работы историков, педагогов и пр., можно поделить на несколько групп в зависимости от временного критерия.

Обширные работы, посвященные образованию в России, проводились дореволюционными исследователями и учеными, такими как М. Ф. Владимирский-Буданов, П. П. Пекарский, В. В. Григорьев, П. Н. Милюков, С. В. Рождественский. Их работы целиком посвящались исследованию образования и просвещения, однако они были в большей степени историческими, а не правовыми трудами. Более монументальными были работы В. О. Ключевского и С. М. Соловьева, которые создали большие научные труды по истории России. Развитие образовательной деятельности в первой половине XVIII в. было лишь частью их исследовательских трудов. Отдельный вклад в изучение образования в Москве внес И. Е. Забелин.

Деятельность Петра I стала предметом многочисленных исследований. Особый интерес представляют труды И. И. Голикова, Н. Г. Устрялова, П. А. Кротова, Д. О. Серова. Деятельность Лейбница, оказавшего большое влияние на развитие образовательной деятельности в России, рассматривал В. И. Герье. Вопросы правового положения иностранцев в России в первой половине XVIII в. рассматривались М. О. Акишиным и О. К. Ермаковой.

Советские и российские ученые А. В. Смирнов, Ф. С. Озерская, М. Ф. Шабаева, Н. А. Трушин, Е. И. Зейлигер-Рубинштейн, Э. Д. Днепров, Р. А. Симонов, В. Л. Янин и др. внесли большой вклад в изучение образовательной деятельности в России. Ими были проведены исследования развития образования с древнейших времен до начала XX в. Изучению образования в первой половине XVIII в. уделялось большое внимание: рассматривались социально-экономические и политические предпосылки образовательных реформ, выявлялись особенности проводимой политики и условия, в которых она реализовывалась. Правовые исследования, посвященные регулированию образовательной деятельности в России, осуществлялись В. А. Томсиновым, Д. А. Пашенцевым, С. Н. Братановским, Н. И. Биюшкиной, Н. Н. Зипунниковой, Н. С. Волковой, А. В. Калининой и др.

Образовательная деятельность отдельных направлений стала предметом изучения как дореволюционных, так советских и российских ученых. Развитию духовного образования посвящены работы И. К. Смолича и А. С. Архангельского. Л. Г. Бескровный отдельно затрагивал вопросы военного образования первой половины XVIII в. в контексте исследования армии и флота.

Образовательная деятельность отдельных учебных учреждений была исследована в работах Ф. Ф. Веселаго и Н. Н. Мельницкого, которые осуществили анализ развития военных учебных учреждений. Работы Л. Ф. Змеева, А. Н. Алелекова, Я. А. Чистовича и М. Б. Мирского были посвящены развитию медицины, где важное место занимали медицинские учебные заведения. С. А. Белокуров и А. Н. Зерцалов проводили исследования развития немецких школ. Большая работа Ю. Х. Копелевич была посвящена истории Петербургской академии наук. Ряд исследований, посвященных деятельности Петербургской академии наук, проводился также В. С. Иваненко.

Исследования в области книжного дела проводились в работах С. П. Луппова, С. Ф. Либровича, С. М. Громбаха и др. С. П. Луппов провел несколько исследований, значительная часть которых посвящена истории книжного и библиотечного дела в первой половине XVIII в. Вопросы обращения

иностранной литературы в России в исследуемый период рассматривались П. И. Хотеевым.

Перечисленные работы во многом являются историческими исследованиями, которые лишь частично затрагивают вопросы государственно-правового регулирования. Комплексного правового исследования по данной тематике до настоящего времени не осуществлялось.

Объектом исследования являются общественные отношения, сложившиеся в России в первой половине XVIII в. в области государственно-правового регулирования образовательной деятельности.

Предметом исследования являются правовая регламентация и организация образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в.

Цель исследования – совокупный историко-правовой анализ преобразовательных процессов в сфере образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в.

Поставленная цель достигается посредством решения следующих задач:

– рассмотреть существующую до начала XVIII в. систему образования, оценить уровень государственно-правовой регламентации в данной сфере и выявить предпосылки для проведения государством реформ;

– проанализировать написанные во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. научные и просветительские труды и новые концепты, посвященные образовательной деятельности, и выявить их общие тенденции;

– определить значение участия иностранных специалистов в развитии образовательной деятельности в России;

– изучить специфику духовного образования и роль государства в регулировании данного вида образовательной деятельности;

– раскрыть характерные черты развития светского образования, выявить основные направления, в отношении которых проводилась государственная образовательная политика, и определить отношение общества к проводимым реформам;

– охарактеризовать государственное участие в развитии книжного дела и проанализировать правовое регулирование данной сферы;

– рассмотреть итоги государственной образовательной политики Петра I и выявить новые идеи, получившие развитие во второй четверти XVIII в.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XVII в. до конца первой половины XVIII в. Выбор нижней границы обусловлен тем, что для более глубокого представления всех причин и значения преобразовательной деятельности Петра I необходимо понимать, каковы были предпосылки его деятельности. Именно при Петре I начинает создаваться система государственного регулирования образовательной деятельности, которое имеет огромное значение для развития всех сфер государственной и общественной деятельности страны. Понимание значимости проведенных реформ невозможно без изучения существовавших до начала XVIII в. основ организации образовательной деятельности.

Верхние границы определены удобством обозначения хронологических рамок и значимостью событий, происходивших во второй половине XVIII в. Исследование второй четверти XVIII в. позволяет определить итоги деятельности Петра I и отследить тенденции дальнейшего развития образовательной сферы. Вторая половина XVIII в. характеризуется значительными изменениями в государственно-правовом регулировании и развитии системы образовательной деятельности, что связано с правлением Екатерины II.

Научная новизна исследования состоит в целостном и комплексном историко-правовом исследовании государственно-правового регулирования образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в. На основе анализа правовых источников выявлены особенности и отличительные черты законодательного регулирования в исследуемой сфере деятельности.

Комплексно исследованы, систематизированы и представлены правовые основы государственного регулирования духовного, светского образования и книжного дела. Определено значение каждого направления образовательной

деятельности и выявлено их влияние друг на друга. Определена роль иностранных специалистов в развитии сферы образования, а также проведен анализ формирования правовых основ регулирования их деятельности.

В результате исследования с юридической стороны расширяются положения, уже исследованные с исторической и педагогической стороны. Результаты исследования с правовой позиции дополняют имеющиеся знания о способах организации и управления учебных заведений, формах образовательного процесса, финансировании и материальном оснащении и пр., а также позволяют определить направления развития государственной политики исследуемой сферы.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическую основу исследования составили:

– системный подход – он позволил рассмотреть процесс государственно-правового развития в сфере образовательной деятельности во взаимосвязи с другими сферами государственной и общественной жизни. Сама сфера образовательной деятельности также состоит из отдельных элементов, представляющих интерес для исследования. Изучение каждого элемента во взаимосвязи позволяет выявить более достоверную картину исследуемой области;

– социологический подход – он позволил рассмотреть преобразования, проводимые в первой половине XVIII в., в совокупности с фактической действительностью, выявить те правовые изменения, которые появились с учетом социальных установок и реакций. Правовые явления изучались во взаимодействии с обществом.

При написании работы были использованы общенаучные и частнонаучные методы.

Диалектический метод позволил изучить объект и предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми, политическими и общественными явлениями.

Анализ и синтез дали возможность для структурного изучения образовательной сферы. Анализ позволил осуществить разделение ее на

составляющие части, а синтез – составить целостную картину на основе полученных результатов.

Исторический метод дал возможность последовательно отследить развитие государственно-правового регулирования с учетом экономических, политических и социологических особенностей развития России в первой половине XVIII в.

Сравнительно-правовой метод позволил изучить существующую в первой половине XVIII в. правовую систему в области образования и выявить общие и особенные характеристики государственно-правового регулирования образовательной деятельности.

Метод юридической герменевтики дал возможность осуществить толкование нормативно-правовых актов, принятых в сфере образовательной деятельности.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Сформулированные в работе выводы и заключения дают возможность более полно осветить вопрос о состоянии государственно-правового регулирования образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в. Исследование позволяет выявить значение правовой регламентации в образовательной сфере, а также заполнить пробелы в теоретической базе, что дает возможность более глубокого понимания закономерностей развития образовательного права в России.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов, полученных в результате исследования, при разработке образовательных материалов для учебных курсов, а также при подготовке новых исследований по данной тематике. Избранные положения исследования также будут полезны в качестве основы для реализации образовательной политики в стране.

Положения, выносимые на защиту:

1. В период Московского государства не существовало государственной политики и государственно-правового регулирования в сфере образовательной деятельности. Основное регулирование осуществлялось на локальном уровне, а

вопросы подготовки специалистов решались индивидуально или отдельными ведомствами, что не позволяет говорить о существовании единой образовательной системы. Первые нормативные документы касались церковного образования и духовного воспитания, и только во второй половине XVII в. на доктринальном уровне начинают формироваться основы организации государственного светского образования.

2. На необходимость образовательных реформ в России в большей степени повлияли военные и экономические факторы, нежели социальные и культурные потребности общества. Это во многом повлияло как на направленность реформ, так и на их методы. В начале XVIII в. предпринимается попытка сформировать принцип обязательности всеобщего начального образования, который не мог быть реализован в силу сильных сословных различий, а также негативной реакции самого населения. Незаинтересованность общества в преобразованиях в целом определила характер проводимых реформ, большое количество издаваемых указов регулировали вопросы распределения учеников в те или иные учебные заведения или отправку их на обучение за границу.

3. Большое влияние на развитие образования оказали зарубежные специалисты, которых в первой половине XVIII в. стали активно приглашать в Россию. Большой приток иностранных специалистов способствовал развитию нормативно-правового регулирования положения иностранных специалистов и их профессиональной деятельности в стране. На законодательном уровне происходит расширение и закрепление основных прав иностранцев, а также развивается практика договорного регулирования трудовых отношений с участием иностранных специалистов. В первой четверти XVIII в. их роль сводилась в основном к передаче иностранного опыта и подготовке новых специалистов. Деятельность по разработке образовательных концепций и подготовке законодательных проектов осуществлялась, за некоторыми исключениями, русскими просветителями и деятелями права. Во второй четверти XVIII в. роль иностранных специалистов расширилась за счет их научной и преподавательской деятельности в Академии наук.

4. Первая половина XVIII в. характеризуется созданием профессиональной обособленности населения, вследствие чего возникла зависимость детей от деятельности их родителей и невозможность выбора направления профессиональной подготовки. В большей степени это касалось церковной и военной сфер. Для многих других профессий зависимость во многом выражалась в продолжении семейного дела, которому ребенка начинали обучать с детства. Работа же священнослужителя и военного имела первостепенное значение для Церкви и государства соответственно. К концу первой половины XVIII в. государство, очерчивая границы влияния Церкви и определяя наиболее приоритетное направление на законодательном уровне, установило возможность выбора для детей священнослужителей церковной или военной службы, чего не могли сделать дети военнослужащих.

5. Государственную политику в сфере образовательной деятельности в первой половине XVIII в. можно поделить на два периода. Первый период заканчивается во второй четверти XVIII в. и характеризуется активной законодательной деятельностью. Она не отличается систематизацией, однако отдельные документы все же представляют собой структурированные, последовательные и проработанные нормативно-правовые акты. Государственно-правовое регулирование развивалось в направлении широкого распространения светских наук и открытия учебных учреждений, которые отличались своей ограниченной специализацией. Главной задачей было осуществить скорейшую подготовку профессиональных кадров для развития страны. Второй период, наступивший после смерти Петра I, не отличается серьезными законодательными нововведениями, однако в это время начался отход от системы специализированного обучения и переход на многопрофильное образование и ориентацию на профессиональные способности ученика. Подготовка квалифицированных специалистов все так же оставалась приоритетной задачей, но вместе с ней благодаря деятельности Академии наук большее внимание стало уделяться развитию самих наук.

6. Развитие издательского дела в первой четверти XVIII в. определило формирование первых государственных стандартов книгопечатания. Переход с переписи книг на их печать дал возможность увеличить объем издаваемой продукции, книги начали издаваться не поштучно, а целыми тиражами. Для упрощения процесса производства, а также для удобства использования вводились требования к оформлению книг. Наибольшее значение имели реформа гражданского шрифта и введение нового алфавита, которые сформировали единые требования к написанию светских текстов. Более локальными стали стандарты по отношению к отдельным книгам, которые издавались в виде указов. Отводилось внимание внешнему оформлению книг, материалам обложки, качеству переплетов, размерам шрифта, наличию штемпелей и печатей. Появление стандартов печати позволило перейти к массовому производству книг, увеличить круг потребителей и вместе с этим упростить процесс изучения как гуманитарных, так и математических и технических наук.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования обеспечена использованием и анализом значительного объема теоретико-методологической базы, которую составили отечественные и зарубежные научные труды, нормативные правовые акты и официальные документы, а также совокупным применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. Помимо прочего, достоверность полученных результатов подтверждается их апробацией.

Апробация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования были обсуждены и одобрены на кафедре истории государства и права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».

По отдельным выводам и положениям диссертационного исследования были подготовлены доклады, которые были представлены и обсуждены в ходе научных конференций, в частности, в рамках XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (г. Москва, 2023 г.), III Международной

научно-практической конференции «Национальная идея и государственная идеология: историко-правовые контуры» (г. Москва, 2024 г.), IV Международной научно-практической конференции «Мировые войны: социально-правовые вызовы национальной идентичности» (г. Москва, 2024 г.), II Международной научно-практической конференции «Между Европой и Азией: исторический выбор и будущее Российского государства» (г. Москва, 2025 г.).

Кроме того, отдельные результаты исследования были представлены в рамках IX Международного научно-методологического семинара «История юридической науки: трансформация идей и образов»: «Народ как языковое единство: начало истории» (г. Москва, 2024 г.).

Полученные результаты диссертационного исследования представлены в 4 публикациях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и 3 публикациях в иных научных изданиях.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ XVIII в.

1.1. Общая характеристика правового регулирования в сфере образовательной деятельности в период Московского государства

Прежде чем проводить исследования образовательной деятельности в первой половине XVIII в., необходимо обратиться к прошлому, выявить основные черты развития образования, предпосылки для изменения образовательной политики и выделить наиболее интересных и важных для исследования личностей в данной сфере. Кроме того, интересным будет провести сравнение идей и концептов образовательной деятельности зарубежных и отечественных авторов.

Многие исследователи обращают внимание на существующие два различных мнения относительно уровня образования в государстве в допетровскую эпоху. Согласно первой точке зрения, грамотность среди населения до XVIII в. была чрезвычайно низкой, в том числе среди духовенства и светского сословия. Вторая точка зрения диаметрально противоположна – грамотность и просветительская деятельность достаточно широко получили свое развитие еще до петровских преобразований. На существование такого разделения мнений указывали такие ученые, как А. И. Соболевский, В. В. Григорьев, Э. Д. Днепров и др.

В настоящее время достаточное число исследователей доказали несостоятельность как первой, так и второй точек зрения. Истина находится посередине, поскольку нельзя говорить о повсеместной образованности населения и существовании государственной системы образования в России в допетровскую эпоху, именно при Петре I этот процесс начал свое зарождение. Вместе с этим нельзя утверждать, что до XVIII в. образования в России не существовало вообще. Множество письменных источников, дошедших до нашего времени, доказывают это. Точно также это доказывают сохранившиеся предметы быта, роскоши и, самое главное, архитектуры. Исследуя тему просвещения, нельзя опираться только на письменные источники. Строительство зданий и сооружений требует

высокого уровня знаний и опыта, а для этого требуется время и квалифицированные преподаватели. Именно поэтому, давая характеристику регулированию, в том числе правовому, образовательной деятельности государства в допетровскую эпоху, необходимо проводить всестороннее исследование в различных сферах общественной жизни страны.

М. Грандицкий, придерживаясь мнения о низком уровне образованности в Русском (Московском) государстве, отмечает: «Забот со стороны правительства об образовании духовенства и народа мы не видим и в XV веке»[5]. Он приводит в качестве доказательства послание новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону: «земля, господине, такова, не можем добыти, кто бы грамоте горазд»[6]. Данный пример используется и в других исследовательских работах и подкрепляется постановлениями Стоглавого собора. П. Н. Милюков отмечает, что «на Стоглавом соборе те же жалобы повторяют чуть не слово в слово»[7], имея в виду необразованность духовенства.

Оценивая данные примеры нельзя не отметить их некоторую ограниченность. Послание архиепископа Геннадия относится только к XV в., и по нему нельзя давать оценку всей допетровской эпохе. Более того, в данном послании описывалась обстановка только в Новгороде и Пскове, где он был архиепископом. По данному посланию нельзя с определенной точностью оценить, как обстояли дела в других городах страны. Ссылки на Стоглавый собор в большинстве случаев не учитывают решений, которые по его итогу были приняты. Ведь решения, которые в результате вынес Стоглавый собор, включали в себя распоряжения относительно вопросов образования и грамоты. Так, например, постановлялось, чтобы в домах лучших священников, дьяконов и дьяков учреждали училища, куда приводили бы детей «на учение грамоте и на учение книжного писма и церковного петия псалтырного и чтения налойнаго»[8].

---

[5] Православное обозрение, М.: Университетская типография (М. Катков), 1878. Т. 3. С. 93.

[6] Послание Новгородского Архиепископа Геннадия Митрополиту Симону, о подьяческом ставлении и необходимости устроить училища для ставленников // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. 1334-1598. — СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. С. 147.

[7] Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. С. 229.

[8] Стоглав. Казань: Тип. губернского правления, 1862. С. 122.

Таким образом, Стоглавый собор, выделяя проблему, дает для нее определенное решение, что в дальнейшем способствует повышению грамотности среди духовенства.

Следует также указать на то, что данные примеры рассматривают только одну категорию населения – духовенство. Конечно, исследуя вопрос образования в период Московского государства необходимо учитывать, что в то время навыками чтения и письма обладали в основном духовенство и служилый класс. Однако, как ранее уже указывалось, система образования включает в себя множество других предметов в зависимости от квалификационных требований той или иной профессии. Вместе с этим необходимо учитывать всю сопутствующую деятельность, которая включает в себя и организацию образовательного процесса, и печать учебных и методических материалов, и, что наиболее важно, правовое регулирование и осуществление государственной политики в области образовательной деятельности.

В первую очередь необходимо рассмотреть государственно-правовую политику исследуемого периода в сфере образовательной деятельности. Именно государство определяет цели и задачи, выделяет основные приоритеты, которые должны быть реализованы в стране по тому или иному направлению. И только после этого отдельные организации, а после и частные лица начинают выстраивать и реализовывать деятельность на практике в соответствии с политикой государства. На определенном уровне исторического и правового развития государство определяет свои приоритетные направления.

В случае, когда государство не осуществляет правовое регулирование той или иной сферы деятельности, то его заменяют традиции и обычаи, которые сложились на определенной территории и в определенный временной промежуток. Обычаи более консервативны по своему характеру в отличие от правовых норм, они труднее поддаются изменениям и могут не меняться в течение очень долгого времени. Вместе с этим традиции и обычаи зачастую не фиксируются в письменном виде, что в значительной степени усложняет процесс их изучения. Для воспроизведения тех или иных норм обычного права наиболее

удобным представляется применение реконструкции обычного права, посредством исследования сохранившихся документальных источников, например, писем или летописей; художественных произведений и в некоторых случаях даже картин; археологических предметов и сооружений.

Существующие на тот момент развития потребности государства могли удовлетворяться без создания государственной системы образования. Государственный аппарат еще не включал в себя большое количество чиновников, а церковь имела свои порядки и устои. Сфера образовательной деятельности в период Московского государства не являлась приоритетной, в основном ее процесс строился именно на основе традиций и обычаев. Они имели ярко выраженный сословный характер: наиболее образованными были служилый класс и духовенство в силу своих профессиональных обязанностей. Другие сословия тоже могли получать образование, например, направляться на обучение к тому или иному мастеру, но обычно и мастера, и ученики принадлежали к одному и тому же сословию. Тут важно отметить, что духовенство, здесь в первую очередь идет речь о монашестве, могло принимать в себя людей из разных сословий. Конечно, нельзя утверждать, что среди них существовало равенство, как правило, во главе монастырей вставали люди из более высокого сословия, и образованность и знание грамоты были не последними из причин.

В период Московского государства в праве только начинают создаваться сложные законодательные формы в виде судебников, Соборного уложения и указных книг. Основу составляли царское законодательство, постановления земских соборов, решения Боярской думы и отдельные частные акты. Обычай все еще имел большое значение для регулирования отношений, но постепенно начинал вытесняться законом. Тем не менее, кодификация русского права была направлена на урегулирование наиболее важных для государства сфер отношений, например, уголовных или административных. Как уже отмечалось ранее, образовательная деятельность в основном регулировалась обычаями, причем для каждой профессии было свое понимание того, кто, что и как должен изучать. Вместе с этим по мере развития и усложнения государственных и

общественных отношений начинают появляться отдельные указы и постановления, касающиеся сферы образования.

Одни из первых законодательных решений, которые были приняты в отношении организации образовательного процесса, зафиксированы в упомянутом Стоглаве. Стоит отметить, что в XV—XVII вв. законодательные решения в сфере образования принимались по мере необходимости и возникновению проблемы. В. О. Ключевский отмечал, что «главное внимание педагогики обращено было в другую сторону, на житейские правила, а не на научные знания»[9]. Образование – это та деятельность, которая приносит плоды в долгосрочной перспективе, а не сразу. Государству на том этапе развития было значительно проще пользоваться услугами сторонних мастеров, часто это могли быть иностранные специалисты. Так, наиболее известными архитекторами XV—XVII вв. были приглашенные итальянские мастера, такие как Алевиз Новый[10], Пьетро Антонио Солари[11], Аристотель Фиораванти[12] и др.

Принимая во внимание пока еще недостаточную заинтересованность государства в регулировании образовательной деятельности, необходимо отметить один важный аспект. Несмотря на все сословные или профессиональные различия большое внимание в то время уделялось православному воспитанию. Церковь с самого начала выступала как объединяющий фактор, который осуществлял идеологическое просвещение народа в том числе. Церковь устанавливала определенные нормы поведения, формировала мировоззрение, выступала судьей в вопросах норм морали. Влияние церкви на жизнедеятельность общества было велико: «вовлечение в обрядовые церемонии, воздействие эстетически продуманного и изощренного церковного искусства, сакрализация основных жизненных ситуаций, начиная с рождения и кончая смертью человека, обеспечивали большую степень воздействия на всех без исключения людей»[13].

---

[9] Ключевский В. О. Очерки и речи: Второй сб. ст. В. Ключевского. М: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. С. 221.
[10] Бусева-Давыдова И. Л. Алевиз Фрязин // Большая российская энциклопедия. Том 1. Москва, 2005. С. 430.
[11] Солари Пьетро Антонио // Большая российская энциклопедия. Том 30. Москва, 2015. С. 640.
[12] Шульгина Д. П. Фиораванти Фьораванти Аристотель // Большая российская энциклопедия. Том 33. Москва, 2017. С. 406.
[13] Днепров Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. С. 41.

Церковное воспитание было также очень важной частью обучения, потому что оно формировало почтительное отношение к властям и государю в первую очередь.

Для понимания роли и значения образования в России в допетровский период интересным представляется изучение трудов русских авторов на эту тему в сравнении с некоторыми западными авторами. Так, протопоп Аввакум – яркая фигура общественной жизни России XVII века. Аввакум являлся приверженцем традиционных взглядов на обучение. Он считал, что образование должно быть церковным. Наука, с его точки зрения, была вредна для человека, поскольку «всякая попытка проникнуть в таинства природы являлась с этой точки зрения опасным дерзновением, бесплодным и даже вредным умствованием, близким к ереси»[14]. Греческое и латинское образование он также считал нежелательным, поскольку оно ведет к духовному и религиозному невежеству. Однако даже церковное образование не должно было изучаться обычным человеком досконально. Обычному человеку не нужно было вникать в суть религиозных канонов, ему достаточно было знать только основные ритуальные вещи.

Вместе с этим Аввакум призывал осуществлять обучение на родном языке: «А кирелеисон-от отставь; так елленя говорят; плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви и в дому, и в пословицах»[15]. Помимо этого, он был сторонником домашнего образования, делая акцент на нравственном воспитании, а не на обучении. Аввакум считал, что воспитание и развитие духовных качеств человека является основной частью в образовательной деятельности.

В сравнении с западными мыслителями того времени идеи Аввакума отличались особой консервативностью и отрицанием научной ценности. Западные просветители в XVII и XVIII вв. различались суждениями о методах осуществления и регулирования образовательной деятельности, однако почти все сходились во мнениях о важности светского образования и развития наук. Так,

[14] Хлистунова Н. В. Педагогические воззрения протопопа Аввакума на процесс обучения / Н. В. Хлистунова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-2. – С. 289.
[15] Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М.: Гослитиздат, 1960. С. 159.

английский философ Фрэнсис Бэкон в своем труде «О достоинстве и приумножении наук» первостепенную роль образования в развитии человечества: «можно ли найти где-нибудь такое могущество и такую власть, какой образование наделяет и с помощью которой возвеличивает человеческую природу»[16]. Не человек, а природа должна была подчиняться ему, только таким образом было возможно развитие человека и прогресса общества. Похожего мнения придерживались и другие просветители исследуемого периода, например, Рене Декарт, Томас Гоббс, Джон Локк и др. Сами идеи, конечно, развивались под влиянием экономических и социальных изменений в обществе: «страны находились в процессе установления рыночных отношений, разрабатывались новые способы ведения хозяйства. Образование должно было давать людям реальные знания, которые им были бы необходимы для практической жизни»[17].

Проблематика образования и просвещения стала одним из основных направлений исследований зарубежных философов и просветителей. Тема роли науки в образовательной деятельности и важность ее освоения занимала центральное место в их исследованиях. Более поздний переход к светскому образованию в России обусловил иное развитие образовательных идей в работах русских просветителей. Несмотря на постепенный процесс перехода к государственной системе образования, включающий в себя образование школ и создание новых программ обучения, все еще многие русские просветители того времени отводили большую роль церкви и религии в развитии и формировании человека.

Иеромонах Русской православной церкви и русский богослов Епифаний Славинецкий являлся представителем грекофильского направления, ориентированного на византийско-русскую традицию образования. В своих работах «Рассуждения об учении греческому языку», «Лексикон филологический» и прежде всего «Гражданство обычаев детских», в основе

---

[16] Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. С. 141.
[17] Зайцева Ю. В. К вопросу о значении образования как условия устойчивого развития государства в трудах западноевропейских авторов XVII - начала XVIII вв // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10(197). – С. 94.

которых легли идеи немецкого философа Эразма Роттердамского, он высказывал необходимость в сочетании религиозно-православного воспитания и светского обучения. Помимо этого, «Гражданство обычаев детских» также включало в себя нравственное воспитание детей для формирования привычек правильного поведения в обществе. В своем труде Е. Славинецкий также обращал внимание на необходимость соблюдения правил гигиены. По его мнению, они должны были способствовать физическому развитию и укреплению здоровья. В вопросах обучения Е. Славинецкий указывал на обязанность учеников уважать окружающих и следовать обычаям, направленным на их обучение и развитие: «не быть «неприлично велиглаголивому» (многословному), слушать внимательно учителя, не отвлекаться при обучении и не роптать на трудности»[18].

Еще один просветитель XVII века Симеон Полоцкий считал, что характер и взгляды ребенка в значительной степени формируются под влиянием воспитания и окружения, родителей и учителей. Воспитание, полученное в детстве, определяет всю дальнейшую жизненную позицию и поведение человека. Формирование у детей основ нравственности, трудолюбия и прилежания было главным направлением его педагогических размышлений.

С. Полоцкий выделял три периода в воспитании человека. Детство являлось периодом, когда должны были закладываться основы нравственного воспитания. Когда ребенок подрастал, должно было начинаться его обучение. Просветитель считал, что в возрасте до 14 лет разум ребенка направлен на практическое обучение. А после до совершеннолетия должно было осуществляться умственное развитие человека и его гражданское воспитание. С. Полоцкий являлся сторонником «принципа природосообразности через воспитание ребенка в соответствии с его природными склонностями и талантами, данными ему от рождения»[19]. Придавая большое значение словам, разговорам и наставлениям, он считал, что при помощи слов ребенок может быть склонен к добру или злу.

[18] Гончаров М. А. Православно-педагогические идеи в образовании и воспитании в России накануне XVIII века (по материалам устного творчества и древнерусских произведений) / М. А. Гончаров // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2016. – № 2(41). – С. 73.

[19] Грохольская О. Г. Научно-педагогическое наследие и просветительский опыт Симеона Полоцкого / О. Г. Грохольская // История и педагогика естествознания. – 2020. – № 2. – С. 33.

Именно поэтому деятель полагал, что обучение должно ребенка начинаться как можно раньше.

Помимо этого, С. Полоцкий создал ряд книг, таких как «Псалтырь рифмотворная», «Вертоград многоцветный», «Обед душевный», «Букварь языка славенска»[20]. В них были отражены его идеи в сфере образовательной деятельности. Так, в своем сочинении «Вертоград многоцветный» он сформулировал основные идеи нравственного воспитания и обучения детей азам наук. Книга обобщила нравственные, религиозные и педагогические взгляды автора.

Свои концепты и подходы к нравственному воспитанию и разрабатывали и зарубежные просветители и, можно отметить, что во многом их идеи совпадали с идеями русских авторов. К примеру, английский философ Джон Локк ставил нравственное воспитание даже выше образования. Он не отрицал того, что «обучение наукам способствует развитию и добродетели и мудрости»[21], однако полагал, что это возможно только с людьми с «хорошими духовными задатками»[22]. Обучение должно служить вспомогательным средством для развития моральных качеств ребенка. Именно поэтому он считал, что воспитание и обучение должно происходить в домашних условиях. Философ признавал, что школа помогает социализации и развитию в ребенке живости и энергии. Но он уточнял, что польза в школьном образовании возможна только при наличии такого учителя, который смог бы следить за поведением учеников и воспитывать в них добродетель так же хорошо, как и обучать наукам.

Как видно из представленных примеров идеи русских мыслителей достаточно разнообразны, но каждый из них указывает на значение религиозного воспитания. Вместе с этим начинают появляться идеи о необходимости светского образования, что связано с развитием государственно-правовых систем, экономических и социальных взаимоотношений. Но в XV—XVII вв. эти идеи не

---

[20] Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / подгот. В. К. Былинин, В. П. Гребенюк, О. А. Державина и др.; под ред. А. Н. Робинсона. – М.: Наука, 1982. С. 352.
[21] Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 547.
[22] Там же.

получили еще большого развития, главным образом образование строилось на старых традициях и обычаях.

Тем не менее, централизация власти Московского государства положила начало для государственных и административных реформ. В связи с этим стало постепенно увеличиваться количество людей, нанимающихся на государственную службу. Это связано также с начавшейся во второй половине XVII в. бюрократизацией государственного аппарата, что требовало большого числа специалистов. Отмечается значительное увеличение численности работников при все еще небольшом количестве приказов: «в 1626 г. в приказах насчитывалось 673 дьяка и подьячих, в 1698 г. – 2750»[23]. Каждый приказ и иные государственные учреждения ведали своим кругом дел, в связи с чем специалисты имели разные квалификации, хотя и имели одну основу – знание чтения и письма.

Со второй половины XVII в. постепенно начинают создаваться учреждения для профессиональной подготовки кадров. В Москве появляются различные школы, например, школа в Андреевском монастыре, основанная в 1648 г. Ф. М. Ртищевым. При наборе преподавателей особо внимание уделялось их образованию и знанию языков, поскольку помимо обучения они должны были также заниматься переводом книг. Большое внимание уделялось и самому обучению – в школе наравне с грамматикой преподавались риторика, философия, греческий и латинский языки. Упомянутый ранее Епифаний Славинецкий стал главой данной школы, позже он возглавил другую школу – греко-латинскую школу при Чудовом монастыре.

В 1665 г. в Спасском монастыре также была открыта школа, где преподавал еще один видный деятель того времени Симеон Полоцкий[24]. Школа была открыта после того, как Полоцкому было поручено обучать трех подъячих Тайного и Дворцового приказов. В данной школе также обучали латинскому языку, грамматике, риторике, философии и богословию. Нужно отметить, что

---

[23] Днепров Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. С. 58.

[24] Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии: [Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной Академии 1 октября 1880 года экстраординарным профессором Н. Каптеревым] // Прибавления к Творениям св. Отцов 1889. Ч. 44. Кн. 4.С. 590.

количество учеников в школах оставалось немногочисленным. Первым учебным заведением, которое приняло на обучение большое количество учеников, стала Типографская школа. Она была основана в 1681 г., и ее учителем стал иеромонах Тимофей, который в то время вернулся в Москву из Константинополя.

В 1683 г., путешествуя по России, Типографскую школу посетил немецкий ученый Энгельберт Кемпфер. Он отмечал большое число учеников: «в первом отделении или классе было около пятидесяти мальчиков, которые обучались славянской грамоте; в другом отделении сидело десять больших мальчиков, которые только что читали»[25]. Вместе с этим Кемпфер отмечал неспособность преподавателя вести урок и объяснять что-либо. В том же 1683 г. согласно приказу архиепископа Симеона в школу были оправлены книги для обучения[26]. Число учебных книг соотносится с тем числом учеников, которое приводил Кемпфер в своих записях. На момент 1684 г. в школе обучалось уже более 190 человек. Они занимались изучением «греческого и словенского книжного учения и писания»[27], за что им выплачивалось денежное жалование. Помимо прочего в школе были старосты, которые являлись первыми среди учеников и осуществляли надсмотр над остальными.

В 1687 г. было учреждено первое высшее учебное учреждение в России – Славяно-греко-латинская академия[28]. Это событие интересно несколькими моментами. Во-первых, за несколько лет до учреждения школы в Россию были приглашены ученые из Константинополя – Иоанникий и Софроний Лихуды, которые впоследствии оказали большое влияние на развитие образовательной деятельности в стране. Они прибыли в 1685 г. и сразу же приступили к преподаванию. Лихуды стали преподавать в Богоявленском монастыре, и первоначально учениками были всего пять студентов Типографской школы – Алексей Барсов, Николай Семёнов-Головин, Фёдор Поликарпов, Федот Аггеев и

[25] Аделунг Ф. П. Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1827. С. 354.
[26] Российский государственный архив древних актов. Фонд 1182, опись 3, № 229.
[27] Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М.: Моск. гор. тип., 1884. Ч. 1. Стб. 1114.
[28] История Московской славяно-греко-латинской академии / соч. бакалавра Московской духовной акад. Сергея Смирнова. — М.: в Тип. В. Готье, 1855. — 428, II. С. 22-24.

Иосиф Афанасьев. Позже к ним были переведены и другие оставшиеся ученики Типографской школы.

Обучение в школе проходило на двух языках – латинском и греческом, причем приоритетом пользовался греческий язык. Вместе с этим, как отмечает В. В. Григорьев, Лихуды оказались хорошими преподавателями, обучая различным наукам, они не забывали о культурных и национальных особенностях страны, в которой преподавали: «строго поддерживая православие и применяя преподавание к национальному характеру учеников академии»[29]. Данный факт в немалой степени обозначил успех осуществляемой Лихудами образовательной деятельности.

Вторым интересным моментом, имеющим отношение к учреждению Славяно-греко-латинской академии, является принятая в 1682 г. «Привилегия на академию». Данный документ заложил основы организации академии: предоставляя ей определенные академические права и свободы, он вводил должность блюстителя, наделял определенными судебными функциями и т. д. Но что наиболее важно, так это то, что документ закреплял новую форму образовательного учреждения – академию, которая по замыслу должна была быть относительно автономным учреждением.

Данный документ впервые сформулировал отношение государства к образовательной деятельности, обозначил его заинтересованность в развитии данной сферы. Важность образования виделась в первую очередь в защите православной веры: «варварские народы богознанием просвещаются; правоверные же ко известнейшему познанию догматов веры достизают и очищения совести хранити научаются»[30]. Реализация поставленных целей должна была осуществлена посредством создания академии, где должны были преподаваться как духовные, так и гражданские науки.

Особых требований к ученикам не предъявляли, главное, чтобы это были православные люди. К обучению допускались люди любого чина, сана и возраста,

---

[29] Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 83.

[30] Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М.: Педагогика, 1985. С. 236.

хотя можно отметить, что на данном историческом этапе речь идет только об учениках мужского пола. Требований к учителям было несколько больше, учитель должен был быть «благочестивым и от благочестивых родителей рожденным и воспитанным во православной христианской восточной вере российского и греческого народа»[31]. Разумеется, он также должен был быть образован, обучен грамоте и наукам. Предполагалась возможность принятия иностранных учителей, однако для этого они должны были быть обращены в православную веру.

Помимо учителей вводилась должность блюстителя. Требования к нему предъявлялись такие же, как и к учителю. Блюститель был тем, кто следил за сохранением чистоты веры в академии. Так, при обнаружении запрещенной литературы, к которым относились книги о волшебстве, чародействе и другой ереси, их требовалось отдать блюстителю, который их сжигал. Также блюститель и учителя имели право осуществлять правосудие над учениками. Правосудие осуществлялось не по любым делам, а только по некоторым из тех, которые касались веры: те, кто «православную нашу христианскую веру или церковныя предания хулити и укорительная каковая словеса о ней глаголати имать»[32].

Помимо общих духовных школ существовали также школы, подготавливавшие определенных специалистов. Такие школы существовали, как правило, при конкретных приказах и готовили для них будущих кадров. Школами данные учреждения в современном понимании слова вряд ли можно назвать, поскольку вся образовательная деятельность была направлена не столько на получение знаний, сколько на приобретение некоторых навыков необходимых для дальнейшей профессиональной работы. Нельзя также готовить о том, что такие школы могли быть частью государственной политики в сфере образовательной деятельности, хотя конечно никакой государственной политики в данной сфере пока еще не существовало. Учреждение и организация

---

[31] Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М.: Педагогика, 1985. С. 237.
[32] Там же. С. 240.

деятельности таких школ регулировались в пределах конкретных приказов по-разному и осуществлялась по мере необходимости.

Так, например, при Поместном приказе существовала школа, сведения о ней появляются уже после 70-х гг. XVII в., однако можно предположить, что она существовала и раньше. Количество учеников в школе было небольшим: «всего за период с 1671 г. по 1675 г. обучение при Поместном приказе прошли 128 учеников»[33]. Учитывая специфику учреждения, большое количество учеников было и не нужно, очевидно, что небольшое число выпускников вполне могло удовлетворить нужды организации. Вместе с этим необходимо учитывать, что обучение проходило не в одном месте, каждый стол приказа набирал определенное количество учеников в зависимости от потребностей. На момент 1673 г. наибольше количество учеников было в Рязанском столе – 17 человек, в то время как в Московском было всего 5.

Время обучения зависело от уровня подготовки самих учеников, но в среднем составляло два-три года, в некоторых случаях срок обучения могли увеличить. Программа обучения строилась из профессиональных потребностей приказа. Очевидно, что большое значение уделялось чтению и письму, которое должно было быть не столько красивым, сколько быстро написанным и понятным для читающего. Специфика самого приказа требовала также знаний арифметики и сошного письма, т.е. умения вести земельные расчеты. По окончании обучения большинство учащихся оставались работать в приказе в качестве подьячих, остальные, как правило, поступали на службу в другие приказы и учреждения.

С уверенностью можно предположить, что похоже складывались дела и в других приказах. Главное различие состояло только в тех предметах, которые должны были преподаваться ученикам. Так, например, очевидно, что служащий Каменного приказа должен был разбираться в основах строительства, иметь знания о том, какие и какого качества должны быть строительные материалы и т. д. Конечно, непосредственно саму работу выполняли различные мастера,

[33] Днепров Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. С. 105.

которые подчинялись приказу, но именно Каменный приказ организовывал и контролировал весь процесс.

Большой интерес вызывают отдельные специфические отрасли профессиональной деятельности, к ним можно отнести медицинское и военное дело. Первые медицинские школы в России начали появляться только после второй половины XVII в., до этого обучение проходило, как правило, на частной основе. Часто приглашались иностранные врачи, большим авторитетом пользовались врачи из Англии. Квалифицированность иностранных врачей способствовала тому, что стало практиковаться обучение отечественных специалистов за границей. Так, например, в 1629 г. в Англию был оправлен Иван Эльмстон для изучения медицины и «через 13 лет он вернулся в Россию доктором медицины»[34].

Иностранные врачи, которые собирались поступить на службу в Россию, должны были предоставить рекомендательное письмо. Делалось это для того, чтобы отсеять всех возможных шарлатанов и просто некомпетентных лиц. В частности, английский врач Артур Ди, на русский манер его звали Артемий Дий, когда поступал на службу к русскому царю Михаилу Фёдоровичу, предоставлял рекомендации от короля Якова I. Нужно отметить, что, хоть в России и признавалось качество иностранной медицины, к самим иностранным врачам по приезду относились настороженно. Важно было определить в первую очередь степень их квалификации.

Рекомендательные письма выполняли функции некоего барьера, первой ступени проверки. Наиболее важным было пройти экзаменационную проверку, проводить которую поручалось специалистам Аптекарского приказа. Тот же Артемий Дий, после определенного срока службы, надо полагать, проводил проверки новоприбывших врачей. М. Б. Мирский подробно описывал экзаменационный процесс, проводимый Артемием Дием, в отношении Филипа Бритье. Он подробно расспрашивал о свойствах и качествах различных трав,

[34] Мирский М. Б. Очерки истории медицины в России в XVI-XVIII вв. Владикавказ: Реклам.-изд. агентство Госкомиздата РСО-А, 1995. С. 21.

просил описать процесс приготовления различных микстур. Отдельное внимание он уделял вопросам хирургии, о том, как именно необходимо оказывать медицинскую помощь, какие раны и болезни ему известны. Результатами Дий оказался доволен, о чем написал в заключении.

Однако постепенно в стране начала возрастать потребность в квалифицированных отечественных специалистах. Это было связано в немалой степени с желанием уменьшить количество иностранных врачей, находящихся на службе в стране. Данное обстоятельство обусловило открытие первых медицинских школ в России. Первая, так называемая Лекарская школа, была открыта 1654 г. в Москве. Она была учреждена при Аптекарском приказе, что, как видно из предыдущих примеров, не было чем-то необычным. Количество первых учеников было немногочисленно, это было «30 человек стрельцов и стрелецких детей и иных всяких чинов»[35]. В период с 1655 г. по 1682 г. число учеников варьировалось от 30 до 40 человек. Это количество учеников весьма немногочисленно и не могло подготовить достаточное число отечественных специалистов-врачей. С. М. Громбах указывает, что «в списке «чинов Аптекарского приказа» 1681 г. значится всего лишь 21 русский лекарь»[36].

Срок обучения не был строго определен, все зависело от способностей обучающегося. По окончании обучения ученик предоставлял челобитную, в которой он описывал все свои знания и осуществленную практику и просил определить его в лекари. После этого он должен был пройти экзамен, который принимали врачи Аптекарского приказа, и становился врачом. Само обучение состояло из теоретических и практических занятий. Ученики занимались по учебникам, изучали фармацию «практически по лекарствам, рисункам, в садах и лесах под руководством аптекарей»[37]. Помимо этого осуществлялось изучение анатомии, физиологии, фармакологии и терапии. После изучения теории большое внимание уделялось получению практических основ профессии. За каждым обучающимся закреплялся лекарь, и ученики должны были везде следовать за

[35] Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М.: Изд. АМН СССР, 1953. С. 16.
[36] Там же.
[37] Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. С. 204-205.

ним: посещать больных, готовить лекарства, ассистировать при операциях и т. д. Позже, когда ученик, по мнению наставника, становился достаточно самостоятельным, его могли оправлять на прием к пациентам самостоятельно без присмотра наставника.

В XVII в. уже существовало разделение врачей по специальностям: были врачи аптекарские, лекарские, алхимисты, костоправы и пр. Аптекари, лекари и алхимисты были наиболее многочисленны. Вместе с этим они не были так высоко квалифицированы, как врачи, которые проходили обучение за границей. Срок их обучения также различался, обучение за границей занимало гораздо больше времени и могло достигать 20 лет. Обучение в других странах было на тот момент достаточно редким явлением, поэтому практически единственным способом стать врачом было обучение в Аптекарском приказе.

Еще одним направлением, которое вызывает отдельный интерес, было военное дело. Хотя регулярная армия появилась в России только в XVIII в., предпосылки к ее созданию закладывались задолго до этого. Военная сфера всегда представляет для государства большое значение, армия является опорой правителя, она осуществляет защиту страны, как от внутренних, так и от внешних врагов. Именно поэтому всегда было важно, чтобы армия была хорошо подготовлена и оснащена. Особенно это было важно после событий Смутного времени, когда требовалось укрепление границ территории страны и усиление централизации. Также немаловажным фактором стало развитие военного дела в иностранных государствах.

Обучение военному делу велось в основном на практике, школ, которые бы подготавливали профессиональных военных в XV—XVII вв. не существовало. По традиции также существовала практика приема иностранных военных на службу в Россию. В XVII в. были Патрик Гордон, Франц Лефорт, Георг фон Менгден, Даниил Краферт и пр. Однако нельзя сказать, что обучения военному делу в стране в обозначенный период вообще не существовало. Так, в первой половине XVII в. была выпущена книга «Учение и хитрость ратного строения пехотных

людей»[38]. Это был перевод руководства по военному делу, написанного Иоганном Якоби фон Вальхаузеном. В книге подробно описывались и разъяснялись принципы боевой подготовки пехоты. Рассматривались вопросы обращения с оружием, правила построений, организации полевых лагерей, ведения караула и т. д., также к руководству прилагались рисунки. В последующие года также стали издаваться книги, посвященные военному делу, но, как и в случае с руководством Вальхаузена, спросом они пользовались в основном у знатных людей.

Большое внимание уделялось обучению людей, осуществляющих непосредственное обеспечение армии и другие сопутствующие военному делу функции. Большую роль здесь играл Пушкарский приказ, в ведение которого помимо всего прочего находились вопросы строительства крепостей и других оборонительных сооружений, производства колоколов и орудий. Для выполнения подобных работ были необходимы квалифицированные мастера и рабочие. В основном обучение велось в Московском Пушечном дворе, который находился в ведении Пушкарского приказа. В нем обучались самые разные специалисты: колокольные, оружейные, пушечные и др.

Зачастую учениками становились дети пушечных или колокольных мастеров, людей пушкарского чина. Это поощрялось и правительством, поскольку для изучения названных специальностей требовалось много времени, и легче всего обучение было осуществлять с малых лет семье. Позже при Алексее Михайловиче вышел указ о запрете детей мастеровых людей Пушкарского приказа идти на службу в другие приказы: «Которые пушкарские и пушечных и колокольных мастеровых людей Пушкарского приказу дети, и братья, и племянники, и тем пушкарским и мастеровым детям, и братьям, и племянникам мимо Пушкарского приказа в иные приказы ни в какой чин в службу ставиться не велено»[39]. Очевидно, что данный приказ преследовал цели сохранения семейных династий мастеровых людей и привлечения новых специалистов на службу.

---

[38] Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука, 1970. С. 213.

[39] Днепров Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. С. 112.

Обучение длилось, как правило, 5 лет, это зависело не только от способностей самого ученика, но и от решения мастера, который занимался его обучением. Изучение мастерового дела возможно было также и у частных мастеров. Такие ученики могли привлекаться к работе в Пушечном дворе, обычно это были ученики колокольных мастеров. По окончании обучения учеников ждал экзамен: они должны были самостоятельно изготовить товар, который потом должен был оценить мастер. Вместе с этим существовала практика, хотя и не частая, когда ученика не допускали к экзамену, а переводили к другому мастеру той же или даже другой специальности. Н. Н. Рубцов приводит в пример ученика, который «был переведен в подковщики, очевидно, вследствие убеждения, что хорошего литейного мастера из него не получится»[40].

Большое количество различных мастеров, которые должны были обладать специальными знаниями в различных областях, обусловило то, что при Пушкарском приказе начала собираться своя библиотека. С. П. Луппов отмечает, что книги в библиотеке имели разную направленность: «здесь были книги по фортификации, строительному делу, устройству водовзводных машин, геодезии, географии, астрономии, арифметике и т. д.»[41]. Такое тематическое разнообразие определено деятельностью самого приказа, но можно понять, что основу составляли книги технического характера. В свою очередь библиотека Аптекарского приказа в основе своей содержала книги по медицине, биологии и другим естественным наукам, что совершено не удивительно. Однако в ней также присутствовали книги других направлений в том числе «книги по истории, сочинения Плутарха, Ксенофонта, по философии (например, сочинения Аристотеля), по филологии (комментарии к латинской грамматике), произведения Цицерона»[42]. Нужно отметить, что в основном были книги на иностранных языках, немецком, латинском и др.

Исследуя другие виды ремесла, ткацкого или кузнечного, следует уточнить, что обучение ему происходило либо в тех же государственных органах, приказах

---

[40] Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М.: Машгиз, 1962. С. 57.
[41] Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука, 1970. С. 210.
[42] Там же. С. 207.

или палатах, например, в Оружейной плате, либо у частных мастеров. Частное обучение сопровождалось составлением «жилых» записей, которые представляли собой юридических документ, оформляющий обязанности мастера и ученика. В записях также определялся срок обучения, в течение которого мастер должен был добросовестно обучать ученика. Нарушение договора могло повлечь к его расторжению. «Жилые» записи также предусматривали невозможность мастера злоупотреблять своими правами, так как ученик, приходя на обучение, поступал в полное распоряжение к мастеру. При нарушении этого обязательства ученик мог расторгнуть договор без необходимости выплачивать неустойку.

Поступление на так называемое государственное обучение в палатах и приказах осуществлялось несколько иным способом. Ученикам было необходимо иметь «поручные записи, сходные с жилыми записями в части обязанностей учеников»[43]. Контроль за обучением осуществляли уже государственные органы, в которых служили мастера, поэтому договоры не подписывались. Как уже описывалось, срок обучения не был четко регламентирован, дальнейшая судьба ученика также могла быть изменена по решению палаты или приказа. Во многом это зависело от способностей самого ученика, от потребностей государственного органа и наличие свободных мест в штате.

Таким образом, давая характеристику правовому регулированию в сфере образовательной деятельности в период Московского государства можно отметить, что как таковой государственной образовательной политики в данный период еще не существовало. Многие вопросы и проблемы регулировались разовыми решениями, единого выработанного процесса государственного регулирования образовательной деятельности не было. На период XV—XVII вв. государство не было в достаточной мере заинтересовано данной сферой, хотя необходимо отметить, что, начиная со второй половины XVII в., оно все больше начинает вовлекаться в сферу образования. Постепенно увеличивается число ученых, которые начинают говорить о необходимости светского образования;

[43] Днепров Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. С. 101.

открываются школы, большое внимание в них уделяют не только религиозным предметам, но и светскому образованию. Большое число высококвалифицированных мастеров составляют иностранцы, вместе с этим появляется практика отправки учеников за границу, хотя количество таких учеников все еще крайне малочисленна. Создание школ, существовавших при определенных приказах, было выражено в первую очередь необходимостью заполнения кадрового состава государственных органов, которые по мере развития государства и уложением государственного аппарата, требовали большего числа специалистов.

Однако вместе с этим процесс государственного регулирования образовательной деятельности в Московском государстве только начинает свое зарождение, на данном этапе еще нельзя говорить о нем как о сформированном виде государственной политики. Во многом процесс обучения строился на существующих традициях и обычаях, знания часто получались на практике, минуя изучение теоретических материалов, по принципу «знаю как, не знаю почему». Учебные пособия и другие образовательные материалы начинают приобретать популярность только в XVII в., хотя она все еще мала. В большинстве случаев они изучается теми, для кого знание чтения и письма является их профессиональной необходимостью. Также нельзя забывать, что в данный период развития государства образование могли себе позволить почти во всех случаях только свободные люди. Данный факт немаловажен при определении того, на что была направлена политика государства в то время.

1.2. Педагогическая мысль и государственная политика в области образовательной деятельности в первой половине XVIII в.

К началу XVIII в. в России назрело достаточное количество причин и предпосылок для проведения реформ в стране. Одной из причин можно назвать общую отсталость России от западных держав[44]. Во многом это связано с тем, что в западных странах к тому периоду постепенно уже начали складываться

[44] Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С. 74.

капиталистические отношения, в то время как в России преимущественно развивалось феодальное землевладение. Определенную роль в отставании страны сыграло также отсутствие морских путей с Западом, что сильно усложняло торгово-экономические отношения стран. В XVII в. Россия имела выход только к двум морям: Белому и Каспийскому. С западными странами торговля велась через Белое море, однако путь по нему был более долгий и сложный, к тому же зимой море замерзало, что делало невозможным путешествие. Эти факторы значительно осложняли внешнюю торговлю и тормозили экономическое развитие России.

Отставание существовало также и в военной сфере. Во-первых, в стране не существовало военно-морского флота. Приобретенный в ходе Северной войны выход к Балтийскому морю четко обозначил важность данного факта. Создание такого флота играло первостепенную роль в укреплении позиций страны на международной арене и защите границ государства. Существовала также необходимость реформирования сухопутных войск: требовалось проведение переустройства системы комплектования и организации армии, было важно осуществление обеспечение полного и более качественного технического оснащения войск, а также создание новой программы подготовки и обучения военнослужащих.

Необходимо отметить, что упомянутую уже Северную войну саму по себе можно назвать одной из причин реформирования страны. Она обозначила ряд проблем, которые выразили сначала необходимость проведения военной реформы. Необходимость военной реформы обусловила реформы экономические. Как справедливо заметил Ф. Энгельс: «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот»[45]. Экономический вопрос, хотя и был обусловлен в первую очередь нуждами армии, позволил выявить ряд проблем в других сферах, например, государственно-административной.

Образовательные реформы стали следствием активных политических и экономических преобразований Петра I. Еще на начальном этапе реформ было

[45] Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М.: Воениздат, 1958. С. 11.

понятно, что для их осуществления потребуется большое число квалифицированных специалистов. Подготовка кадров требовалась во всех отраслях государственной и общественной деятельности, начиная с военной сферы и заканчивая медицинской. Необходимо отметить, что нужды армии и созданного при Петре I флота обеспечивали практически все профессиональные отрасли страны: в военных целях работала промышленность, создавалось оружие и другое снаряжение, строились военные сооружения и корабли, организовывалось медицинское обслуживание и продовольственное обеспечение. Реформы государственного управления также потребовали специалистов для формирования профессионального административного аппарата.

М. Ф. Владимирский-Буданов придерживался мнения, что «уже с самого первого года XVIII в. русское законодательство начинает высказывать, что оно не признает никакой другой цели в образовании, кроме значения пригодности его для той или иной профессии»[46]. Далее он поясняет, что главной задачей государства являлось наиболее лучшее функционирование всех государственно важных сфер деятельности. Само по себе образование человека не являлось целью государства, это лишь инструмент для эффективного развития страны. Данное утверждение представляется несправедливым, поскольку так или иначе вся деятельность государства направлена на развитие страны. Не беря во внимание отдельные исторические примеры, можно с уверенностью утверждать, что все государства стремились и стремятся к развитию своей страны. Образование в первую очередь всегда носит прикладной характер, во многом сама наука развивается с учетом потребностей общества и государства. И уже после удовлетворения всех потребностей происходит развитие науки ради самой науки.

Однако даже при отсутствии более широких идей о целях просвещения, ценность проводимых образовательных реформ остается все так же большой. Отмечая те предпосылки, которые привели к преобразованиям в сфере обучения и науки в период правления Петра I, можно утверждать, что выдвижение на первый

[46] Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874. С. 155.

план цели развития государства в военной, экономической и административной сферах является вполне обоснованной и разумной.

Вместе с этим в начале XVIII в. высказывались идеи о важности духовного и нравственного воспитания, что по своей сути не может принести того материального блага для страны, которое может принести ремесленное или иное другое образование. Так, например, в наказе земским комиссарам указывалось на необходимость духовного воспитания людей, живущих в его уезде: «как возможно и пристойно в своем уезде стараться, чтоб подданные при всех случаях страху Божью и добродетели, к добрым поступкам, правде и справедливости ко всем людям, тако же к подданым верности и покорности Его Царскому Величеству обучены и наставлены были»[47].

Понимали необходимость образовательных реформ и русские просветители. И хотя в начале XVIII века в России все еще не существовало трудов на философские или педагогические темы в том виде, какие существовали на Западе, тем не менее, в произведениях различных авторов можно найти разрозненные высказывания, позволяющие выстроить различные концепции образовательной деятельности. Русские просветители стали выдвигать идеи распространения наук, создания школ, формирования системы профессионального образования.

Просветитель Карион Истомин сформулировал широкие цели для науки, включая и практические – способствование тому, чтобы люди могли полностью покончить с нуждой и бедностью. Он призывал всех открывать школы для обучения детей с ранних лет, считая школу самым важным инструментом для распространения образования. Он также придерживался мнения, что книги, в дополнение к школам, являются эффективным просветительским средством.

Нравственное воспитание, формирование правильных моральных качеств, являлось центральной составляющей педагогических взглядов Кариона Истомина. По его мнению, главной задачей образования является привитие доброты, высоких моральных качеств, духовной чистоты и гуманизма. Вместе с

[47] Инструкция или наказ Земским Комиссарам в Губерниях и Провинциях от января 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3295.

этим просветитель не пренебрегал и вопросами трудового воспитания, поскольку рассматривал трудолюбие как неотъемлемую часть морально-нравственного воспитания человека, тогда как лень, по его мнению, являлась источником всех зол.

Карион Истомин считал, что необходимо изучать как духовные, так и светские науки. В то же время он придерживался мнения о необходимости как мужского, так и женского образования, что соответствовало идеям западноевропейского просвещения. Просветитель полагал, что в образовательном процессе необходимо учитывать возрастные особенности детей, уметь сочетать умственное, нравственное и физическое воспитание и применять игры для целостного развития личности. Карион Истомин также предлагал «отказаться от суровых телесных наказаний детей, заменив их какими-то действиями (например, земными поклонами во время молитвы)»[48].

Одним из наиболее видных просветителей петровской эпохи был Феофан Прокопович. Он поддерживал общественные реформы Петра I и придерживался мнения о необходимости развития образования в стране. В своей книге «Об искусстве риторическом» Ф. Прокопович высказал ряд ценных идей для образовательной деятельности и педагогики. Он считал, об ораторе можно судить по воздействию его речи на слушателей и «если, разумеется, он в своей речи излагает важные и трудные для восприятия материи и если он побуждает и склоняет слушателей к чему угодно»[49].

Большой вклад в развитие образования Ф. Прокопович внес благодаря своей работе над «Духовным регламентом». Данный нормативный документ помимо прочего затрагивал вопросы обучения, предлагая план организации академии, которая должна была стать высшим учебным заведением. Большое значение он отдавал светским наукам, которые должны были преподаваться наравне с духовными. Именно отсутствием должного образования Ф. Прокопович объяснял

[48] Грицай Л. А. Полемика "грекофилов" и "латинофилов" о сути воспитания детей в семье во второй половине XVII века / Л. А. Грицай // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2022. – № 2(42). – С. 246.

[49] Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 46.

наличие в обществе и в людях ереси. Соглашаясь с тем, что образование люди тоже могут быть подвержены инакомыслию и заблуждениям, Ф. Прокопович указывает на то, что подобное происходит не из-за учения как такового: «но ересь в оных родилась не от учения, но от скуднаго священных писаний разумения, а возрасла и укрепилася от злобы и гордости, которая не попустила им переменить дурное их мнение»[50].

Идеи Ф. Прокоповича были частично реализованы при учреждении некоторых архиерейских школ. Однако большого отклика среди духовенства и населения он не встретил: «в большей части духовных учреждений утверждался дух схоластики, зубрежки и пренебрежения к личности школьника, против чего решительно боролся Феофан Прокопович»[51]. Интересно отметить, что взгляды Ф. Прокоповича оказали большое влияние на другого видного просветителя первой половины XVIII в. В. Н. Татищева, хотя необходимо ответить, что его основная деятельность пришлась на вторую четверть столетия, которое будет исследоваться далее в работе. В. Н. Татищев также в своей деятельности много времени уделял вопросам образования и роли государства в регулировании образовательной деятельности.

Интересны идеи Ф. С. Салтыкова, которые касаются организации образования в России. В частности, большее внимание стоит уделить «Пропозициям», записка, которую Ф. С. Салтыков написал Петру I. В данной записке он изложил концепции реформ, направленных на преодоления отставания государства от европейских держав и развития внутреннего потенциала страны. Повсеместное образование должно было, согласно идеям Ф. С. Салтыкова, способствовать развитию страны. Вопросам организации образовательной деятельности он уделял отдельное внимание. Так, он предлагал учредить в каждой губернии академии, в которые было необходимо «набрать учеников

[50] Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. М.: Синодальная типография, 1861. С. 46.

[51] Шабаева М. Ф. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. - первая половина XIX в. М.: Педагогика, 1973. С. 43.

дворянских и купецких детей и всяких иных ровных чинов»[52]. В таких школах должно было обучаться большое количество детей, около 2 тысяч студентов, а для того, чтобы было возможно их размещение и содержание, предлагалось использование для этих целей монастыри. Дети должны были поступать на обучение в раннем возрасте с 6 лет и проходить длительный процесс изучения наук до 23 лет. В академиях должны были преподаваться множество различных наук: иностранные языки, грамматика, естественные и математические науки, философия, богословие и т. д. Обучающиеся в академиях должны были получить широкие знания и практические умения вплоть до получения навыков верховой езды и танцев.

Ф. С. Салтыков стал одним из первых, кто высказал тогда еще непопулярное мнение о необходимости создания женских образовательных учреждений. Он считал, что наравне с академиями в каждой губернии также должны быть открыты женские школы при монастырях. Обучение в них не должно было быть таким длительным как в академиях, предполагалось, что в них будут учиться девочки в возрасте от 6 до 15 лет. Это отвечало потребностям того времени, девочек должны были обучать скорее не наукам, а базовым предметам: чтению, письму, иностранным языкам, рисованию, музыке, танцам и пению. В первую очередь было важно обучить девочек манерам и правилам поведения в обществе, чему школа могла способствовать гораздо лучше. Совместное обучение, по мнению Ф. С. Салтыкова, гораздо лучшее способствует усваиванию новых знаний и привитию правильных манер, в отличие от индивидуального обучения дома: «и как они будут всегда вместе, гораздо будут умнее и обходительнее нежели как они у отцов своих живут в доме до замужества»[53].

Нужно отметить, что идеи Ф. С. Салтыкова не были реализованы, на тот моменты они были слишком смелыми. Они не учитывали ни культурные, ни исторические традиции, сложившиеся в сфере образовательной деятельности. Более того, у государства на тот момент не было достаточных ресурсов для

[52] Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб.: Тип. Академии наук, 1890. С. 20.
[53] Там же. С. 26.

реализации столь широкого проекта. Для этого требовались значительные и финансовые и материальные возможности, не говоря уже о том, что данный проект требовал большого числа учителей, способных преподавать различные науки. Вместе с этим концепции Ф. С. Салтыкова представили собой начинающийся процесс зарождения прогрессивных образовательных идей в обществе. Существуя только как идеи и концепции, в будущем они послужили базой для законодательных реформ в сфере государственного регулирования образовательной деятельности.

Русский публицист и экономист И. Т. Посошков был еще одним сторонником реформ Петра I. В первую очередь он поддерживал экономические и военные реформы, будучи твердо убежденным в большом потенциале страны. Он написал множество работ, в которых рассуждал о проблемах государства и возможных необходимых преобразованиях. К этим работам относятся «О ратном поведении», «Завещание отеческое к сыну», «Письмо о денежном деле», «Книга о скудности и богатстве» и т. д. И хотя в основе своей предлагаемые И. Т. Посошковым реформы носили экономический характер, он предлагал также ряд социальных, в том числе образовательных, реформ. Образовательный вопрос он рассматривал как часть социально-экономических преобразований, решение которого должно помочь в достижении более высокой цели и, в конечном счете, в трансформации государства.

И. Т. Посошков выступал за широкое учреждение школ в стране, при этом он придерживался мнения, что духовенство должно обучаться в специализированных школах. Он один из немногих, кто также обратил внимание на образование крестьянства. Он считал, что одной из причин бедности крестьянства является именно неграмотность, поскольку из-за этого они становятся беззащитны перед мошенниками и не способны оспорить их действия. И. Т. Посошков предлагал «крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отдавали дьячкам в научение грамоты и, науча грамоте, научили бы их и писать»[54]. Он полагал, что грамоте следует обучать детей всех

[54] Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд. Акад. наук СССР, 1951. С. 171.

национальностей, населяющих Россию, поскольку это могло позволить распространить веру на другие народы: «А иные выучат грамоте, познают святую христианскую»[55]. Нужно отметить, что И. Т. Посошков в своих работах большое значение уделяет религии, что видно в обозначенном примере. Грамотные же крестьяне, по мнению И. Т. Посошкова, должны были принести больше пользы как помещику, так и государству, создавая больше кадров, способных к государственной службе.

В своей работе «Завещание отеческое к сыну» И. Т. Посошков затрагивал вопросы воспитания, формулируя идеи о правильном подходе к обучению и отношению к книгам. Во многом размышления И. Т. Посошкова не отходят от сложившихся в то время традиций религиозного воспитания: «и яко страх у Божию, тако и цареву учи, к тому же смирению, и прочим добродетелем, учи их прилежно»[56].

Вместе с этим И. Т. Посошков разработал программу обучения, в которой последовательно описал какие и в какой последовательности необходимо изучать предметы. В первую очередь необходимо было освоить славянское чтение, после можно было перейти к изучению славянской грамматике, далее должно было последовать изучение арифметики. После того, как основные предметы постигались учеником, следовало изучение иностранных языков, латинскому, греческому или польскому, и художеству. Помимо изучения наук большое значение в работах И. Т. Посошкова уделяется нравственному воспитанию, которое должно прививаться с малого возраста. Правильное воспитание должно прививать в человеке трудолюбие и скромность: «обучай его и нужду всякую терпети, одеждами драгоценными не украшай его»[57]. Учиться нужно было так, чтобы у ученика не оставалось времени на празднества, И. Т. Посошков отмечал, что все время должно проводиться с пользой.

Концепции И. Т. Посошкова имеют большое значение для теоретического исследования, но в XVIII в. они не были приняты. После смерти Петра I

[55] Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд. Акад. наук СССР, 1951. С. 172.
[56] Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1873. С. 54.
[57] Там же. С. 56.

И. Т. Посошков был заключен в Петропавловскую крепость, где вскоре умер. Большая российская энциклопедия ссылается на официальные документы, согласно которым И. Т. Посошков «содержался в тюрьме по «важному секретному государственному делу» и был уличен «в важной криминальной вине»[58]. Многие исследователи придерживаются мнения, что причиной аресту послужили буржуазные идеи публициста, описанные в «Книге о скудности и богатстве».

Уже упомянутый В. Н. Татищев был одним из наиболее ярких деятелей, занимавшихся вопросами образования в России. В своей работе «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах» он подробно рассматривает существующую на момент написания произведения систему образования, рассуждает о полезных и вредных науках, о влиянии возраста на обучение. Особенно интересны рассуждения о развитии наук в иностранных государствах, таких как Англия и Франция. Сравнение отечественного и иностранного образования позволяет В. Н. Татищеву выявить достоинства и недостатки различных систем образования.

В вопросе доступности образования В. Н. Татищев видел пользу во всеобщем образовании: «Я же рад и крестьян иметь умных и ученых»[59]. Необразованность он видел более опасным явлением, именно образование, по мнению В. Н. Татищева, могло стать действенным инструментом для укрепления и повышение благосостояния страны. Но не всякая наука являлась полезной. Деятель делил науки на несколько категорий: нужные, полезные, щегольские, любопытные и тщетные и, наконец, вредные. К нужным наукам он относил говорение, домоводство, медицину, нравоучение и законоучение, логику и богословие. Полезные науки более многочисленны, они составляют собой наиболее востребованные для профессиональной деятельности дисциплины. К ним В. Н. Татищев относил письмо, риторику, иностранные языки, математические и исторические науки, естественные науки, такие как география и

[58] Козлова Н. В. Посошков Иван Тихонович // Большая российская энциклопедия. Том 27. Москва, 2015. С. 252-253.
[59] Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Татищев В. Н. Избранные произведения – Л.: «Наука», 1979. С. 86.

ботаника, а также физику и химию. Щегольские науки не были ни полезными, ни вредными, они носили скорее увеселительный характер. В их число входили поэзия, музыка, танцы, живопись и верховая езда. Любопытные науки также не несли в себе пользы, В. Н. Татищев придерживался мнения, что они не являются достоверными науками, хотя многие суеверные люди в них верят. К таким наукам он относил астрологию, физиогномику, хиромантию и алхимию. Последняя группа наук являлась вредной, к ней относились науки, связанные с колдовством.

В работе «Духовная моему сыну» В. Н. Татищев также затрагивал тему образования. Он указывал на необходимость чтения правильных книг, в первую очередь это относилось к религиозным книгам. Он также отмечал важность сохранения книг: «А хотя тебе и довольно останется моих книг, однако ж еще старайся о собрании полезных как светских, так и духовных, что тебе в жизни неоцененным сокровищем служить будет»[60]. В своей работе В. Н. Татищев давал наставления о том, какие науки необходимо изучать и в каким возрасте это следует делать. Отдельное место он уделял нравственному воспитанию, что считал неотъемлемой частью правильного формирования личности.

В. Н. Татищев был одним из первых, кто составлял подробные руководства для организации процесса обучения. Так, В. Н. Татищевым была составлена Инструкция «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах». В ней он впервые сформулировал требования к личности учителя как человека, обучающего детей не только отдельным дисциплинам, но и усвоению жизненных правил. В инструкции В. Н. Татищев также перечислял перечень дисциплин и ремесел, которые необходимо было преподавать, и давал обоснования их полезности. Методика обучения была подробно описана в работе, излагались способы наказания учеников за лень и пропуски занятий. Примечательно, что, по мнению автора, лучшим наказанием являлись не телесные, а те, что могли вызвать стыд ученика.

[60] Татищев В. Н. Духовная моему сыну // Тексты Духовной и Увещания. Содержание Разговора о пользе наук и др. сочинений. Объяснительные статьи – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1896. С. 9.

В основу общего образования, согласно В. Н. Татищеву, должны были входить предметы по гуманитарным, техническим и естественным наукам. Уделяться внимание должно было также медицине, праву и военной подготовке. Дополнительно к ним должны были преподаваться музыка, танцы, живопись и литература. Такое комплексное и глубокое обучение должно было способствовать раскрытию собственного потенциала в учениках и подготовить их к профессиональной жизни.

Нравственное же воспитание, по мнению В. Н. Татищева, дети должны получать дома под влиянием родственников. Те качества личности, которые следует формировать в детях, он ставил в зависимость от их будущего рода деятельности: для военной профессии важным качеством являлась храбрость и послушание старшим, для гражданского служащего – справедливость, бескорыстность и терпеливость.

Таким образом, в конце XVII в. было понятно, что Россия нуждается в преобразованиях. Экономическая и социальная отсталость страны создавала неблагоприятные условия для дальнейшего развития государства, как внутри себя, так и на международной арене. Требовалось проведение реформ во всех сферах государственно-политической и общественной жизни страны. С приходом к власти Петра I начался период реформаторской деятельности. Преобразования коснулись также сферы образования. Петр I понимал, что задуманные им реформы невозможны без создания государственной системы образования, которая могла бы подготавливать квалифицированных специалистов в различных областях. В первую очередь это нужно было конечно для создания стройного и крепкого государственного аппарата, который должен был обеспечить проведение дальнейших реформ в стране. Также было необходимо военное укрепление государства, особенно это стало понятно после неудачных походов в конце XVII в. и в преддверии Северной войны. Хорошо обученные военные и специалисты, обеспечивающие техническое и продовольственное оснащение армии, были крайне важны для обеспечения безопасности государства.

Необходимость перемен понимали также и ученые, и деятели России. Несмотря на то, что разные авторы могли расходиться во мнениях о задачах, формах и методах просветительской деятельности, они сходились во мнении о необходимости образовательных реформ как таковых. Так, например, И. Т. Посошков не выделял начальное образование в отдельную группу, считая, что «средства этого образования были, вместе с тем, средствами усвоения всего того христианского просвещения, которым поглощалось в их глазах понятие «образование» в собственном смысле»[61]. Иного мнения придерживался В. Н. Татищев, который считал начальное образование необходимой и отдельной частью образовательного процесса. Такую точку зрения он выражал по двум причинам: во-первых, для обучения народных масс достаточно только начального образования без углубления в изучения наук; во-вторых, начальное образование должно было стать первым этапом на пути получения высшего образования. Однако каждый из этих деятелей придерживался мнения, что развитие станы невозможно без создания государственной системы образования, которая бы позволила подготавливать квалифицированный специалистов.

[61] Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1.С. 98.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСНОВНЫЕ РЕФОРМЫ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

2.1. Роль и значение участия зарубежных специалистов в образовательной деятельности

Оценка значения участия зарубежных специалистов в образовательной деятельности невозможна без предварительного исследования их социально-правового статуса. В период правления Петра I все еще сохраняется практика приема на службу с предоставлением рекомендательных писем или поручительства. Так, например, Франц Яковлевич Лефорт, будучи иностранцем на службе в России, выступал поручителем для различных людей, стремившихся поступить на службу в Россию. В 1698 г. ему было отправлено письмо от И. Троншена, в котором он просил его посодействовать его племяннику в приеме на службу: «Прошу Вас милости оказать ему свою протекцию, и когда представиться случай, продвинуть его, как Вы это делали в отношении других, которым оказывали милости»[62]. Также в пример можно привести Ф. А. Головина, который оказал протекцию племяннику Франца Лефорта, Петру Лефорту. В 1700 г. Ф. А. Головин получил письмо от Амадея Лефорта, отца Петра, с благодарностью за содействие в службе: «ты… выдвинул его перед Царским Величеством на почетную должность полковника… не могу вместе с сыном должным образом выразить моей благодарности»[63].

Вместе с этим в петровскую эпоху все большую популярность получает порядок приема на службу иностранцев посредством заключения контракта. О. К. Ермакова сделала подробный анализ данных документов, отметив особенности процесса их заключения, основные виды договоров и выделив отличительные черты их содержания. Отмечается, что договоры петровской

[62] Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 305.
[63] Там же. С. 332.

эпохи были хорошо структурированы, а отдельные статьи разделялись посредством нумерации. Документ делился на отдельные разделы, которые регулировали определенные вопросы, например, вопросы жалования, размещения иностранного специалиста и при наличии его семьи, дополнительные работы и отпуск. Сами иностранцы принимали активное участие в составлении договора, поскольку в нем также рассматривались и такие важные вопросы как право выезда из России и свободы вероисповедания. Отдельно могли рассматриваться вопросы чрезвычайных ситуаций, например, попадание иностранца в плен. Можно видеть достаточную проработанность договоров того времени, что показывает развитие правовых отношений, а также большое внимание к регулированию деятельности иностранных специалистов в стране.

Все юридические акты, составленные с иностранцами по вопросам работы, О. К. Ермакова делит на несколько видов: договорные письма, капитуляции и договоры/контракты. Автор отмечает, что «различия между ними кроются в тонкостях внутренней формы и обстоятельствах создания»[64]. Договорные письма основывались на обязательствах нанимателя, которым выступало Русское государство. Капитуляции же были полной противоположностью и в основе своей представляли предложения иностранцев, чем они могут быть полезны на службе. Договоры/контракты составлялись на основе двусторонних обязательств, в таких документах формулировались также и права обеих сторон. Выделяя три вида документов, регулирующих службу иностранцев в России, О. К. Ермакова также отмечает, что юридическим актом в полном его значении следует считать только договоры/контракты. Договорные письма и капитуляции, по мнению автора, представляют собой лишь предварительную форму акта, ввиду наличия в них только односторонних обязательств.

Наиболее примечательным изменением в социально-правовом статусе иностранцев в России стало предоставление права вероисповедания, которое утверждалось изданным в 1702 г. Манифестом «О вызове иностранцев в Россию,

[64] Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов / О. К. Ермакова // История: факты и символы. – 2018. – № 4(17). – С. 57.

с обещанием им свободы вероисповедания». Данный Манифест был издан с целью привлечения большего числа иностранный специалистов, а, следовательно, и привлечения иностранного опыта и технологий. Право свободы вероисповедания сопровождалось правом стоить церкви иных конфессий. Также рассматривался вопрос свободного вероисповедания в армии. Важно отметить, что свобода вероисповедания распространялась только на христианскую религию: «охотно предоставляем каждому Христианину на его ответственность печись о блаженстве души своей»[65].

Манифест также установил право на свободный въезд иностранцев в Россию. Данное право сопровождалось обязательством для наместников, губернаторов и командующих, ведающих делами на границах страны и дорогах, ведущих от Киева, Смоленска и Пскова, оказания помощи иностранцам: «никаким образом препятствия или беспокойства причинено не было, но чтобы напротив того им оказана была всякая добровольная готовность к услугам»[66]. Для ведения дел, которые бы касались военного иностранного штата, Манифест предусматривал создание Тайную коллегию военного совета. Состоять Коллегия должна была из представителей иностранных государств, что в свою очередь должно было повысить доверие среди поступающих на службу иностранцев.

В 1721 г. Посланием Святейшего Синода были расширены права иностранцев в вопросе веры, а именно предоставлялись права на вступление в брак с иноверцем. Поводом послужило обращение в Берг-коллегию, где описывалось положение шведских пленных, работавших в горном деле. Они просили разрешение на возможность вступить в брак с русскими девушками, поскольку «понеже у многих, которые было поженились волею, за разность веры жен поотняли и отданы иным в супружество»[67]. Профессиональное мастерство иностранных рабочих, а также дополнительная возможность привлечения

[65] Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1910.
[66] Там же.
[67] Послание Святейшего Синода к православным «О беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами» от 18 августа 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3814.

иностранцев на длительное пребывание на службе в России сподвигло к принятию данного права. Однако Посланием устанавливалась важнейшая оговорка, что ни при каких обстоятельствах жена не должна была переходить в другую веру, а дети, рожденные от такого брака, должны были быть обращены в православную веру.

Исходя из вышеизложенного, можно судить о положительных изменениях в социально-правовом положении иностранцев в России. Необходимость модернизации страны требовала высокой профессиональной квалификации в различных сферах деятельности, что могли, в свою очередь, предложить иностранные специалисты. Ориентация на привлечения иностранного опыта повлекла за собой появление новых законодательных норм, которые должны были регулировать наиболее значимые вопросы проживания и работы иностранцев в стране. Все нововведения отразили положительную динамику в развитии правовых и профессиональных отношений России и иностранных лиц.

Сфера образовательной деятельности, как и прочие сферы в первой четверти XVIII в. в России, впитала в себя некоторые идеи и опыт зарубежных специалистов. Одним из наиболее известных иностранцев, оказавших влияние на науку и образование в России, был немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц. Г. Б. Корнетов отмечал, что «созидая науку, он стремился к ее повсеместному распространению, к всемерному развитию образования и культуры у всех народов»[68]. Помимо распространения наук Лейбница также интересовала международная политика. Нужно отметить, что два этих направления были взаимосвязаны. Философ полагал, что распространение европейского образования может помочь сблизить христианский мир и поднять его на новый уровень развития.

Интерес Лейбница к России был вызван несколькими причинами. Во-первых, личностью самого Петра I: «Великий царь русских обнаруживает необыкновенную возвышенность своего ума и свою геройскую энергию не только

[68] Корнетов Г. Б. Проекты Г. В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя) / Г. Б. Корнетов // Историко-педагогический журнал. – 2016. – № 4. – С. 101.

в воинских делах, но и в управлении страной, составляя и приводя в исполнение планы, о которых не смел и думать ни один из его предшественников»[69]. Лейбница подкупала заинтересованность Петра I в различных науках и зарубежных технологиях, он видел в этом большие перспективы как для модернизации самой России, так и для ее дальнейшего сотрудничества с западными странами. Другой причиной интереса немецкого философа Россией была ее связь с Западом и Востоком. По его мнению, Россия должна была стать своеобразным буфером между странами Запада и Востока, посредником для их взаимного сосуществования.

Введение в России европейского образования должно было проводиться, по замыслу Лейбница, с учетом и исправлением тех недостатков, которые существовали тогда в Европе. Не конкретизируя, философ объяснял наличие этих недостатков в европейском образовании историческими условностями и «различными уклонениями от истинного пути»[70]. Для России же он предлагал свой план реформирования образовательной и научной деятельности. Так, первостепенными задачами образовательной реформы являлись:

1. выявление нужд страны посредством ее исследования и описания;
2. изменение законодательства для привлечения иностранных специалистов;
3. отправление русских граждан для обучения за границу и исследование других стран;
4. учреждение высшей образовательной организации, а также ввоз в Россию товаров и технологий, которые могли бы быть полезны государству.

Исследования страны должно было проводиться не только для установления ее потребностей, но и для обнаружения возможных перспектив для дальнейшего развития новых отраслей производства. Для этого необходимо было исследование в равной мере и географических, и этнографических данных

[69] Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. С. 590-591.
[70] Там же. С. 648.

страны. Географические данные могут помочь обнаружить полезные ископаемые, леса или водоемы, а в том числе предложить новые места для хозяйственной деятельности. Этнографическое изучение страны должно способствовать определению производственных возможностей страны, например, какие ремесла могут или не могут иметь перспективы для дальнейшего их развития.

Изменение законодательства должно служить цели привлечения иностранных специалистов для посещения и работы в России. На момент составления Лейбницем его предложений Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания», который рассматривался ранее, еще не был издан. Исходя из содержания документа, В. И. Герье предполагает, что предложения были составлены 1697 г., он связывает это с избранием на польский престол курфюрста Саксонии Августа II Сильного. Поэтому можно утверждать, что данная рекомендация имела под собой достаточные основания.

Отправка для обучения за границу представителей из России также должна была служить цели обогащения новым, европейским опытом русского общества. Для этого было необходимо следить, чтобы те, кого следовало отправить в Европу, возвращались только с теми знаниями, которые могли принести пользу стране. То же самое относилось и к ввозу новых товаров и технологий. Прежде всего следовало приобретать книги и другие материалы, которые можно было бы использовать для создания новых библиотек. Предметом импорта также следовало сделать и прочие полезные для страны вещи, например, товары для мастерских, редкую продукцию и растения.

Одним из наиболее важных изменений, способствовавших развитию образовательной деятельности в России, должно было стать создание высшего образовательного учреждения. Согласно Лейбницу, данный процесс должен сопровождаться рядом сопутствующих процедур. В первую очередь необходимо было привлечение к управлению данной организацией людей, разбирающихся в науках, которые заинтересованы в просвещении и имеют широкий опыт и в науках, и в преподавании. Организация такого учреждения требовала больших

финансовых вложений, однако Лейбниц указывал, что потраченное время может стоить дороже денег.

Несмотря на многовековую историю России, положения, сформулированные Лейбницем, во многом остаются актуальным и сегодня. Изучение географических и этнографических особенностей страны все так же остается востребовано, несмотря на то, что за несколько прошедших веков было проведено колоссальное число исследований и работ. Со временем в основе этой деятельности сформировались новые приоритеты, которые выразились в деятельности по сохранению имеющихся природных ресурсов, их эффективное использование, а также сохранение культурного наследия всех народов России. Таким образом, с учетом экономических, технологических, политических и других изменений, обусловленных временем, положение развилось, образовывая новые, но связанные с ним задачи и приоритеты. Данное утверждение можно отнести и к другим положениям. Привлечение иностранных специалистов и обучение за границей русских студентов является важным направлением образовательной и экономической политики. То же касается и учреждения высших учебных заведений. В настоящее время в Российской Федерации существуют различные нормативно-правовые акты, которые регулируют процесс лицензирования и аккредитации образовательной деятельности с целью предоставления населению качественного образования. Все это выявляет ценность работы Лейбница и важность ее исследования в настоящее время.

Через интерес Лейбница к России можно проследить деятельность других иностранных специалистов и деятелей в России и в частности в сфере образовательной деятельности и науки. Так, Лейбниц вел переписку с бароном Генрихом фон Гюйссеном, немецким юристом, состоявшим на службе в России. Он поступил на службу к Петру I в 1702 г., его основной задачей было изменение образа России в иностранных государствах. В связи с этим он должен был выполнять ряд обязанностей. Во-первых, ему надлежало заниматься поиском специалистов в различных областях, начиная с военных и заканчивая мастеровыми людьми и приглашать их на службу в Россию. Во-вторых, было

необходимо переводить, «печатать и распространять царские постановления, издаваемые для устройства военной части в России»[71], а также вести переговоры с иностранными почтмейстерами о правилах рассылки русских писем. В-третьих, у Гюйссена была отдельная задача по работе с иностранными писателями. Было важно склонить их к написанию произведений, которые бы посвящались царю, членам его семьи или русским министрам и имели историческую или политическую направленность. Важен был контекст, произведения должны были выявлять положительные стороны России, что помогло бы создать благоприятный образ для других государств.

Находясь за границей, Гюйссен сотрудничал с различными иностранными журналами и учеными, так, например, он помогал лейпцигским ученым в составлении двух брошюр: «Der Staat von Moscau» и «Relation von dem gegenwartigen Zustande des Moscowitischen Reichs». Обе они посвящены России и описывают ее с положительной стороны. Однако, как отмечает П. П. Пекарский, в каждой из них присутствуют ошибки и в названиях, и в исторических событиях. При содействии Гюйссена было выпущено множество статей, посвященных России и Петру I. В 1713 г. вышла книга «Географическое и историческое описание России», которая издавалась на итальянском языке, в 1717 г. она была переведена на немецкий. М. О. Акишин отмечает: «просветительская деятельность Гюйссена высоко ценилась за границей»[72].

Еще одним иностранным деятелем, находящимся на службе в России, с которым Лейбниц вел переписку, был барон Иоганн Кристоф фон Урбих. Несмотря на то, что основной его деятельностью была дипломатическая служба, он все же оказал некоторое влияние на развитие идеи образовательной деятельности в России. Его общение с Лейбницем оказало на последнего некоторое влияние, в результате которого в 1708 г. он составил записку,

---

[71] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 92.

[72] Акишин М. О. Генрих фон Гюйссен: немецкий юрист на службе Петра Великого / М. О. Акишин // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов Всероссийской заочной научной конференции, Екатеринбург, 19 февраля 2022 года / Глав. редактор А. С. Смыкалин. Том Выпуск 12. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2021. – С. 227.

адресованную Петру I, с рекомендациями по реформированию образования. В ней Лейбниц рассуждал о необходимости формирования воспитательной среды, которая должна благоприятно влиять на ученика, прививая ему любовь к учебе и науке. Обучение наукам должно осуществляться учеными людьми, а также посредством материалов, собранных «в книгах и в произведениях природы и искусства»[73].

Для материального обеспечения требовалось создание библиотек, музеев, зоологических парков, дендрариев и обсерваторий. Библиотекам, по мнению философа, следовало уделять особое внимание. Прежде всего следовало приобрести книги по математике, естественным наукам и истории. Книги должны были быть на различных языках, однако главным являлся латинский. Примечательно, что греческие произведения Лейбниц относил к латинским, поскольку они в большинстве своем имели латинский перевод. Создание прочих сооружений и парков должно, прежде всего, служить науке. Так, лаборатории должны работать совместно с аптеками и медицинскими учреждениями, что должно способствовать более быстрой и эффективной работе организаций. Полезными могли быть лаборатории и для других сфер деятельности, например, для военного дела в части создания артиллерии. Создание обсерваторий должно было служить не только целям развития науки в России, но и во всем мире. Обширные территории страны могли позволить провести более точные исследования как в области астрономии, так и в области географии.

В конце записки Лейбниц высказывал идею о необходимости создания коллегии, которая бы занималась вопросами образования и науки. В ее ведении должны были бы находиться «до известной степени высшие и низшие учебные заведения»[74], а также регулироваться вопросы назначения преподавателей, книжное дело, которое включало бы в себя типографское производство, переводы и цензура. Также Лейбниц выразил обеспокоенность Северной войной, поскольку она замедляла процесс преобразований в стране. Вместе с этим он указал на

[73] Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. С. 649.
[74] Там же. С. 650.

возможность импорта товаров из Франции за половину цены, которую «придется дать, когда здешние люди будут находиться в менее стесненном положении»[75].

При исследовании роли иностранных специалистов в развитии образовательной деятельности в России нельзя не остановиться на Иоганне Даниэле (Иване Даниловиче) Шумахере. Он имел эльзасское происхождение и прибыл в 1714 г. в Санкт-Петербург по приглашению Петра Лефорта. Он был племянником Франца Лефорта и занимался тогда вербовкой иностранцев для работы в России. Первоначально он был назначен помощником Роберта Карловича Арескина, еще одного видного иностранного деятеля, который являлся лейб-медиком Петра I. Основной обязанностью Шумахера было ведение иностранной корреспонденции. Сначала она посвящена приобретению редких вещей для Кунтскамеры, а позже приглашению других иностранных специалистов в Россию.

Официально Шумахер был назначен секретарем медицинской канцелярии и библиотекарем Петербургской библиотеки. В 1719 г. после кончины Арескина на его место был назначен Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост. Его помощником был назначен Шумахер. В период с 1721 по 1722 гг. Шумахер был отправлен Петром I в Европу для изучения библиотечного дела. Там он смог завести полезные знакомства, приобрести различные книги и редкости для библиотеки и Кунтскамеры.

По приезде в Россию Шумахер представил Петру I подробный отчет о поездке. В своем отчете он не только описывал детали путешествия, но и вносил предложения преобразований. Так, например, он отмечал, что для создания более хорошо оснащенных и обширных библиотек в России необходима организация корреспонденции с иностранными учеными. Далее в отчете были прописаны фамилии тех, к кому можно обратить по данным вопросам. Нужно отметить, что Шумахер с оптимизмом смотрел на проводимые Петром I преобразования и в

[75] Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. С. 650.

своем отчете отмечал: «начало уже сделано, и токмо в вашего величества воле и указе состоит, чтобы далее производилось, с пользою и весельем скончалось»[76].

Через некоторое время после возвращения Шумахера в Россию Петр I поручил Л. Л. Блюментросту составить проект Академии наук. Он этот проект составлял совместно с Шумахером. В 1724 г. проект был представлен императору, и в том же году реализован. Блюментрост был назначен президентом учрежденной Академии наук, а Шумахер стал в ней секретарем. И. Д. Шумахер внес значительный вклад в развитие образования и науки в России, он продолжал свою деятельность и после смерти Петра I. Примечательно, что не меньший вклад внес и его брат Иоганн Якоб (Иван Яковлевич) Шумахер, хотя период его основной деятельности пришелся на вторую четверть XVIII в.

Большую роль в обучении первых русских ткачей-шпалерников сыграл французская семья Бегагль. Филипп и Людовик Бегагль были сыновьями Филиппа Бегагля-старшего, известного фламандского мастера по изготовлению гобеленов. Филипп Бегагль-старший руководил королевской мануфактурой в Турне, а после королевской мануфактурой в Бове. В 1717 г. Филипп Бегагль-младший вместе со своим братом и двумя сыновьями, один из которых Жан-Филипп Бегагль, приехал в Россию, где впоследствии возглавил Петербургскую шпалерную мануфактуру.

Филипп Бегагль-старший помимо работы мастером занимался обучением русских учеников. Этим же занимались Людовик и Жан Филипп Бегагль. В 1723 г. со всеми троими был заключен новый контракт, Жан Филипп стал старшим мастером и уже имел своих учеников. Людовик же оставался подмастерьем своего брата Филиппа Бегагля-старшего. Такое решение исходило из оценки Людовика своим братом. Он считал, что «важно такого человека иметь, который бы по-русски, и по-французски, и по-немецки говорить умел, как к пользе ученикам, так и для пользы красильного дела»[77]. Нужно отметить, что как

[76] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 558.
[77] Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого / ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича. – М.: Ломоносовъ, 2019. С. 80.

иностранным специалистам им не до конца доверяли, поэтому для гарантии того, что они закончат обучение русских учеников, им удерживали часть жалования.

Нужно отметить, что подобная форма обучения была частой практикой для ремесленных работ. Во многом роль иностранных специалистов в сфере образовательной деятельности заключалась в передаче профессиональных умений посредством наставничества. Тут интересно рассмотреть также и иностранных специалистов-женщин. В первую очередь нужно помнить о сословном делении общества в то время. Если девушки дворянского происхождения получали хорошее образование, то крестьянские или городские девушки такой привилегии были лишены. Также в период правления Петра I дворянки получали преимущественно домашнее образование и не работали, занимаясь домохозяйством. Если же рассматривать ремесленное обучение, то там все зависело от вида деятельности. Например, профессия швеи была популярна среди женщин, в то время как среди оружейных мастеров женщин было сложно встретить. Но везде бывают свои исключения.

Так, жена голландского порохового мастера Питера Шмита Елена де Валь после смерти мужа заняла его место в качестве наставника. В 1719 г. Питер Шмит вместе со своей женой прибыл в Россию на службу. Он знал голландский метод изготовления пороха, который был более эффективным, чем русский. Шмит должен был заведовать технической частью производства пороха и обучать этому русских учеников, однако в 1720 г. он умер от болезни, не успев передать своих знаний. Елена де Валь, которая знала методику производства пороха, заняла место мужа в качестве «пороховой мастерицы». Ей сохранили жалование мужа, а она в свою очередь обязывалась обучать русских учеников пороховому делу. В 1721 г. ее подмастерье писал о ней как о мастере и своем учителе: «После смерти мастера Шмита учила меня жена еве Елена Иванова дочь, и я у нея пороховому делу как новый порох делать и старый переделывать по голанскому манеру разных рук, такоже и селитру литровать и уголья жень научен»[78].

[78] Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого / ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича. — М.: Ломоносовъ, 2019. С. 137.

Таким образом, роль иностранных специалистов в развитии образования в России в петровский период заключалась в большей части в передаче практических знаний и перенесении зарубежного опыта в различных областях деятельности. Вырабатывание теоретических идей и концептов было распространено среди отечественных ученых и деятелей, хотя, несомненно, и тут были свои исключения, например, в лице Г. В. Лейбница. Как уже отмечалось ранее, набор иностранных специалистов на службу в России существовал еще до Петра I, однако именно при нем он получил наиболее широкую популярность.

Большому притоку иностранцев в Россию способствовал ряд причин. Это, несомненно, Великое Посольство 1697-1698 гг., одной из целей которого было привлечение иностранных мастеров на службу в Россию[79]. Также большую роль в привлечении большего числа иностранцев сыграла политика Петра I, которая была направлена на улучшение условий для проживания и работы иностранцев в стране. Манифест 1702 г. и более позднее Послание Святейшего Синода, регулирующее вопрос брака с иноверцами, создали более комфортные условия для иностранцев с целью привлечения их к проживанию и работе России на длительный срок. Вопросы веры в тот период времени играли важную роль в жизни человека.

Так, например, отмена Нантского эдикта в 1685 г. имела большое значение для Франции[80]. Данный эдикт был подписан в 1598 г. французским королем Генрихом IV и даровал свободу вероисповедания протестантам-гугенотам. После его отмены королем Людовиком XIV последовал отток гугенотов из страны, что в свою очередь привело к большим экономическим упадкам. Большой отток людей из страны привлек внимание многих стран, в том числе и Россию. В 1688-1689 гг. состоялись переговоры с бранденбургским посольством во главе с Иоганном Рейером. Со стороны России для переговоров были назначены князь Голицын и Емельян Игнатьевич Украинцев. Помимо прочего в переговорах шла также речь об отмене Нантского эдикта и положении гугенотов. Рейер отмечал, что «среди

[79] Гуськов А. Г. Великое Посольство 1697-98 // Большая российская энциклопедия. Том 5. Москва, 2006. С. 59-60.
[80] Асейнов Р. М. Нантский эдикт 1598 // Большая российская энциклопедия. Том 22. Москва, 2013. С. 20.

них и знатные, и купцы, и ремесленники, словом – люди различных сословий, которые принесли бы большую пользу царю»[81]. Уже позже, в 1697 г., была подписана грамота с ответом на ходатайство Чрезвычайного Прусского посла Чаплина. Согласно данной грамоте французские эмигранты могли селиться и работать в России, а также при желании возвращаться на родину без препятствий.

Помимо изменений в вопросе вероисповедания набирающие популярность контракты также позволили конкретизировать условия работы иностранцев, а также юридически закрепить права и обязанности обеих сторон договора. В развитии контрактных отношений определенную роль сыграли и сами иностранцы, поскольку именно их в первую очередь интересовало юридическое оформление их условий работы и проживания. Нежелание иностранцев приезжать на службу в Россию без оформления гарантий выплат заработной платы или гарантии возможности возвращения в родную страну после окончания срока службы привело к необходимости идти на своеобразные уступки, прописыванию этих самых гарантий в контрактах.

Наибольший вклад иностранцев в развитие образования в России связан с учреждением 1724 г. Академии наук. Начиная с самого проекта, который разрабатывался Л. Л. Блюментростом и И. Д. Шумахером, хотя нужно отметить, что идеи единого высшего учреждения разрабатывались и другими учеными и деятелями, например, Г. В. Лейбницем. И заканчивая преподавательским составом, который состоял из специально приглашенных иностранных ученых, например, Я. Германа, Г. Б. Бильфингера, Х. Гольдбаха и др. Передача знаний и воспитание нового поколения специалистов была основной задачей и основной целью приглашения иностранцев в Россию. Некоторые сферы деятельности следовало развивать практически с нуля, как это было с созданием военно-морского флота, некоторые не требовали иностранного вмешательства вообще, как это было с обучением духовенства. Однако ориентация на привлечение иностранных специалистов не только для службы в России, но и для передачи

[81] Форстен Г. В. Бранденбург и Москва 1688-1700 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – С. 66.

зданий русским ученикам определенно имела здравый смысл. Данная идея должна была работать в долгосрочной перспективе и позволить сформировать отечественное производство, которое бы не уступало другим передовым государствам того времени.

2.2. Реформирование и развитие духовных школ

Реформирование образовательной сферы в первой четверти XVIII в. затрагивало все ее направления. Изменения претерпели и духовные школы. Они происходили не только за счет правительства, но и посредством деятельности епископов, которые поддерживали эти изменения. В различных городах открывались школы, в основном дававшие лишь базовое образование, направленное на подготовку священнослужителей. Однако как отмечал С. В. Рождественский, в лучшие из таких школ отправляли на обучение детей других сословий: «в знаменитую новгородскую школу, основанную митрополитом Иовом, само правительство в 1715 г. определяло целыми партиями безграмотных дворянских недорослей, которых за два года набралось 102 человека»[82].

Согласно записям митрополита Иова, в период с учреждения школы в 1715 г. и вплоть до 1726 г. в школе обучалось 282 человека. В школе обучали грамматике, славянскому, греческому и латинскому языкам. Нужно отметить, что новгородская школа существовала при содействии уже известных братьев Лихудов, именно они занимались обучением греческого языка. Помимо образовательной деятельности школа также занималась созданием и переводом книг по указанию правительства. В 20-е гг. XVIII в. в Новгородской епархии было открыло большое количество школ, суммарное число учеников этих школ составило около 1000 человек.

То же происходило и в других городах России. В Чернигове была открыта школа в 1700 г., в Ростовской епархии до 1726 г. было открыто две школы – в

[82] Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1.С. 65.

ростовском Богоявленском монастыре и в Ярославле при архиерейском доме. В Твери школа была открыта в 1722 г. при архиерейском доме, который был приписан Федоровскому монастырю. Учеников в нем было не так много, как в новгородской школе, на момент открытия школы всего 39 человек, а к 1727 г. их число сократилось до 20 человек. Небольшое число учеников было также и в школе Коломенской епархии, где в период с 1723 г. по 1725 г. обучалось всего 30 учеников, и в школе Вологодской епархии, открытой в 1724 г. и принявшей на обучение 45 человек. В некоторых епархиях школы не учреждались вовсе из-за небольшого количества самих служителей или невозможности материального обеспечения образовательного процесса. Так, например, в Астрахани не была открыта школа, так как «оных школ и учеников содержать нечем, понеже при доме архиерейском, и монастырях, и при церквях никаких вотчин и земель не обретается»[83].

Большое развитие образовательной сферы было осуществлено в Нижегородской епархии. С 1721 г. в ней было открыто три школы, каждая из которой имела свое образовательное направление – эллино-греческое, славяно-российское и букварное. К 1724 г. в букварной школе обучалось около 300 человек и около 130 человек стали ее выпускниками. В славяно-российской школе первоначально обучалось около 100 человек, но к 1727 г. по разным причинам это количество сократилось до 60. Наименее многочисленной стала эллино-греческая школа, к 1727 г. в ней обучалось примерно 50 человек, из которых греческую грамматику выучили всего 7 человек[84].

Большую роль в реформировании духовных школ сыграл принятый в 1721 г. «Духовный регламент». Он уже упоминался в первой главе, однако здесь его следует рассмотреть более детально. Регламент структурно разделен на три части: первая посвящена вопросам создания Духовной коллегии, получившей название Святейшего Синода, вторая – вопросам управления, а третья – непосредственно составу Духовной коллегии. Вопросам образования посвящены

[83] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 118.
[84] Там же. С. 119.

два раздела второй части регламента – «Дела епископов» и «Домы училищные и в них учители и ученики, тако ж и церковные проповедники».

Согласно регламенту, было необходимо при каждой епархии учреждать школы для обучения будущих священнослужителей. Указывалось, что в такие школы могли приниматься не только дети духовенства, но и из других сословий. Учеников, успешно окончивших школу, должны были посвящать в сан, но предусматривались случаи, когда ученика могли исключить из школы: в случае, если ученик был «крайне туп» или хоть и умен, но «развращен, и упрям и непобедимой лености»[85]. Также регламент предусматривал создания условий проживания и обучения: «дабы не было роптания от родителей ученических за великий оных кошт на учителя онаго, и на покупание книг, тако ж и на пропитание сынов своих, далече от дому своего учащихся»[86]. Предписывалось обеспечивать учеников едой и книгами, с крупнейших монастырей должна была собираться 20 доля хлеба, а с церковных земель – 30 доля. Учителям также полагалось обеспечивать едой и выплачивать им заработную плату. Для регулирования данного процесса было необходимо вести книги приходов и расходов.

Для того чтобы предупредить ситуации с отказом учреждения школ за неимением материальных возможностей, регламент постановил сократить расходы на другие нужды: «лишних служителей не держали, и нужных строений не делали, (разве строения прибыльные, на пример, мельницы и прочая); тако ж священнаго себе одеяния и всего платья, над подобающую чести своей потребу, не умножали»[87]. Однако даже такие меры не позволили учредить школы во всех епархиях, как это, например, было в Переяславской или Воронежской епархиях. Бывали случаи, когда регламент выполнялся, но не полностью. Так, в Вятской епархии 1723 г. была учреждена школа, количество учеников насчитывало 35 человек. Вместе с этим учителей в школе было мало и преподавалось небольшое

[85] Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. М.: Синодальная типография, 1861. С. 28.
[86] Там же. С. 29.
[87] Там же. С. 30.

число предметов. Также не осуществлялся сбор хлеба «за недородом и за скудностью, а питаются школьники от дому архиерейскаго»[88]. В некоторых случаях школы приходилось закрывать, а недоученых учеников распускать. Причинами, как правило, служили либо неурожай, из-за которого было невозможно прокормить учеников, либо потеря учителей вследствие смерти или отъезда.

Раздел «Домы училищные и в них учители и ученики, тако ж и церковные проповедники» более детально рассматривает вопрос образовательной деятельности. В вопросе учреждения школ в первую очередь предлагается открытие школ с небольшим числом преподавателей, одного или двух представлялось достаточно, которые бы преподавали базовые предметы – грамматику, латинский и греческий языки. Уже в последующие года с увеличением учеников предлагалось увеличивать и преподавательский штат и расширять число преподаваемых наук. Учителей при устройстве следовало проверять на знания, устраивать своеобразный экзамен. В случае, если претендент оказывался недостаточно квалифицирован для работы, его следовало оставлять на полгода или год в качестве ученика для получения необходимых знаний, прежде чем он мог самостоятельно преподавать.

При организации школ в регламенте указывается на необходимость создания библиотек, которыми могли бы пользоваться как ученики, так и учителя. Отмечается, что для создания полноценной библиотеки необходимо порядка двух тысяч рублей. Несложно понять, что такие библиотеки могли себе позволить только большие монастыри. Поэтому в некоторых случаях при невозможности материального обеспечения ученики из других епархий оправлялись в такие большие школы, как Новгородская или Московская. Библиотекам надлежало работать круглосуточно, однако сами книги следовало читать там же.

Школами должны были заведовать ректоры и префекты. Именно они должны были следить за порядком и организацией школы, в своей деятельности

---

[88] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 118.

они были подотчетны Духовной Коллегии. Контроль должен был осуществляться не только за учениками, но и за учителями. Оценке должны были подлежать посещаемость учителей, а также осуществление из профессиональных обязанностей. Если же ректор оставался недоволен каким-либо учителем, то «таковаго Ректор объявит в Духовное Коллегиум, и по следовании отставлен или наказан будет по разсуждению»[89]. Предусматривалось также и стороннее наблюдение за школами в лифе фискалов.

При поступлении в школу ученики должны были тестироваться. Как и в случае с исключением, регламентом предусматривалось два случая, когда ученика могли не взять в школу – при недостатке знаний и умений и при чрезмерной непокорности. В первом случае предполагалось, что при принятии такого ученика, он только «лета потеряет, а ничего не научится; а обаче возымеет о себе мнение, что он мудрый и от таковых несть горших бездельников»[90]. Непринятие в школу «свирепого» и «до драки скорого» ученика объяснялось невозможностью его воспитания и контролирования, что, в свою очередь, могло разрушить весь образовательный процесс.

Поступившие же ученики должны были проживать в школе в течение всего периода обучения, запрещалось отпускать его куда-либо без уведомления о том Духовной Коллегии. Такой запрет предполагал полную концентрацию ученика на образовательном процессе, который состоял как в духовном и нравственном воспитании, так и в изучении наук. По этой же причине школы следовало строить в отдалении от города и всевозможных забав, чтобы ничто не могло мешать обучению. Также в первые три года обучения выпускать ученика из школы запрещалось даже во время каникул, после ученику разрешалось покидать школу два раза в год сроком не более семи дней для того, чтобы навестить родственников. Если обучающийся покидал школу, то к нему обязательно

---

[89] Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. М.: Синодальная типография, 1861. С. 56.

[90] Там же. С. 57.

должны были приставить наблюдателя, который должен был везде его сопровождать и по возвращению составлял доклад Ректору.

Школы должны были строиться и организовываться по примеру монастырей, проживание и обучение должно было проходить в одном месте. В небольших школах из-за ограниченности пространства обучение и проживание в буквальном смысле проходило в одном месте – жилое помещение преобразовывалось в учебное и обратно. Жили ученики группами в помещениях, распределение должно было проводиться по возрасту. Для регулирования порядка среди обучающихся надлежало приставлять к каждому жилому помещения префекта или надсмотрщика. Это должен был быть мужчина в возрасте от 30-ти до 50-ти лет. Он имел право наказывать учеников: «малых розгою, а средних и больших словом угрозительным, а потом на неисправляющихся доносить Ректору»[91]. Помимо прочего у учеников должен был быть доступ к церкви, аптеке и доктору.

На обучение должны были приниматься ученики возрастом от 10-ти до 15-ти лет, ученики старшего возраста могли приниматься в школу только по рекомендации уважаемого человека. Срок обучения должен был занимать 8 лет, хотя тут нужно уточнить, что во многом он зависел от способностей самого ученика. В Духовном Регламенте прописывалась программа, по которой должен был строиться учебный процесс. В первый год обучения должны были преподаваться грамматика, география и история. Предполагалось, что география и история являются взаимосвязанными предметами, которые при изучении могут дополнять друг друга. Грамматика же могла изучаться при использовании материалов для истории и географии. На второй год предполагалось изучение арифметики и геометрии, на третий – логики или диалектики, что представлялось единой наукой. Четвертый год должен был посвящен изучению риторики, пятый – физике и «краткой метафизике», шестой – политике, которая должна была изучаться по трудам Самуэля фон Пуфендорфа. Седьмой и восьмой года обучения

[91] Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. М.: Синодальная типография, 1861. С. 60.

должны были посвящаться богословию. Кроме того, при наличии учителей предполагалось важным изучение греческого и латинского языков.

Обязательной литературы, кроме той, которая необходима для изучения богословия, в Духовном Регламенте не обозначалось. Для богословия же регламент подробно перечисляет, какие книги следует изучать. Следует обратить внимание, что регламент не запрещал изучение книг авторов иной веры, однако отмечалось, что читающий «должен не учитися от них и полагатися на их сказки, но только руководство их принимать, каких они от Писания и от древних учителей доводов употребляют»[92].

Помимо изучения наук и духовного просвещения рекомендовалось также уделять внимание здоровью. Делать это предлагалось посредством регулярных прогулок и подвижных игр – летом во дворе, а зимой в помещении. Хорошим способом поддержания здоровья представлялось плавание, а также общественно полезные работы, например, строительство крепостей или других сооружений. Отличившимся ученикам должны были полагаться награды.

По окончании обучения выпускник должен был приносить присягу на верности царю и его наследнику и выразить готовность к службе. Перед тем, как отпустить выпускника из школы, ректор был обязан оповестить Духовную Коллегию, которая в свою очередь должна была сообщить об этом царю. Регламентом отмечалось, что при поступлении на службу выпускники школ должны были иметь приоритет среди прочих кандидатов, несмотря на равноценность их профессиональных качеств. В вопросах образовательного процесса в регламенте уточнялось, что установленные правила имеют неоконченный характер и могут дополняться по мере создания новых правил или изучения зарубежного опыта.

Духовный регламент стал одним из наиболее значимых документов, регулирующих сферу образовательной деятельности среди духовенства. Регламент на законодательном уровне установил правовые и организационные

[92] Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. М.: Синодальная типография, 1861. С. 52-53.

основы образовательного процесса, выработал учебную программу, а также определил круг лиц, занимающихся организацией, обучением и тех, кто может быть принят на обучение. Но даже такой детальный по своему содержанию документ не мог урегулировать сразу все вопросы данной сферы. Некоторые проблемы начали выявляться уже после издания Духовного регламента. Так, например, даже при широком открытии школ было отмечено недостаточное число учеников. В связи с этим в 1722 г. был издан указ, по которому детей священнослужителей было необходимо зачислять только в архиерейские школы: «а в арифметические школы и к прочим наукам не спрашивать»[93]. Данный указ не смог полностью исправить ситуацию, что в 1723 г привело к изданию указа о принудительном зачислении детей священнослужителей в духовные школы: «а которые в учении быть не похотят, тех иметь в школы и неволею»[94].

Также нужно учитывать тот факт, что в начале XVIII в. в России не было создано единого законодательства в сфере образовательной деятельности. Несмотря на то, что само право в петровский период претерпело некоторые изменения, стало более четким и менее казуальным, часть сфер общественной деятельности все еще оставалась без должного регулирования. Часто для решения тех или иных вопросов требовалось издание отдельного указа или иного другого нормативно-правового акта. Так, например, поступали при решении вопросов о надлежащем количестве учеников в том или ином учреждении, о назначении мастеров в качестве преподавателей или дальнейшем распределении на работы выпускников. В доношении из Канцелярии Святейшего Синода в Кабинет Петра I от 17 июля 1723 г. писалось о необходимости присылки в Канцелярию Святейшего Синода «о вышеозначенных мастерицах и пряльях, которые ныне в

[93] Сенатский указ «Об учении поповских и церковно-причетнических детей в Архиерейских школах» от 8 октября 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 4105.

[94] Указ «Об обучении в школах священнических и причетнических детей» от 2 сентября 1723 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1875. Т. III. № 1098.

монастырех монахинь обучили, также и впредь, которые обучат, куда оных отправлять, дабы в монастырех напраснаго оскудения не было»[95].

Еще одной особенностью духовного образования была его сословная обособленность. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечает два принципа законодательного регулирования образовательной деятельности первой половины XVIII в., а именно «всякий должен учиться тому, что составляет профессию его отцу»[96] и «никто сторонний не может быть допущен к этой профессии»[97]. Данное утверждение подтверждается рядом нормативно-правовых актов. Так, в 1708 г. был издан указ, согласно которому поповских и дьяконовых детей обязывали обучаться в греко-латинских школах. Отказ в обучении приводил к невозможности не только посвящать в попы и дьяконы, но и приниматься в другие профессии: «никуда посвящать, и в подьячие и в иные ни в какие чины, кроме служилого чина, принимать не велено»[98]. В 1710 г. новым указом был расширен список тех, кто подлежит обязательному обучению в греко-латинских школах: «поповым же и дьяконовым и пономаревым и дьячковым и сторожевым и просвиринцыным детям учиться в вышеписанных школах»[99].

Таким образом, в первой четверти XVIII в. государство начинает уделять большое внимание профессиональному образованию духовенства. Издание Духовного регламента способствовало процессу упорядочения и контроля учреждения и формирования новых школ для духовенства. Регламент также определил программу обучения, что также обозначило более серьезную

---

[95] Доношение из Канцелярии Святейшего Синода в Кабинет Петра I «О присылке из Домовой ее величества канцелярии мастериц и прях для обучения монахинь прядению, с запросом об их дальнейшем назначении» от 17 июля 1723 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3. — М.: Древлехранилище, 2020. С. 422.

[96] Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1874. С. 99.

[97] Там же.

[98] Именной указ, объявленный из Монастырского Военного приказа, «Об определении поповских и дьяконских детей в Греческие и Латинские школы, о непосвящении в попы и дьяконы тех, которые учиться в оных школах не пожелают и о непринимании их ни в какие чины, кроме воинской службы» от 15 января 1708 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 2186.

[99] Именной указ, объявленный из Монастырского Военного приказа, «О обучении поповских и дьяконских и прочих церковнослужительских детей в Греческой и Латинской школах, о непринимании в попы и дьяконы тех, которые учиться не похотят и о неприеме оных ни в какие чины, кроме солдатского звания» от 11 ноября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 2308.

подготовку учеников. По замыслу законодателя предполагалось многостороннее обучение, по которому будущий священнослужитель должен знать не только церковные догматы, но и быть другим наукам, таким как история, география, арифметика и др. Однако на деле это зависело от возможностей той епархии, где находилась школа. Многочисленные указы, изданные после принятия Духовного регламента, опирались на идеи регламента и регулировали более конкретные вопросы образования духовенства.

Направление, выбранное государством и реализовавшееся в Духовном регламенте и других нормативно-правовых актах, привело к определенной зависимости детей от своих семей. А. С. Архангельский указывает на то, что при Петре I «началось профессиональное развитие сословий русского народа; каждый класс общества, поняв свое предназначение, стал, в заботах о своем благосостоянии, обособляться от других классов и придерживаться наследственности»[100]. Указы об обязательном обучении детей священнослужителей в греко-латинских школах являются тому примером. Вместе с этим следует отметить, что при приеме в архиерейские школы круг учеников не ограничивался только детьми священнослужителей, принимались дети и из других сословий. Это показывает, что профессиональная обособленность не была абсолютной.

2.3. Развитие светских школ и создание основ для высшего образования

В вопросе реформирования образования в начале XVIII в. наибольшее внимание уделялось светскому образованию. Обозначая наиболее важные и в некоторых случаях отсталые сферы экономической, политической и административной жизни страны, государством выстраивалось то направление, в котором должна была развиваться просветительская деятельность. С. В. Рождественский[101] отмечает две стадии формирования реформ в данной сфере. На первой стадии реформы должны были разрешать первостепенные и

[100] Архангельский А. С. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. С. 27.
[101] Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1.С. 6.

наиболее проблемные вопросы функционирования государства, которые должны были также помочь в успешном ведении войны. Вторая стадия датируется примерно 1715 г. и наступает уже после формирования более четкого понимания фактического состояния и реальных возможностей осуществления реформ. Определялись более реальные задачи, и начиналось формирование государственной системы образовательной деятельности. Согласие или несогласие с данным утверждением может быть выражено только в выводах после подробного исследования данного вопроса.

Первым государственным учебным учреждением, открытым в 1701 г., стала Школа математических и навигацких наук. Школа должна была находиться в ведении Оружейной палаты, руководством должен был заниматься тогда еще боярин Ф. А. Головин, позже ставший графом. Учителями на тот момент были назначены приглашенные из Англии Генри Фарварсон, Стефан Гвин и Ричард Грейс. Примечательно, что их имена были изменены на русский манер – Андрей Данилович Фарварсон, Степан Гвин и Рыцарь Грыз. Еще одним видным преподавателем, назначенным в школу, был Л. Ф. Магницкий. Правда, преподавателем он стал не сразу, сначала он был назначен лишь как помощник А. Д. Фарварсона.

А. Д. Фарварсон оказал большое влияние на развитие и организацию Школы математических и навигацких наук, а позже на учрежденную Морскую академию. О влиянии Гвина и Грейса достаточно сложно судить, поскольку об их деятельности сохранилось мало информации. С. М. Соловьев в своей работе «История России с древнейших времен» цитирует письмо дьяка А. А. Курбатова к Ф. А. Головину, где А. А. Курбатов рассуждает о профессионализме преподавателей: «а дело из них признал я в одном Андрее Фарварсоне, а те два хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья наукою не дошли»[102]. Под Леонтьем А. А. Курбатов очевидно имеет в виду Л. Ф. Магницкого. Далее автор письма в отношении Гвина и Грейса также отмечает: «учители учат нерадетельно,

[102] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Тип. Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. Кн. 3. Т. 11-15. Стб. 1346.

а ежели бы не опасались Магницкого, многое бы у них было продолжение для того, что которые учатся остропонятно, тех бранят и велят дожидаться меньших»[103]. Однако нельзя с достоверностью утверждать о некомпетентности этих преподавателей, поскольку уволены со службы они не были, а после учреждения Морской академии были переведены туда и стали профессорами.

В ученики должны были приниматься юноши от 12-ти до 20-ти лет. Должны были приниматься дети дворян, дьячих, подьячих и других служилых чинов. Для неимущих или отличившихся в учении предусматривался корм, т.е. денежное пособие, в размере 5-ти алтын в день, остальным предусматривалось выдавать по одной гривне. Вместе с этим при учреждении школы заранее предусматривалось нежелание детей поступать на обучение в школу: «ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и сопринуждением»[104]. Укрывающихся от обучения было предписано выдавать, предусматривалась даже награда: «под страхом отписывания всего имения на тех, кто донесет об укрывательстве их»[105]. Таким образом, в случае выдачи лица, которое должно было отправиться на обучение, тот кто его выдавал, мог претендовать на его собственность в качестве вознаграждения.

Несмотря на то, что сама по себе школа задумывалась как специализированное учреждение, на деле ученики проходили обучение для всех родов службы как военной, так и гражданской. Обучение должно было начинаться с чтения, письма и арифметики. После часть учеников, обычно это были студенты недворянского сословия, оканчивала обучение и назначалась на службу. Для других же учебный процесс не заканчивался, им преподавались такие предметы как геометрия, геодезия, навигация, география, фехтование. Обучение не имело четко определенного срока, выпуск ученика осуществлялся по мере его готовности к той или иной профессиональной деятельности. В большинстве случаев выпускников отправляли на службу во флот или же

[103] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Тип. Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. Кн. 3. Т. 11-15. Стб. 1346.
[104] Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. Ч. II. С. 119.
[105] Голиков И. И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России; Собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. Ч. 5. С. 110-111.

назначали инженерами или артиллеристами. Не редки были случаи, когда выпускники становились преподавателями. Наиболее богатых и способных после выпуска из школы отправляли для обучения за границу в Англию, Голландию, Францию и другие страны.

В 1715 г. в Санкт-Петербурге была открыта Морская Академия. Новая школа должна была стать уже строго специализированным учреждением, которое бы отвечало нуждам флота и подготавливало специалистов в морском деле. В том же 1715 г. была издана инструкция Морской Академии, в которой регулировался весь процесс обучения. Нужно отметить, что инструкция формулировала условия жесткой дисциплины. Ученики, которые именовались Морской Гвардией, должны были проживать в Академии. Они формировались в бригады по 50 человек, для каждой бригады назначался командующих офицер. Ученики имели оружие и должны были вести караул. Обучение в Морской Академии представлялось больше обучением в военном училище. Статус учеников был близок к статусу военного, Морская Академия играла роль своеобразной военной части, которую нельзя было покинуть без дозволения: «никто из Морской Гвардии не может отстать от службы неполуча позволения от Его Величества, под наказанием отдану быть в военной суд и судиму яко дезертиру (беглецу)»[106].

В учрежденную Морскую Академию из Москвы в качестве преподавателей были переведены А. Д. Фарварсон, С. Гвин и еще часть учителей. Директором академии был назначен барон П. Сент-Илер, однако в 1717 г. его сменил граф А. А. Матвеев. Деятельность директора и учителей также подвергалась некоторой регламентации, но только в вопросах преподавания. Директор и командир Морской Гвардии были обязаны постоянно присутствовать в академии и проверять, чтобы все учителя вели надлежащие им предметы и были в достаточной мере компетентны. Отдельно прописывался запрет взяток со стороны преподавательского состава: «ничего не брать прямым, ниже посторонним образом от Морской Гвардии, ниже вступать в какие откупы,

[106] Инструкция Морской Академии в Санкт-Петербурге от 1 октября 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2937.

которые учиниться могут»[107]. Пойманных на взятках предписывало судить военным судом.

В докладе от 1719 г. были определены предметы, предназначенные для преподавания в академии. К ним относились арифметика, геометрия, навигация, артиллерия, фортификация, география, рисование, военная подготовка и астрономия. Докладом также предусматривалось расширение преподавательского и административного персонала: «учителей, которых наук ныне в Академии не обретается, прибрать способных, а для раздачи денежной казны Коммисара, да для смотрения над учителями и над школьниками товарища, да для перевода книг, принадлежащих к наукам, переводчика»[108]. Позже Адмиралтейским регламентом был уточнен перечень предметов, которые бы позволили изучить некоторые узкопрофильные специальности: «ретраншементам, географии и воинским обучениям с мушкетами, совершенно; а фортификации и апрошам также и корабельным членам, чтобы только знали, что для чего делается»[109].

В вопросе, когда именно были учреждены первые Артиллерийские и Инженерные школы, разные ученые не придерживаются единого мнения. Одни, как, например А. И. Савельев, считают, что эти школы были учреждены в 1700 г., другие, как М. Денисьевский или А. Прусак, относят эти события к 1701 г., Л. Г. Бескровный считал 1709 г. годом основания школ, Н. Мельницкий – 1712 г., опираясь на указ от 16 января 1712 г.: «Государь повелел учредить в Москве Инженерную школу, которую и должно считать первым Военно-Учебным Заведением в России»[110]. Не имея на тот момент государственного устройства строгого правового регулирования в вопросе образовательной деятельности достаточно проблематично судить о фактическом наличии или отсутствии каждой конкретной школы. Однако исходя из другого указа от 1712 г., можно

[107] Инструкция Морской Академии в Санкт-Петербурге от 1 октября 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2937.

[108] Высочайше утвержденный доклад «О науках, предназначенных для преподавания в Морской Академии» от 11 января 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3276.

[109] Регламент о управлении адмиралтеиства и верфи и о должностях колегии Адмиралтеискои, и протчих всех чинов при адмиралтеистве обретающихся. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1722. С. 19.

[110] Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России, СПб.: тип. Глав. Штаба Е.И.В. по Военно-учебным заведениям, 1857. Т. 1. Ч. 1. С. 2.

предполагать, что до 1712 г. Инженерная школа уже существовала в России: «школу Инженерскую умножить, а именно: сыскать мастера из Русских, который бы учил цифири или на башню для сего учения посылать; и когда Арифметику окончат, учить Геометрию столько, сколько до Инженерства надлежит; а потом отдавать Инженеру учить Фортификации»[111].

Указ 1712 г. определял количество учеников, которые должны были обучаться в школе. Их число должно было всегда составлять не менее 100 человек. Общее число могло быть увеличено до 150 человек, две трети из которых обязательно должны были быть из дворянских семей. На деле в 1712 г. количество учеников в Инженерной школе составило всего 23 человека. В связи с этим 1713 г. был издан указ о наборе дополнительных учеников: «набрать в Военной Канцелярии из всяких чинов людей, также из Передворцовых детей, за которыми есть 50 дворов, 77 человек, чтобы всех их было 100 человек»[112].

В 1719 г. была учреждена Инженерная рота в Санкт-Петербурге. Ученики для этой школы должны были быть набраны из Московской инженерной школы: «взять из Москвы Инженерной школы учеников всех, сколько их в той школе обретается»[113]. При этом в Московскую школу взамен старым ученикам должны были быть зачислены 100 новых. Школа в Петербурге должна была находиться под ведением инженера Алферия де Кулона. В 1724 г. произошло объединение двух школ, и все ученики были переведены в Санкт-Петербург.

Артиллерийская школа же получила свое начало под руководством генерал-майора Гинтера, которому в 1712 г. было поручено обучение артиллерии 20 дворян. Позже в 1721 г. была открыта полноценная школа: «выбрать из

---

[111] Именной указ «О штрафах с Офицеров за побег солдат и о наказании беглецов и их укрывателей, о назначении при полках Коммисаров, о подведомствах фискалов, о воинских расположениях, о Украине, о сборе работников для строения Колине острове, о запрещении последнему в роде отчуждать имение, об учреждении по Губерниям воспитателей, о призрении незаконнорожденных, об определении подъячих в военную службу, о заведении конских заводов, о винном откупе, и о подтверждении Губернаторами, чтоб они без ведома Сената не налагали на народ податей» от 16 января 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 2467 п. 17.

[112] Сенатский указ «О наборе в Инженерную школу учеников» от 10 ноября 1713 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2739.

[113] Именной, объявленный из Военной Коллегии «О учреждении в Санктпетербурге Инженерной роты» от 17 марта 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3330.

Артиллерии учеников и обучать их при С. Петербургском лабораторном доме всему, касающемуся до Артиллерии, а также Арифметике, Геометрии и Тригонометрии»[114].

В 1716 г. был издан Устав Воинский. Данный нормативный акт закреплял создание регулярной армии в России, а также устанавливал организационные основы для ее регулирования. Устав состоял их трех частей: «Устав Воинский», «Артикул Воинский» и «Об экзерциции». Первые две части рассматривали вопросы структуры и организации армии, уголовного права и проведения судебных процессов. Третья часть посвящалась вопросам строевой службы и военной подготовки. Так, например, Устав определял, каким должно быть военное построение и как себя должны вести солдаты на определенные команды: «Егда начальник, который учити будет, перед фронтом станет и молвит: Слушай! Тогда надобно, чтоб в строю всемерно тихо было, и никто б с кем разговаривал, точию бы все то, что офицер повелит, слушали и примечали исполняти со всяким прилежанием»[115]. Определялись такие команды, как «Заряжай ружье!», «Мушкет на плечо!», «Пали!» и пр. Обучение должно было быть как одиночным, так и совместным для улучшения слаженности войска и его отдельных частей.

Отдельное внимание уделяется моральному воспитанию военнослужащих. Сначала это закреплялось в Уставе Воинском, а позже в 1720 г. этому также уделялось внимание в изданном Морском уставе. Считалось важным приучение солдата к дисциплине, формирование в нем чувства долга, патриотизма и верности царю, а позже императору. В самой присяге устанавливалось, что целью службы является защита безопасности и интересов государства и сохранения честной совести перед Богом: «и все прочее что к пользе Его Величества, и его государства, чинить по доброй Христианской совести, без обману и лукавства, как доброму честному и верному человеку надлежит»[116]. Таким образом подчеркивался смысл военной службы и накладывались обязательства быть

[114] Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России, СПб.: тип. Глав. Штаба Е. И. В. по Военно-учебным заведениям, 1857. Т. 1. С. 4.
[115] Устав Воинский. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1719. С. 202.
[116] Устав Морской. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1720. С. 26.

хорошим солдатом не только с профессиональной точки зрения, но и морально-нравственной.

Не меньше внимания было уделено вопросам медицинского образования. В 1706 г. указом было приказано построить в Москве госпиталь, при котором также должна была быть открыта школа: «да их иноземцев и из русских из всяких чинов людей набрать для аптекрской науки 50 человек»[117]. В 1707 г. строительство госпиталя было закончено, и он был открыт. Госпиталь находился под попечительством боярина И.А. Мусина-Пушкина, который на то момент руководил Монастырским приказом, а директором был назначен придворный врач Петра I Николай Бидлоо.

Сразу же после открытия госпиталя начала свою работу Московская медико-хирургическая госпитальная школа. Учеников для школы набирали из Московской славяно-греко-латинской академии и духовных семинарий. В первую очередь это было связано с тем, что в тех учебных заведениях обучали не только русскому, но и латинскому языку, на котором также должно было проходить обучение в медицинской школе. Ученики должны были проживать при госпитале, им полагалось полное обеспечение и выплата жалования. Все обучающиеся делились на 3 группы в зависимости от возраста, срока обучения и знаниям.

Обучение в школе в среднем длилось от 5 до 10 лет в зависимости от успехов ученика. Сразу при поступлении ученики начинали изучение медицинской науки на практике. Ничего серьезного им не поручали, однако они должны были сопровождать врачей, изучать на деле медицинскую науку и выполнять мелкие поручения. Помимо практического изучения науки в школе преподавались предметы, составленные по программе Бидлоо. В программу входило изучение анатомии, аптекарской науки или фармакогнозии, фармакологии и фармации и хирургии совместно с десмургией. Анатомию преподавал лично Николай Бидлоо, и ей уделялось особое внимание. Бидлоо считал, что анатомия является первостепенной наукой для хирурга.

---

[117] Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707-1907 гг. М.: Тип. Штаба Воен. окр., 1907. С. 74.

Аптекарскую науку осваивали посредством изучения растений, которые росли в аптекарском огороде при госпитале. Летом ученики под руководством аптекарей отправлялись за город для сбора растений и пополнения запасов госпиталя. Определенную сложность составляло изучение лекарственных препаратов. Рецепты в то время, как правило, имели большое количество ингредиентов и были сложны для запоминания. Часто лекарственными препаратами или их ингредиентами являлись вещества, добавляемые не по научным соображениям: «лекарственными веществами считались нередко такие предметы, значение которых никто никогда не определял рациональными испытаниями, а верилось воображаемому действию их по старинным и большею частию алхимическим преданиям»[118].

Хирургию, как и анатомию, ученикам преподавал Николай Бидлоо. Для изучения хирургии проводились хирургические операции, как на живом, так и на мертвом человеке. Вместе с этим предусматривалось, что при отсутствии доктора, его полномочия передавались главному лекарю, который «также читал лекции по хирургии и наружным болезням, вел занятия в операционной и делала клинические обходы больных»[119]. Остальные предметы и практические занятия проводили лекари и подлекари, за каждым из которых закреплялась своя группа учеников. Так, операции на трупах проводились, как правило, лекарями, они предназначались для наглядного изучения не только простых и частых в госпитале операций, но и возможных более тяжелых случаев. Десмургия, раздел медицины, изучающий технику наложения повязок и шин, преподавалась также лекарями. Практиковалось изучение наложению повязок на живом человеке и на манекене, однако последнее считалось не такой хорошей практикой.

Тем не менее даже учреждение Московской медико-хирургической госпитальной школы не могло решить вопрос недостатка кадров вреди врачей. Большую часть врачей в России составляли иностранцы. Большой приток иностранных специалистов на службу в Россию создал дополнительную проблему

[118] Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Тип. Якова Трея, 1883. С. 52-53.
[119] Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959. С. 33.

в медицинской сфере. Вместе с квалифицированными специалистами в Россию стали приезжать мошенники, так называемые «бродячие лекари», которые могли вылечить любые болезни. На данную проблему в 1721 г. обратил внимание И. Л. Блюментрост в своем обращении к Сенату о необходимости преследования таких людей: «Понеже, иногда многие неученые, считающиеся без всякого наказания, дерзновенно лечат, в чем великую вреду жителям учинить могут»[120]. В том же году был издан указ, который запрещал осуществление врачебной практики без аттестации у Медицинской Коллегии: «никакой Доктор или городовой лекарь не дерзает нигде практику иметь, и лечить прежде свидетельствования его достоинства от Коллегии Медицинской»[121]. Несмотря на то, что данным указом предполагалось в первую очередь урегулировать приток иностранных мошенников, он также распространялся и на русских врачей. Вопрос медицинского образования ставился на первое место при определении возможности осуществлять врачебную деятельность.

В 1722 г. Адмиралтейским регламентом было постановлено иметь в каждом порту госпиталь. В таких госпиталях должно было быть определенное число работников: один старший лекарь, подчиненные ему лекари в количестве по одному лекарю на 200 человек больных. У самих лекарей должно было быть «по два человека газелей лекарских, и по четыре человека учеников»[122]. Ученики, впрочем, как и врачи, должны были жить в госпитале, однако в отличие от другого персонала ученики должны были еще получать питание. Также врачи и ученики должны были обязательно соблюдать дежурства в госпиталях во избежание несчастных случаев.

Нужно отметить, что учреждение Московской медико-хирургической госпитальной школы не смогло решить вопрос недостатка кадров среди врачей, хотя и создало основу создания для профессионального высшего образования в

---

[120] Мирский М. Б. Очерки истории медицины в России в XVI-XVIII вв. Владикавказ, 1995. С. 78.

[121] Именной указ, объявленный из Сената, «Об учреждении в городах аптек под присмотром Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором помянутой Коллегии госпиталями» от 14 августа 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3811.

[122] Регламент о управлении адмиралтеиства и верфи и о должностях колегии Адмиралтеискои, и протчих всех чинов при адмиралтеистве обретающихся. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1722. С. 134.

сфере медицины, на практике обучение в большинстве своем представляло ремесленное обучение у мастера. Ученики поступали на обучение к врачу в госпиталь и познавали науку посредством практической работы. Обучение не имело определенного срока и представляло собой своеобразную систему ученик-подмастерье-мастер. Данный вопрос в период петровский преобразований так и не был урегулирован и требовал определенного законодательного вмешательства, что было осуществлено значительно позже.

В начале XVIII в. также появились и так называемые разноязычные школы, в задачи которых входило преподавание иностранных языков и других гуманитарных наук. Первая попытка создания языковой школы была предпринята в 1701 г., когда ректор школы Немецкой слободы Николай Швимер был назначен в Посольский приказ переводчиком латинского, немецкого и шведского языков. Помимо основной работы он назначался преподавателем иностранных языков: «русских всяких чинов людей и детей, кто к тому учению будут ему даны и учить с непрестанным прилежанием»[123]. В том же году ему были даны 6 учеников, которым он преподавал латинский и немецкий языки.

В 1703 г. все ученики Н. Швимера были отданы Иоганну Эрнсту Глюку. Эрнст Глюк был немецким пастором, проживавшим в Лифляндии. Он вел активную преподавательскую деятельность, по его инициативе была открыта русская школа, где он преподавал для русских раскольников, проживавших в Лифляндии. Первоначально за Глюком велось строгое наблюдение, однако к 1703 г. он уже проживал в Немецкой слободе в доме пастора Фагеция под его распиской.

До того, как Глюку перешли ученики Н. Швимера, он получил в обучение трех учеников. Позже в 1704 г. он получил еще двух учеников. В том же году школа была переведена во дворец боярина В. Ф. Нарышкина, а в 1705 г. указом была преобразована в гимназию, для которой Эрнст Глюк составил

[123] Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.: (1701 – 1715 гг.): документы московских архивов. М.: издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1907. С. 2.

образовательную программу[124]. В школе должны были преподаваться латинский, немецкий, французский, итальянский и иные языки. Вместе с этим предполагалось преподавание не только иностранных языков, но и других наук, таких как география, философия, история и пр. Однако после смерти Глюка в 1705 г., в школе стали преподаваться лишь иностранные языки, а уже в 1715 г. школа была закрыта.

Нужно отметить, что разноязычные школы подобно школе Глюка не просуществовали долгое время и к 1715 г. были в основном закрыты. По большей части это связано с тем, что велась активная политика обязательного направления учеников в различные учебные учреждения, будь то архиерейские или цифирные школы. Для государства большую пользу представляло обучение специалистов техническим или медицинским специальностям. Более того предполагалось, что обучаться иностранному языку лучше за границей, где можно получить больше практики. Такой подход давал возможность одновременно обучаться иностранному языку при постоянном общении с носителями языка и любой другой полезной науке. Еще одной причиной можно назвать отсутствие стройной политики и регулирования в сфере образовательной деятельности. Указы издавались по мере необходимости и были направлены на решение одной определенной задачи. В сравнении с современным законодательством в период петровских реформ еще не существовало единого закона, который бы устанавливал правовые, организационные и экономические основы образовательной деятельности. Более того изучение иностранных языков не было приоритетным направлением по сравнению с другими науками.

Наиболее масштабной по своей задумке была попытка создать и распространить по всей территории страны общеобразовательные школы. В 1714 г. был издан указ, который постановил учредить в каждой губернии цифирные школы: «дворянских и приказного чина, дьячих и подьячих детей от 10

[124] Образование в «немецких» школах Москвы в первой четверти XVIII в. / публ. подгот. А. Н. Рыжов // Вопросы образования. – 2007. – № 2. – С. 368–382.

до 15 лет, оприч однодворцев, учить цифири и некоторую часть геометрии»[125]. Преподавателями этих школ должны были стать ученики математических школ, было приказано отобрать по несколько человек на губернию и архиереями и в монастыри. Учителям устанавливалась заработная плата, а по окончании обучения каждый ученик должен был выплатить учителю по 1 рублю.

Также устанавливалась обязанность получения начального общего образования. Сначала Указом устанавливался штраф за отказ от обучения: «и положить штраф такой, что невольно будет жениться, пока сего не выучится»[126]. Несколько позже в уже представленном Указе об учреждении цифирных школ постановлялось, что по окончании обучения выпускнику должно было выдаваться свидетельство, подписанное учителем. Без такого свидетельства было невозможно жениться и получать венечные памяти. Данное установление еще накладывало еще большую учебную повинность на молодых людей и обязывало их поступать на обучение в школы.

Принятые указы не смогли в полной мере решить вопрос набора учеников в школы. Во многих случаях занятия попросту не проводились из-за отсутствия обучающихся. Показательный пример содержится в Сенатском указе от 1719 г., в котором описывается фактическая ситуация, сложившаяся в отношении школ Санкт-Петербургской губернии, Московской, Вологодской, Псковской, Новгородской и Ярославской школ: «во оныя де школы учеников во учении в высылке было только в одну Ярославскую, из церковников 26 человек, а в прочия школы и ничего учеников в высылке не было»[127]. Это очень маленький показатель. Для сравнения: в Морской академии только одна бригада составляла 50 человек. В связи с этим постоянно издавались указы о направлении новых

---

[125] Именной указ, объявленный из Сената, «О обучении Дворян приказного чина, Дьячих и подьячих детей Арифмерике и Геометрии, о посылке для того в Губернии учеников из Математических школ и об учреждении училищ при Архиерейских домах и монастырях» от 29 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2778.

[126] Именной указ, данный Сенату, «О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для учения Дворянского чина детей Арифметике и Геометрии. О неделании более медных денег, и о выборе Ландатов в города или Провинции всеми Дворянами» от 20 января 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2762.

[127] Сенатский указ, данный Боярину Салтыкову, «О высылке детей разного сословия, кроме Дворянских, для учения в школы» от 6 ноября 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3147.

учеников в цифирные школы. Помимо этого после издания в 1721 г. регламента Главного магистрата во всех городах магистратам предписывалось всячески поддерживать школы: «а что до содержания малых школ принадлежит, в которых токмо читать, писать и арифметики обучаться будут, о том во всех городах Магистратам самим иметь старание»[128].

Однако идея организации начальной общеобразовательной школы не получалось реализовать в полной мере. Учебная повинность, с помощью которой должен был осуществиться набор учеников из разных сословий, не смогла работать на практике. Сначала, в 1716 г., учебная повинность была снята с дворян. После, в 1720 г., обязанность обучения в цифирных школах сняли с посадских детей. Это было связано с поступающими челобитными из разных городов, в которых писалось о невозможности обучения детей купеческому делу из-за обязанности ходить в школы: «а дети де их от 10 до 15 лет обучаются купечеству, и вступают в торговые промыслы, и сидят в рядах за товарами, и ныне де многие из них с отцами и с братьями и с свойственниками и с товарищами в отъездах для торгов в дальних городах»[129]. В связи с этим, чтобы избежать возможных экономических убытков, был издан указ о запрете к принуждению посадских детей к обучению в школах[130]. А в 1721 г. с изданием Духовного регламента дети священнослужителей обязывались проходить обучение в специально учрежденных архиерейских школах. Все эти послабления и преобразования не могли не сказаться на численном состоянии цифирных школ. За все время было открыто сравнительно небольшое число школ, а именно 42, а к 1726 г. только чуть больше половины этих школ продолжали работу.

По данным, представленным в 1726 г. в протоколе Верховного тайного совета, с момента создания таких школ должно было быть зачислено 2051 человек, но только 1544 человека смогло начать обучение. Такое сильное различие в количестве учеников связана с такими причинами как смерть, бегство,

---

[128] Регламент или Устав Главного Магистрата от 10 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3708.
[129] Именной указ «Об учении всякого чина детей, кроме Дворян, Арифметики и Геометрии и нечинении им никакого притеснения» от 30 апреля 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3575.
[130] Там же.

необразованность поступающего или, например, с его зачислением в архиерейскую школу. К 1726 г. цифирные школы окончило только 302 человека, что является крайне маленькой цифрой. По этой причине из Адмиралтейской коллегии поступило предложение о соединении цифирных школ с архиерейскими и передать их в ведение Святейшего Синода: «соединить те школы со учреждающимися… для полезных святой церкви и государству наук семинарию»[131]. И хотя предложение было принято, это не помогло решить проблему скудности школ и поспособствовать их развитию.

Еще один способом для осуществления образовательной деятельности являлось обучение за границей. В основном на обучение за границу отправляли по понятным причинам детей из дворянских семей. Начиная с конца XVII в. это становится популярным способом обучения различным наукам. В 1697 г. в Италию, Голландию и Англию были отправлены на обучение различным наукам, в основном техническим и морским, дворянские дети. Позже в 1708 г. для изучения морских наук были отравлены новые ученики. Обучение проходило по-разному, кто-то изучал науки на практике, кто-то обучался в иностранных учебных заведениях. Нужно отметить, что отравляли обучающихся не только ради изучения технических наук, полезных в военном деле. Так, например, в росписи для доклада Петру I о посланных в Голландию для науки русских учениках от 1724 г. сообщалось об учениках, изучающих кирпичное и черепичное дело, архитектуре, скульптуре, языкам и другим наукам. В 1716 г. указом повелевалось отправить учеников в Кенингсберг для обучения немецкому языку: «Послать в Королевец человек 30 или 40 выбрать из молодых подьячих, для научения Немецкаго языка»[132].

В период правления Петра I осуществлялась постоянная отправка учеников за границу. Основной целью было обучение и получение квалифицированных специалистов, которые по возвращению на родину были готовы осуществлять

---

[131] Протокол Верховного тайного совета // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 56. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. С. 318.

[132] Именной, данный Сенату, «Об обозных лошадях в армейских полках и о посылке в Кенигсберг молодых подьячих, для научения Немецкому языку» от 25 января 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2986.

службу. Так, в одном из указов Петра I было изложено прямое указание на данную необходимость: «послали вас для науки оным художествам в Англию на нашем иждивении, на которое уже истрачено немалое число денег. И надеемся от вас за то службы в нашем государстве»[133]. Еще одной из причин являлась необходимость в преподавателях, которые могли бы по приезду в Россию передать знания новым ученикам. Обучение за границей требовало времени и больших денежных ресурсов, а потому часто за обучающимися велся надзор, назначался надзиратель, который следил, чтобы ученики познавали науку, а не предавались развлечениям. По возвращению обычно проводился экзамен на проверку полученных знаний. Все эти меры служили цели оправдания больших вложений.

Таким образом, развитие системы светского образования в первой четверти XVIII в. выразилось в большей степени в повсеместном открытии профессиональных учебных учреждений. Образовательная политика того времени была направлена не на распространение науки ради самой науки, а на подготовку профессиональных кадров для службы стране. Это было обусловлено как внутренними, так и внешними причинами, о которых уже не раз упоминалось выше. Острая необходимость в квалифицированных специалистах выразилась в издании законов, накладывающих обязательства по получению образования на население. Жесткие меры со стороны государства вызывали общественное недовольство. В. О. Ключевский так оценивает реакцию дворян на издание указов о принудительном образовании: «дворяне страшно тяготились цифирной повинностью, как бесполезным бременем, и всячески старались от нее укрыться»[134].

Попытка ввести повсеместное обязательное начальное образование оказалась провальной. Она не смогла быть реализована, поскольку не была согласована с реальными возможностями страны. Значительная часть население

---

[133] Указ Петра I русским молодым людям, посланным в Англию для изучения наук и художеств и о возвращении их в Россию без боязни от 10 июня 1723 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3. — М.: Древлехранилище, 2020. С. 600.

[134] Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Ч. 4. С. 73.

составляло крестьянское население, которое в то время не имело возможности получения образования. Духовенство, на которое поначалу и распространялось обязательство в получении цифирного образования, после издания Духовного регламента отделилось от остальных сословий в новообразованных архиерейских школах. То же касается и остальных сословий, постепенно в зависимости от нужд государства, политических или экономических, для разных сословий отменялась учебная повинность.

Еще одной причиной невозможности реализации идеи всеобщего образования стала плохая подготовка государством населения страны. Основными предпосылками для проведения образовательной реформы стали необходимость в развитии экономической и военной мощи страны, из-за этого упускался социокультурный фактор. Долгое время в стране во главу образования вставала Церковь, светское образование было распространено только среди тех, кому это было необходимо в связи с их профессиональной деятельностью. Более того, в большинстве своем преобладало практическое обучение, направленное на получение уже существующих технологий без возможности выработки новых. Выработанная государством образовательная политика была отрицательно встречена со стороны населения именно потому, что она не отвечала мировоззрению и укладу общества. Помимо накладываемых повинностей и обязательств, которые вызывали негативную реакцию, у населения не было осознания, зачем ему подобные изменения. В настоящее время также важно при формировании и реализации государственной политики учитывать социальные и культурные факторы. Успешность реформы во многом зависит от готовности населения принять ее.

Однако в вопросе профессионального образования было осуществлено значительное развитие. Появляются крупные профильные учебные заведения, задачей которых была подготовка к гражданской и военной службе специалистов. Специально для этого часто в учреждаемые заведения в качестве преподавателей приглашались иностранные специалисты. Такое решение служило цели передачи иностранного опыта, во многом превосходившего отечественный. Еще одной

возможностью получения зарубежного опыта и знаний была отправка на обучение за границу. Такой способ был наиболее дорогостоящим и его могли себе позволить не все, но таким образом представлялась возможность получения не только теоретических знаний, но и практическое ознакомление с наукой в иностранном государстве при использовании иностранных технологий.

С правовой точки зрения нельзя сказать, что, в сравнении с XVII в., регулирование образовательной деятельности стало более систематизированным. Не считая Духовного регламента, который регламентировал сферу духовного образования, а не светского, не было издано нормативных актов, которые бы устанавливали общие обязательные для всех школ правовые и организационные установки. Такие нормативные акты, как Инструкция Морской Академии, создавали организационные основы только для отдельного учреждения. Однако общее организационное регулирование стало более упорядоченным и масштабным. Повсеместное учреждение школ, развитие государственной политики в сфере образования заложили основу для отхода от индивидуального образования, которое могли получать дома или в качестве подмастерья. Учреждение школ позволило увеличить число учеников, которые бы обучались по единой учебной программе.

2.4. Книжное дело и введение гражданского шрифта

Реформирование образовательной деятельности нельзя было бы назвать столь значительным без развития печатного дела. Даже сейчас в эпоху цифровых технологий бумажная печать остается востребованным и ценным источником информации. Во все периоды истории книга была наиболее популярным способом просвещения. В период петровских преобразований на данных факт также обращалось внимание, многие просветители, разрабатывая идеи для улучшения образования в стране, отмечали необходимость создания библиотек и покупки различной литературы из-за рубежа. Без книг также было бы невозможно полноценное обучение в школах. Развитие книгопечатания в России совместно с

развитием образовательной деятельности было закономерным и взаимосвязанным обстоятельством.

В 1702 г. указом Петра I была учреждена газета «Ведомости», тем самыми положив начало развитию периодической печати. В газете должны были печататься новости о военных событиях, об изменениях внутри страны, например, развитии торговых отношений, постройке заводов или открытии тех или иных образовательных учреждений, а также известия о других странах. В. А. Погорелов отмечал политическую направленность газеты, при публикации положительных статей о России, новости о западных странах имели другу окраску: «с другой стороны о явлениях политической и народной жизни европейских стран: войнах, народных бедствиях, а также о метеорических и тому подобных явлениях»[135]. Первоначально работой с материалами для печати должен был заниматься Монастырский приказ: «а для печати тех курантов, ведомости, в которых приказах, о чем какая есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ, без мотчания, а из Монастырского приказа те ведомости отсылать на Печатный двор»[136]. Однако на деле в редакции принимали участие и другие органы, например, Посольский приказ или Книжный двор, активное участие принимал непосредственно и сам Петр I.

Необходимо отметить, что Петр I уделял много внимания книжному делу в России. Зачастую те или иные поездки за границу сопровождались указаниями о приобретении интересных книг и отправке их в Россию. Так, в 1715 г. был издан указ с поручением русскому дипломату А. П. Веселовскому, который в то время был резидентом при императорском дворе в Вене. Ему было поручено отыскать и отправить в Россию перечень книг: «Лексикон универсалис же, в котором есть все художества, которой выдан в Англии на их языке, и оной сышите на Латинском или на Немецком языке; також сыщите книгу Юреспруденции»[137]. Вместе с этим,

---

[135] Ведомости времени Петра Великого: в память 200-летия первой русской газеты / ред. Валерий Погорелов. – М.: Синодальная типография, 1903. Вып. 1. С. 2.

[136] Именной указ «О печатании газет для извещения оным о заграничных и внутренних произшествиях» от 16 декабря 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1921.

[137] Именной указ, данный резиденту Веселовскому, «О приискании из приказных людей, бывших в Цесарской службе и знающих Славянский язык, от всех Коллегий по одному человеку» от 16 декабря 1715 г. // Полное

предвидя сложность с ознакомлением литературы на иностранных языках, Петр I распорядился найти переводчиков, которые бы могли перевести эти книги на славянский язык.

При частом приобретении книг из-за границы переводы стали довольно распространенным видом работы, который также подлежал строгому контролю: «переводчикам и составителям книг он велел избегать «велерьчивых выражений», растянутые обороты «сжать» и вообще писать кратко и «без излишних разсказов»[138]. Главным в переводе книги было понятное изложение информации. Если переводчик не был русским, часто предлагалось использовать услуги русских людей в качестве помощников, которые бы могли разъяснить смысл тех или иных слов и фраз. В 1722 г. был издан указ Святейшему Синоду с распоряжением не использовать турецкие слова при переводе книг о магометанской вере: «ибо не для турок, но для руских ведения оная печатаетца»[139]. Такое тщательное отношение к переводу книг обусловлено желанием популяризовать чтение литературы в стране.

При издательстве книги обращалось также внимание и на ее внешние составляющие. Оформление книг достаточно детально регулировалось, начиная с формы и дизайна обложки и заканчивая толщиной букв. Это видно из письма, отправленного Петром I И. А. Мусину-Пушкину, где он подробно описывает, какие необходимо внести исправления в книгах: «но печать во оных книгах зело перед прежнею худа, не чиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтобы так хорошо печатали, как прежние»[140]. В письме указывалось на необходимость исправления переплета, изменения нарисованных букв в азбуке, удаления штемпелей с книг и пр. Такие книги, напечатанные под строгим контролем, должны были стать стандартом для новых изданий.

собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2967.

[138] Либрович С. Ф. История книги в России: со снимками с древних рукописей, образцами первопечатных книг и позднейших редких изданий, портретами, копиями картин, гравюр и пр. и пр. Ч. 2: С начала XVIII столетия и до конца царствования императора Павла I. СПб., М.: Т-во М. О. Вольф, 1914. С. 16.

[139] Указ Петра I Святейшему Синоду «О ненужности приведения турецких слов в книге о магометанской вере и о публиковании Духовного регламента» от 18 октября 1722 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3. — М.: Древлехранилище, 2020. С. 413.

[140] Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. Т. 9 Вып. 1. С. 12.

Стандартизация и упорядочение печного дела должна была служить двум целям: упрощению издания книг и возможности расширения круга лиц, которые бы могли эти книги читать. Обе причины следует рассмотреть более подробно. Осознавая некоторую отсталость России в данной сфере, Петр I сначала попытался развить печать русских книг за рубежом. На тот период в России в основном издавалась литература религиозного содержания, что в определенной степени противоречило политике развития светских наук в стране. Одной из стран с высокоразвитым печатным делом тогда была Голландия, поэтому в 1700 г. Петром I была выдана жалованная грамота Яну Тессингу. Согласно этой грамоте Тессинг мог печатать книги на славянском, латинском и голландском языках и продавать их в России. Важным замечанием было то, что книги должны были быть светского характера: «кроме церковных Славянских Греческаго языка книг, по тому, что книги церковныя… печатаются в Нашем царствующем граде Москве»[141]. Помимо этого, в книгах не должно было содержаться ничего, чтобы хоть как-то могло понизить честь царя и государства. Вместе с Тессингом в качестве составителя и переводчика над книгами работал И. Ф. Копиевский, однако через пару лет он открыл собственную типографию, в которой также издавались книги на русском языке.

Организация печатного дела за рубежом не дала желаемых результатов, книги хоть и поступали в Россию, но не в необходимых объемах. Требовалось развитие внутреннего производства, следовательно, требовалось открытие новых типографий и переориентация старых на печать светской литературы. В первую очередь был реорганизован Московский печатный двор, первая типография в России, открытая еще при Иване IV. В 1701 г. руководителем типографии был назначен Ф. П. Поликарпов-Орлов, сменивший Кариона Истомина. Ф. П. Поликарпов-Орлов внес большой вклад в развитие просвещения в начале XVIII в., под его началом начала издаваться уже упомянутая ранее газета

[141] Жалованная грамота Голландцу, Амстердамскому жителю Ивану Тесенгу «О печатании ему в Голландии земных и морских карт, чертежей, листов, портретов, математических, архитектурных, и всяких по военной части книг на Славянском, Латинском и Голландском языках, вместе и порознь, и о привозе оных на продажу в Россию с платежем пошлины, по осьми денег с рубля» от 10 февраля 1700 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1751.

«Ведомости» и получила распространение различная учебная литература. Сам он также являлся составителем ряда книг, наиболее известной из которых является изданный в 1704 г. «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище».

В 1703 г. в Московской типографии была издана «Арифметика» Л. Ф. Магницкого. Это была первая напечатанная в России книга по арифметике на славянском языке. Нужно отметить, что еще в 1699 г. в типографии Тессинга была издана книга «Краткое и полезное руководение во арифметику», автором которой был И. Ф. Копиевский. Но особой популярностью она не пользовалась. «Арифметика» же Л. Ф. Магницкого получила большую популярность, учебник использовался во многих учебных учреждениях[142]. Главный успех книги заключался в том, что это было наиболее подробное и детальное пособие по арифметике на тот момент. Существующая тогда практика, при которой ученики в отсутствие учебников самостоятельно записывали лекции за преподавателями, в значительной степени усложняла образовательный процесс. Постепенное введение учебников по различным дисциплинам в первую очередь служило цели упрощения и ускорения учебной деятельности. В то время еще не ставились цели сведения учебников под единый стандарт или создания единого учебника для каждой дисциплины как в настоящее время, поскольку не было столь широкого развития печатного дела и наличия большого разнообразия в учебниках. Однако именно в период петровских преобразований были введены требования о том, какими должны быть учебники. В первую очередь это касалось, конечно, внешнего оформления книг. Можно утверждать, что введенные требования стали прообразами современных стандартов, используемых в издательском деле.

Самым большим изменением в сфере книгопечатания стало изменение гражданского шрифта. Существует точка зрения, что главной причиной для проведения данной реформы стало желание Петра I сблизить Россию и Европу. Так, например, В. О. Ключевский ставил изменение шрифта в один ряд с введением нового покроя платья, бритьем бороды и пр., указывая, что все эти

[142] Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. С. 92.

преобразования являлись частью более масштабного плана: «образить, облицевать русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов»[143]. Данная точка зрения имела место по причине схожести нового шрифта с латинским написанием слов, в то время он использовался западноевропейскими типографиями. До нововведений книги в России печатались древнеславянским или церковным шрифтом, который имел определенное сходство с греческим.

В полной мере с данным мнением согласиться нельзя. В первую очередь изменение шрифта было необходимо для создания более простого и быстрого способа печати книг. Вместе с этим упрощался и сам процесс чтения, написание букв упрощалось, часть из них вовсе убиралась по причине их неиспользования. Более того, печать с использованием нового шрифта должна была осуществляться только для светской литературы, издание церковных книг должно было осуществляться по старым правилам. Все это служило цели развития образования. Увеличение числа печатающихся книг должно было дать возможность для большего круга лиц получения знаний, а также облегчить образовательный процесс в учебных заведениях путем издания учебников. Более того, большая легкость в восприятии письма должна была облегчить процесс изучения письменности и чтения. Реформа шрифта была проведена в период с 1708 по 1710 гг. Основным результатом стал переход к уже упомянутому латинскому написанию букв. В это же время была проведена попытка пересмотра алфавита и исключение из него архаичных и неиспользуемых букв. Однако данное преобразование было негативно встречено духовенством, а потому ряд из них был возвращен в использование. Изменился также и вид цифр. При обозначении цифр тогда использовался церковнославянский язык. Это было неудобно в использовании, а потому было принято решение использовать арабские цифры.

В 1708 г. была издана «Геометрия славенски землемерие» – первая книга, напечатанная новым шрифтом. После началось постепенное увеличение числа книг, издаваемых по новому образцу. Петр I проявлял большой интерес к их

[143] Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Ч. 4. С. 229.

изданию и вел постоянную переписку с И. А. Мусиным-Пушкиным, который с 1702 г. являлся руководителем Печатного двора и принимал непосредственное участие во введении гражданского шрифта. Петр I довольно часто вносил поправки в ходе работы над печатью книг. В 1708 г. в одном из своих писем И. А. Мусину-Пушкину он описывал, какие именно необходимо внести изменения при написании каждой буквы. Для наглядности и возможности сравнения он просил прилагать религиозную литературу: «и зделав ту азбуку, прислать к нам купно с какою нибудь молитвою, напечатанною оными литерами»[144]. Уже к 1710 г. составленный шрифт претерпел изменения. Обновленный вариант был выпущен в виде азбуки 29 февраля 1710 г., что считается официальной датой введения гражданского шрифта.

В 1711 г. была учреждена первая типография в Санкт-Петербурге. Подготовка к ее открытию была осуществлена еще в 1710 г., Петр I распорядился в письме к И. А. Мусину-Пушкину, чтобы тот организовал оснащение типографии: «станок друкарный с новыми литерами извольте сюда прислать по первому зимнему пути со всем, что к нему принадлежит, также и с людьми»[145]. Директором типографии был назначен М. П. Аврамов. В 1697 г. он был отправлен на обучение типографскому делу в Голландию, где проучился 5 лет. После возвращения в Россию и до назначения на должность директора типографии он служил дьяком в Оружейной палате. Пост директора М. П. Аврамов занимал до 1721 г., когда сама типография перешла в ведение Синода. Начиная с 1713 г. в типографии начинается активная работа по изданию светских книг по разным направлениям, переводы иностранной литературы, календари, различные указы и реляции и пр.

Помимо Санкт-Петербургской типографии в период правления Петра I были открыты еще Сенатская типография и типографии Морской академии и в Александро-Невского монастыря. Последняя типография была открыта исключительно для печати религиозной литературы. Сенатская типография

---

[144] Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. Т. 8 Вып. 1. С. 303.
[145] Гаврилов А. В. Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. СПб.: Синод. тип., 1911. Вып. 1. С. 3.

предназначалась для печати указов, манифестов и других законодательных актов. Типография при Морской академии была сравнительно небольшой по сравнению с другими и занималась печатью книг и документов, отвечающих потребностям академии. В ней печатались учебники, а также указы Адмиралтейской коллегии. Снабжение всех типографий происходило за счет Санкт-Петербургской типографии, указами Петра I оттуда должно было высылаться необходимое количество станков и рабочих для их полноценного функционирования.

В 1721 г. все типографии перешли в ведение образованного Святейшего Синода: «обретаются в разных городах… типографии, которыя… под ведением Святейшаго Правительствующаго Синода»[146]. Синод как контролирующий орган должен был осуществлять цензуру издаваемой литературы, а также общее ведение финансово-хозяйственной деятельности типографий. В вопросе цензуры Синод тщательно следил за издаваемыми книгами, экземпляры новых книг зачастую требовалось отправлять Синод для препровождения в Сенат: «из Московской типографии, когда будут новоизданныя всякаго звания гражданския книги в оной типографии печататься, от всех выходов в Святейший Синод взносить, при доношениях, по одной книге и, получая оныя в Синод, сообщать в Правительствующий Сенат каждого выхода по одной книге при ведениях»[147]. Помимо этого, Синод следил за независимым изданием и продажей литературы, как правило, религиозной, например, каноны или молитвы. Такая деятельность запрещалась, а литература должна была изыматься: «не без порицания, описав все, обрать в Приказ церковных дел, и запечатав, держать до указа, и тех людей, которые продают, взять, и от кого оные к продаже получают и кем сочинены и писаны и печатаны, сыскать»[148].

---

[146] Указ «О ведении типографий в Св. Синод; об именовании Киево-Печерскаго и Черниговскаго монастырей ставропигиальными не Константинопольскаго патриарха, а Св. Синода, и о непечатании книг без позволения Св. Синода» от 22 февраля 1721 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1869. Т. I. № 7.

[147] Указ «О доставлении в Св. Синод из Московской Синодальной Типографии, по экземпляру, каждой вновь печатающейся в ней гражданской книги, для препровождения в Сенат» от 28 февраля 1723 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1875. Т. III. № 1013.

[148] Синодский указ «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» от 20 марта 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3765.

Печать учебной литературы хоть и не являлась первой по важности, тем не менее, занимала особое место в книжном деле. Учебные книги, издаваемые в петровское время, не были учебниками в современном понимании слова. Скорее это была научная литература, посвященная различным дисциплинам и наукам, и по которой проходило обучение специалистов. Наиболее популярными были книги по кораблестроению и навигации, фортификации и военному делу. Учреждение и развитие специализированных школ требовало предоставление ученикам различной литературы, в основном технического и военного содержания. Чаще всего это были переводы иностранных книг, для чего требовалось привлечение к работе переводчиков. Из-за специфики книг часто переводы становились очень трудоемким делом, в 1724 г. Петр I издал указ, по которому требовалась организация профессиональной подготовки переводчиков и обучения языкам различных специалистов для более качественного перевода книг: «которые умеют языки, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам»[149]. К художествам относились различные виды наук, например, математика, анатомия, ботаника, архитектура и пр.

Совместно с развитием издательского дела особое внимание было уделено распространению книг и создания книжного фонда. Наиболее примечательным стало учреждение первой государственной публичной библиотеки. Несмотря на то, что указ об учреждении библиотеки не сохранился до наших дней, принято считать, что она была открыта в 1714 г. в Санкт-Петербурге, которая впоследствии стали называть Библиотекой Академии наук[150]. Библиотекарем был назначен И. Д. Шумахер, он внес большой вклад в ее развитие. Книги для библиотеки собирались из различных монастырских, типографских и частных библиотек. Помимо этого, книги также специально закупались из-за границы, И. Д. Шумахер лично отправлялся в Европу, где помимо изучения библиотечного

[149] Именной указ «О приготовлении переводчиков книг обучением их художествам» от 23 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 4438.

[150] Леонов В. П. Библиотека Российской Академии наук // Большая российская энциклопедия. Т. 3. Москва, 2005. С. 461-462.

дела занимался приобретением книг. И. Д. Шумахер занимался систематизацией и составлением каталогов книг, в первые 5 лет после учреждения библиотеки осуществлялась наиболее масштабная и активная деятельность по приобретению книг.

Главной идеей Петербургской библиотеки была ее публичность, предоставление доступа к книгам всем желающим. Практически сразу после учреждения библиотеки, она начала свою работу. Доступ для посетителей предоставлялся два раза в неделю по несколько часов в день. При выдаче книг осуществлялась запись о том, когда, кому и какая книга была выдана. Таким образом, уже тогда создавалась система контроля за библиотечным фондом. Однако необходимо отметить, что контроль не был особо строгим, записям не отдавалось должного внимания и зачастую они бывали неразборчивы.

Важным замечанием является то, что, хотя библиотека и называется первой публичной библиотекой в России, в начале XVIII в. посетителями не были людьми любого сословия. К ним относились представители высших сословий и духовенства, а также сотрудники библиотеки и учрежденной позже Академии наук. С. П. Луппов, перечисляя посетителей библиотеки, называет такие лица как Феофан Прокопович, генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса, царевну Анну Петровну, барон Генрих фон Гюйссен, лейб-медик Л. Л. Блюментрост и др. Это были влиятельные люди, занимающие высокое социальное и политическое положение. На примере Петербургской библиотеки начале XVIII в. только начали зарождаться основы функционирования публичных библиотек. Данная библиотека не обслуживала все население страны, предоставляя право на посещение только определенным категориям посетителей. Тем не менее категории были расширены, предоставлялась возможность для обслуживания потребностей не только одной конкретной церкви или типографии. Более того появилась возможность для осмотра библиотеки, что давало возможность более широкого и доступного изучения книжного фонда заведения.

В период правления Петра I большое развитие получили специализированные библиотеки, создаваемые для определенных учреждений.

При учреждении Святейшего Синода была образована Синодальная библиотека, изначально существовавшая как Патриаршая библиотека. В ней находились как старинные книги на греческом, латинском и других языках, так и различные издаваемые указы. В 1724 г. Московская типография обязывалась предоставлять все издаваемые указы непосредственно в Синод: «такие в Сенате или в Коллегиях состоявшиеся указы, ныне напечатав, взнесть в Синод немедленно»[151]. Образовывались библиотеки при типографиях. Наиболее обширной являлась библиотека при Московской типографии, которая уже в конце XVII в. имела значительный объем книг. Наибольшее значение для развития образовательной деятельности имели библиотеки, образовываемые при учебных заведениях. Разная специфика учебного заведения требовала создания своей специализированной библиотеки. Для духовных школ основу составляли религиозные книги, для светских должны были подбираться книги на основе тех предметов, которые в них преподавались. Например, библиотека при Морской академии имела обширную коллекцию книг по кораблестроению и навигации.

Таким образом, в первой четвери XVIII в. складывается активная политика развития книжного дела. Закладываются основы для организационно-правового регулирования книгопечатания. Начинают формироваться стандарты печати, устанавливающие вид печатаемых книг и их содержание. Это обстоятельство особенно примечательно ввиду существующих современных стандартов, которые регулируют печать учебников для школ. В настоящее время печать учебников строго регламентирована, периодически создаются новые государственные стандарты к структуре и содержанию учебной литературы с целью более глубокого и качественного изучения предмета, а также для комфортного восприятия материала. Именно при Петре I обращается внимание на необходимость печати такой литературы, которая бы могла стать образцом качества. Особое внимание обращалось на качество переводов иностранной литературы. Важным было не только знание языка, но и поминание переводимого

[151] Указ «О немедленном представлении из синодальной типографии в Св. Синод печатаемых в оной указов, состоявшихся в Сенате и в Коллегиях» от 6 апреля 1724 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1872. Т. II. № 521.

материала. Не в меньшей степени, потому что часто переводчикам требовалось осуществлять редактуру переводимого текста. Петр I, принимая активное участие в вопросе контроля качества издаваемых книг, отмечал недостатки переводов, а также отмечал необходимость редактуры оригинальных текстов и удаления неинформативных и высокопарных частей: «дабы по сему книги переложены были без лишних разказов, которые время толко тратят и у чтущих охоту отъемлют»[152].

В период петровских преобразований происходит широкое распространение светской литературы, наибольшую ценность приобретают книги по техническим и гуманитарным наукам. Для облегчения процесса книгоиздания и расширения читательской аудитории создается гражданский шрифт. Именно развитие наук и потребность профессионального специализированного обучения стало одной из главных причин для его создания. Отход от более сложной письменности, ориентация на латинский язык упрощали работу и с иностранными книгами, которые в начале XVIII в. составили основой массив научной литературы в России. Переход на арабские цифры также в значительной мере облегчал усвоение технических наук.

Открытие новых типографий и приобретение литературы за рубежом позволили сформировать большее число библиотек в стране. Учрежденная в Петербурге библиотека стала первой публичной библиотекой в России и прототипом современных общественных библиотек. Несмотря на то, что изначально библиотеку посещали только высокопоставленные лица, категории их, тем не менее, различались. Ее посетителями были как представители дворянского сословия, так и духовенство. Прочие открывавшиеся в стране библиотеки служили цели удовлетворения потребностей конкретной организации, например, той или иной школы. Однако как такового правового регулирования в данной сфере в первой четверти XVIII в. не было выработано. Государственная политика велась в основном только в одном направлении – количественном

[152] Указ «О переводе из немецких экономических книг только существа дела, без излишне помещаемых в них разсуждений» от 16 сентября 1724 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1876. Т. IV. № 1368.

увеличении книжного фонда в стране. Регулирование деятельности библиотек практически не осуществлялось.

В отличие от светской литературы правовое регулирование издания религиозных книг особого развития не получило. Ему все так же отводилось большое внимание, но по сравнению в XVII в. не было выработано новых принципов в этой сфере. Наибольшим изменением стала деятельность Святейшего Синода, который осуществлял цензуру и контроль за деятельностью типографий. Библиотечное дело так же не было подвергнуто изменениям. Библиотеки при монастырях и церквях состояли в основном из религиозной литературы и не были особо богаты по содержанию. Развитие получила разве что Синодальная библиотека, в которую поставлялись из других библиотек наиболее ценные и уникальные книги. Отдельную группу составляли только библиотеки раскольников, однако они были крайне малочисленны и не могли получить государственной поддержки для развития.

ГЛАВА 3. ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА I И РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Во второй четверти XVIII в. был осуществлен ряд законодательных изменений, оказавших прямое влияние на образовательную сферу страны. С одной стороны, государство стремилось продолжить реализацию политики обязательности обучения и службе стране. С другой стороны, такая политика развивалась, в том числе под влиянием дворянского сословия. Данное обстоятельство в определенной степени повлияло на формирование законодательного регулирования образовательной деятельности страны. Так, в 1736 г. был издан Указ о смотрах дворянских детей. Обязательность обучения указом выдвигалась на первое место и объяснялась пользой как государству, так и дворянству в частности: «дабы со временем не токмо Государству полезны быть, но и сами себе чрез те науки довольное пропитание сыскать могли»[153].

В 1737 г. еще одним указом устанавливаются правила смотров для дворянских детей. Указом устанавливалось обязанность детям дворянских и служилых семей являться на смотры, где они должны были сообщать свой возраст и чему обучался. Вторые смотры предписывалось проводить в 12-летнем возрасте. К этому времени они должны были быть обучены грамматике и чтению. Третьи смотры должны были проводиться по наступлению 16-летнего возраста, этот период времени отводился для изучения богословия, арифметики и геометрии. Указывалось на то, что языки не были обязательной наукой, они могли изучаться только по желанию. Третьи смотры могли проводиться только в Санкт-Петербурге или в Москве, по итогам определялась дальнейшая судьба ученика. Родители могли определять, кто из детей останется дома для ведения хозяйства, было также разрешено до 20 лет продолжать обучение наукам, возможно, было поступление в Государственную Академию для изучения географии, фортификации и истории. Тех, кто за все время обучения не смог постичь науки,

[153] Именной указ, данный Сенату, «О размещении детей Офицерских, Дворянских и прочих служилых людей, взрослых в армейские гарнизонные полки, по их жалованиям, а малолетних в учрежденныя школы» от 6 мая 1736 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IX. № 6949.

предписывалось записывать в матросы. Отдельно указывалось: «а которые при сем смотре в шестнадцать лет явятся более способны к гражданской, нежели к воинской службе, и из оных в гражданскую службу определять»[154]. Одним из послаблений в отношении дворян было право на домашнее обучение. Условиями для возможности выбора домашнего обучения были, во-первых, обязательство того, что ребенок будет обучен надлежащим образом устанавливаемым наукам; во-вторых, наличие у отца или родственников не менее 100 душ по переписи. Других же детей следовало отдавать для обучения в школы.

Установление подобных обязательств, при которых не всем была дана возможность избежать школьного обучения, не было положительно встречено со стороны дворянства. Оно всячески старалось избегать этой обязанности, в связи с чем в 1742 г. был издан Указ, существенно ужесточающий наказание за неявку на смотры. Наказывались также утаивание возраста и объявление ложного чиста душ, принадлежащих ему, его отцу или матери: «за то малолетних определять в матросы, а от 20 лет, годных в солдатскую службу, в солдаты вечно, а престарелых, которые ни в какую службу негодны, посылать на поселение в Оренбург»[155]. Однако данный указ не просуществовал долго, и уже в 1747 г. был издан указ, по которому жесткие меры наказания были отменены: «написанных поныне в матросы и в солдаты вечно и посланных на поселение освободить, и из оных определить годных в службу и школы, так как и прочих повелено, а престарелых отпустить в домы»[156].

Во второй четверти XVIII в. обязательность школьного образования заменяется возможностью выбора между школьным и домашним обучением. Законодательная уступка в отношении дворянства шла вразрез выработанным в

---

[154] Именной указ «О явке недорослям в Санктпетербург к Герольдмейстеру, а в Губерниях к Кубернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определении их на места, по достижении 20-летнего возраста» от 9 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7171.

[155] Именной «О неопределении недорослей всяких чинов служивых людей ни в какую службу без Сенатскаго указа; о явке им в Герольдмейстерскую Контору и к Губернаторам от семи лет возраста своего на первый смотр и о распределении их для обучения; о вторичной явке недорослями по достижении двенадцати лет и об определении их сему смотру в службу и в школы» от 11 декабря 1742 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XI. № 8683.

[156] Именной указ «О Всемилостивейшем прощении недорослей за неявку на смотры, помещиков за утайку душ, а былых военнослужащих за побег» от 23 декабря 1747 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9465.

первой четверти XVIII в. идеям. Тогда начал свое формирование принцип обязательности получения начального общего образования, реализовывался он через принудительное направление учеников в школы. Разделение образовательной системы на школьное и домашнее обучение не могло позволить выстроить единую государственную систему образовательной деятельности. Государственное регулирование в условиях домашнего обучения заканчивалось установлением программы обучения и контрольным оцениванием результатов. Промежуточный этап, сам процесс обучения, оставался в ведении самой семьи, что не могло выступать гарантом качества.

Тем не менее послабления в вопросах обучения не отменяли систему школьного образования вообще. Государственному регулированию образовательной деятельности во второй четверти XVIII в. было характерно как отход от идей петровских преобразований, так и их прямое развитие. В 1731 г. был учрежден Кадетский корпус: «учредить Корпус Кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей, от тринадцати до осмнадцати лет, как Российских, так и Эстляндских и Лифляндских Провинций»[157]. Хотя основной задачей корпуса была военная подготовка дворянских детей, однако уже в самом указе отмечается разноплановость учебного заведения. Это выражалось в возможности изучения не только военного дела, но и гражданских наук. Впервые на законодательном уровне отмечается важность отдельно теоретического и практического освоения предмета, а не освоения науки как таковой.

В том же году был издан устав Кадетского корпуса, который формулировал правовые и организационные основы функционирования учебного учреждения. Ученики должны были учиться и проживать в одном месте: «по примеру Прусскаго, Датскаго и прочих Королевских кадетских домов, дабы они толь меньше гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили, так и в прочем их состоянии и поведении над ними непрестанное

[157] Именной указ, данный Сенату «Об учреждении Кадетского Корпуса» от 29 июля 1731 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5811.

имелось надзирание»[158]. Все обучающиеся должны были делиться на 4 класса в зависимости от уровня подготовки. Начальное обучение проводилось в четвертом классе, в нем должны были преподаваться русский и латинский языки, чистописанию и арифметика. Третий класс должен был обучаться геометрии, географии и грамматике. Во втором классе начиналось изучение широкого круга наук. К ним относились фортификация, риторика, юриспруденция, мораль, геральдика и другие военные и политические науки. Это были еще наиболее общие науки, которые могли быть полезны как в военной, так и в гражданской службе. В первом классе обучение строилось уже в соответствии со способностями самого ученика. Склонности к тем или иным наукам должны были определять на совете преподаватели и командиры корпуса. Таким же образом должно было определяться время выпуска ученика из Кадетского корпуса.

В 1732 г. в Кадетский корпус были зачислены первые ученики в количестве 56 человек. Уже через несколько месяцев число учеников увеличилось до 308, это были представители не только российского шляхетства, но и Лифляндской и Эстляндской провинций. В связи с этим граф Бурхард Христофорович фон Миних, который являлся тогда директором корпуса, запросил разрешение на увеличение штата до 360 кадетов: «с надлежащим числом Штаб и Обер-офицеров, Профессоров и учителей и прочих служителей»[159]. Предложение было одобрено, а штат был разделен на 3 роты.

Нужно отметить, что Кадетский корпус пользовался определенной популярностью даже у иностранцев. Однако принятие на обучение иностранных учеников не было выгодным для российского государства с учетом возвращения выпускников на родину. По этой причине в 1738 г. была опубликована резолюция, которая позволяла приниматься на обучение детей грузинских дворян строго с условием их дальнейшей службы в России: «напредь взять обязательство, что они должны остаться в России вечно, и потом определить в

[158] Устав Кадетского Корпуса от 18 ноября 1731 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5881.

[159] Штат Кадерскаго Корпуса, состоявшийся по Высочайше утвержденному докладу Генерала-Фельдмаршала Графа Миниха от 12 мая 1732 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 6050.

Кадеты, а без того не определять»[160]. Через год была опубликована еще одна резолюция, по которой запрещалось брать детей, чьи родители не состояли на службе в Российской империи: «однако ж когда в Российской службе не бывал, то может быть что и в верности надлежащей присяги не учинил»[161].

В 1743 г. Кадетский Корпус был переименован в Сухопутный кадетский корпус. По своему назначению Кадетский корпус не был узкоспециализированным учебным учреждением, какими создавались школы и академии в петровское время. Кадетский корпус предоставлял возможность для разноплановой профессиональной подготовки специалистов. Обучение с общих дисциплин и переход к более серьезным и узким наукам должны были дать возможность выявить наиболее сильные стороны ученика и определить у него ту или иную профессиональную предрасположенность. Разделение обучения на теоретические и практические части также должно было позволить создать более структурированную и детализированную систему обучения.

В 1732 г. Указом были учреждены гарнизонные школы. Они были направлены на обучение солдатских детей: «понеже офицерские не из шляхетства, також драгунские и солдатские и прежних служб, а именно: рейтарские и городовых казаков, стельцов, приставов, разсыльщиков и прочих служилых всяких чинов людей дети»[162]. Исключение составляли дети, чьи родители были записаны в подушный оклад или вступили в крестьянство, также к ним относились дети однодворцев и других служилых людей, которые формировали ландмилицкие полки. И наконец, еще одним исключением являлись дети, которые до момента издания указа уже были приставлены к работе на

---

[160] Резолюция Кабинет-Министров на доклад Кадетскаго Корпуса «О взятии, при приеме в Корпус детей Грузинских Дворян, у родителей их обязательств, что те дети их останутся в России вечно» от 17 апреля 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7560.

[161] Резолюция Кабинет-Министров на доклад Кадетскаго Корпуса «О запрещении принимать в Кадетский Корпус детей иноземцев, небывших в Российской службе, и помещать сверх комплекта» от 31 марта 1739 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7787.

[162] Именной указ «О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных» от 21 сентября 1732 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 6188.

фабриках, цехах или в купечестве. Дети должны были зачисляться в школы в возрасте от 7 до 15 лет.

Гарнизонные школы должны были готовить будущих солдат. А потому и процесс обучения расценивался скорее как военная подготовка с соответствующими организационно-воспитательными отличиями. Укрывательство от обучения должно было наказываться штрафами. Помимо прочего предусматривалось вознаграждение за сдачу скрывающихся. По прошествии 15 лет дети должны были поступать на военную службу, неявка расценивалась как бегство, а укрывающиеся должны были получать статус беглых солдат. Устанавливалось строгое правило не зачислять солдатских детей никуда кроме гарнизонных школ. Образовывалась сословная зависимость детей от их родителей, государство устанавливало, что дети, рожденные в момент службы их родителей, принадлежат к военному ведомству.

В 1744 г. практически все оставшиеся цифирные школы были соединены с гарнизонными. Это было связано с оскудением цифирных школ. Присоединение должно было происходить только в случае, если в провинции и губернии была организованная гарнизонная школа. Так, в Новгородской губернии, в Костромской и Юрьеве-Польской провинциях и в ряде других губерний и провинций продолжали функционировать цифирные школы. Однако число тех, кто должен был обучаться в таких школах, становился еще меньше: «а подлежащих в гарнизонные школы служилых людей детей, для обучения ж отсылать, по силе 735 года, по близости, где имеются гарнизонные школы»[163].

Программа обучения в гарнизонных школах состояла из изучения словесных и письменных наук, экзерциции, арифметики, а также артиллерийской и инженерной наук. Все обучающиеся делились на 3 класса. Начальное обучение должно было посвящаться словесным наукам, изучению азбуки и книг по богословию. Одновременно с чтением должно было изучаться письмо. После

[163] Сенатский указ «О соединении в Губерниях и Провинциях арифметических и гарнизонных школ в одно место; о обучении в них всякаго чина людей на своем иждивении; о бытии тем школам в ведомстве Комендантов; о присылке об оных рапортов, и о жаловании учителей» от 26 октября 1744 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9054.

начиналось обучение арифметике и другим наукам. Ученики в старших классах должны были направляться на изучение различных наук на основании их способностей. Сроки обучения, как и во многих других школах того времени, в том или ином классе не были строго определены, все зависело от способностей ученика. В возрасте 16 лет обучающиеся должны были определяться на службу в армию.

Одним из наиболее важных и ярких моментов в сфере образовательной деятельности второй четверти XVIII в. слало учреждение в 1725 г. Академии наук. Нужно отметить, что учреждение первого высшего учебного заведения в России является заслугой Петра I. Однако само открытие и дальнейшее его развитие состоялось уже после смерти императора, поэтому для лаконичного изложения материала историко-правовое исследование функционирования данного учреждения осуществляется в данной главе. Ранее уже упоминалось, что в начале 1720-х гг. Петр I поручил Л. Л. Блюментросту составить проект Положения Академии наук. В 1724 г. проект был представлен, а после подписан императором. Согласно Проекту предполагалось создание зависимых друг от друга учреждений – университета и академии. Университет должен был нести образовательную функцию, заниматься подготовкой и обучением новых специалистов и ученых. Академия же должна была выполнять исследовательскую функцию и развивать науку как таковую. И хотя особое внимание в Проекте уделяется именно Академии и университету, предусматривалось также создание третьего учреждения в рамках Проекта, а именно гимназии.

В Проекте подчеркивалась важность того, чтобы Академия, университет и гимназия создавались и функционировали совместно: «при заведении простой академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя чрез оную художествы и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однакожде оныя не скоро в народе расплодятся; а при заведении университета – и меньше того»[164]. Еще одна причина единого организационного устройства была экономической.

[164] Именной указ, объявленный из Сената, «Об учреждении Академии и назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга» с приложением проекта об учреждении Академии от 28 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 4443.

Создание одного учреждения, которое бы включало в себя три вида научной и образовательной деятельности, было финансово более выгодно, чем создания трех разных учреждений.

Проект Положения разделял академию на три класса: к первому классу должны были относиться математические науки, ко второму – физические, а к третьему – гуманитарные. Математические науки включали в себя арифметику, алгебру и геометрию, астрономию, географию и навигацию, а также механику. Физические науки состояли из физики теоретической и экспериментальной, анатомии, химии и ботаники. Третий гуманитарный класс складывался из элоквенции, т.е. красноречия, «студиум антиквитатис», т.е. изучения древностей, древней и нынешней истории, а также «право натуры и публичное» совместно с политикой и этикой. Сами члены Академии должны были не только заниматься изучением и развитием науки, но и преподавать ее в университете. В самом университете предполагалась организация трех факультетов: юридического, медицинского и философского.

Отдельное внимание в проекте Положения уделялось обязанностям академиков. В первую очередь академикам предписывалось заниматься развитием наук. Это включало в себя исследование и изучение уже существующего опыта, а полученные знания оформлять в виде экстрактов. При изучении науки следовало также обращать внимание на то, насколько верны исследуемые данные и какова их польза. По требованию императора академики были обязаны проводить исследования. Также еженедельно должно было собираться собрание, на котором академики должны были делиться научным опытом, высказывать предложения или проводить эксперименты. Проект подчеркивал важность данного мероприятия, поскольку по самому документу академия являлась собранием ученых, осуществляющих коллективные научные исследования и развитие науки.

Целью развития науки также служили обязанности по подготовке учеников. Каждый академик должен был внести свой вклад в образовательную деятельность: «обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся младых

людей изготовить»[165]. Такие книги предполагалось издавать сначала на латинском, а потом и на русском языках. Помимо обучения студентов, академикам предписывалось осуществлять подготовку будущих преподавателей и ученых. Для этого им предписывалось иметь по два помощника, которые бы могли через некоторое время занять место своих наставников. Для облегчения научной и преподавательской деятельности академиков в подчинение Академии наук должны также были перейти Петербургская библиотека и Кунсткамера, которыми заведовал И. Д. Шумахер. Таким образом, согласно Проекту, Академия наук должна была стать первым высшим образовательным учреждением в России, деятельность которого помимо обучения студентов должна была быть направлена на развитие науки в стране.

Важно заметить, что проект Положения обозначил еще одну сложность в большой проблеме нехватки отечественных специалистов в России. Для получения специалистов требовалось создать систему образовательной деятельности, которая в свою очередь требовала высококвалифицированных преподавателей. Решением этой проблемы стала практика приглашения иностранных специалистов и ученых. Это решение выявляло другую проблему, а именно сложность во взаимодействии и общении между иностранными преподавателями и их учениками. Это понимал и император, в Проекте положения указывалось необходимость устранения этой проблемы: «надлежит по два человека еще прибавить которые из славенского народа дабы могли удобнее русских учить а каких науке написать именно»[166].

После утверждения Проекта положения началась активная работа по организации Академии наук, однако завершена она была уже после смерти Петра I. К 1725 г. был собран штат, основу которого составили приглашенные из-за границы иностранные специалисты. 27 декабря 1725 г. произошло открытие Академии, было проведено его первое заседание. В 1727 г. был написал регламент

[165] Именной указ, объявленный из Сената, «Об учреждении Академии и назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга» с приложением проекта об учреждении Академии от 28 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 4443.
[166] Там же.

Академии наук. И хотя официально документ принят не был, тем не менее, он с историко-правовой точки зрения, показывает, в каком направлении стремились устроить организационно-правовою работу Академии. Ю. Х. Копелевич отмечает, что «многие его пункты прочно вошли в практику Академии, соблюдались до принятия Регламента 1747 г, а некоторые перешли и в него».[167]

Одним из наиболее важных моментов, который должен был установить Регламент, было определение правового положения самой Академии. Проект Положения, принятый Петром I, не регулировал данный вопрос. Согласно Проекту, Академия являлась сообществом ученых, которые должны были заниматься развитием науки. По Регламенту устанавливалось, что «оная кроме Нас в верховном тайном совете никому не подлежала и никакими правами, или персон, или вещей касающимися, обязана, ниже каковыми тягостьми обременяема и утесняема не была бы»[168].

Некоторые положения Регламента не особо изменяли положения Проекта, а некоторые дополняли и расширяли. Так, в Регламенте более подробно рассматривались вопросы проведения заседаний. Определялись дни и часы, когда заседания должны был проводиться, регламентировался процесс голосования. Определялась подотчетность академиков перед собранием в вопросе их научной деятельности. В остальном права и обязанности академиков остались неизменны по сравнению с проектом Положения. Однако Регламентом создавалось должность президента Академии, который должен был заниматься управлением учреждения. В помощь ему должны были назначаться библиотекарь и комиссар.

Еще одним нововведением Регламента стало положение об учреждении Академии художеств. Целью создания такой академии было профессиональная переподготовка учеников, которых «от учения удалившимся, или в воинскую пойти службу, или ко изучению других хитростей приложитися охота будет»[169]. В данной академии предполагалось 4 направления обучения. В первом направлении должны были преподавать арифметику, геометрию, тригонометрию, начало

[167] Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 83.
[168] Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1885. Т. 1. С. 301.
[169] Там же. С. 322.

перспективы и воинскую архитектуру. Второе направление должно было быть посвящено изучению гражданской архитектуры, третье – «живописное художество», а четвертое – «изваятельное художество и резное и делание разных моделей». Таким образом, по Регламенту должно было быть создано еще одно дополнительное образовательное учреждение, которое должно было существовать и функционировать в рамках Академии наук.

Обучение в университете Академии началось в 1726 г., однако число студентов было невелико. Для учеников должны были читаться лекции по различным предметам. На деле образовательный процесс не был строго организован, лекции читались нерегулярно и не всегда в рамках нужной тематики. С. В. Рождественский отмечает, что из-за малочисленности студентов «академия иногда спешила прямо отдавать их в обучение тому или другому «художеству» и лишала их, таким образом, возможности пройти правильный курс научного образования»[170]. В разные временные периоды университет вообще прекращал чтение лекций, поскольку не получалось набрать даже минимальное количество студентов. Еще одной проблемой было отвлечение студентов работой самой академии. Многие студенты привлекались к работе в качестве переводчиков, подьячих и иных специалистов, в результате чего на обучение у них практически не оставалось времени.

Ни проект Положения, ни Регламент не определяли какие-либо рамки для поступающих в университет и гимназию студентов. Данная позиция была выбрана с целью привлечения большого числа обучающихся. В Регламенте отдельно отмечалось, что всех стремящихся к обучению следует поощрять, а особо успешных студентов «и паче всех прочих в публичныя достоинства производить»[171]. Примечательно, что для иностранных студентов никаких ограничений также не выставлялось. Регламент устанавливал, что наука не терпит насилия и принуждения, а потому и для русских и для иностранных студентов должна была устанавливаться свобода передвижения. А в случае, если бы они

[170] Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1.С. 166.
[171] Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1885. Т. 1. С. 302.

выбрали науку как свой род деятельности, то их не могли бы принудить к никакой другой службе.

В 1747 г. официально был принят первый Регламент Академии наук. Во многом он не изменял, а дополнял проект Положения, а также оформлял существующую на тот момент практику организации деятельности Академии. Так, например, президент считался руководителем учреждения: «от котораго им указы, именем Ея Императорскаго Величества, даваны быть могут»[172]. Однако Регламент 1747 г. установил правило, согласно которому при отсутствии кандидатуры, назначенной на должность президента, Академия переходит в управление Канцелярией. При отсутствии президента у Канцелярии появлялся широкий круг прав, по которому у нее имелась возможность, начиная с решения кадровый вопросов, увольнения и приема на работу академиков, и заканчивая взаимодействием с другими организациями или государственными органами. Только в одном случае Регламент предусматривал невозможность вмешательства Канцелярии при отсутствии президента. Канцелярия не могла в дела, которые напрямую касались научной деятельности. Такие вопросы должны были разрешаться голосованием в присутствии президента или старшего члена собрания.

Еще одним интересным дополнением в Регламенте была ориентация на русский язык и привлечение русских студентов и специалистов. Так, например, каждый академик должен был иметь при себе помощника, так называемого адъюнкта. Регламент 1747 г. постановил, чтобы по возможности все адъюнкты являлись русскими. В работе университета на это особо обращается внимание: «особливо что за первый случай учреждение академическое не может быть сочинено инако, как из иностранных по большой части людей; а впредь должно оно состоять из природных российских»[173]. Обучение должно было проводиться только на латинском и на русском языках, именно поэтому надлежало принимать в студенты тех, кто уже знал латинский язык. Интересным является положение,

[172] Регламент Императорской Академии Наук и Художеств в Санктпетербурге» от 24 июля 1747 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9425.
[173] Там же.

по которому устанавливался запрет на переманивание в иную веру: «обязываться должны, чтоб им ни учением, ни советом о законе, противном православному греческому исповеданию, не внушать ничего учащимся»[174]. Для этого в университете было обязательно присутствие духовника, который каждую субботу должен был преподавать основы православного вероучения, а также следить за порядком в учреждении.

В отличие от предыдущих документов в Регламенте 1747 г. ограничивается круг лиц, которые могли поступать на обучение в гимназию и университет. Так, согласно документу в университет разрешалось принимать «из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушной оклад»[175]. Тех же, кто на момент принятия Регламента уже находились на обучении в университете, можно было удерживать в службе при Академии. На содержание в университет можно было принимать дворянских детей только из обедневших семей. Тех, кто обучался на деньги Академии, также можно было удерживать на службе.

Нужно отметить, что Регламент 1747 г. более подробно регламентировал организационные вопросы функционирования Академии наук. В нем существовали отдельные положения, касающиеся работы и финансирования канцелярии, библиотеки и кунсткамеры. Определялась деятельность типографий, по Регламенту их должно было быть две – одна для печати на иностранных языках, а другая для печати на русском. Отдельное положение уделялось работе книжной лавки, которая также существовала при Академии. В целом Регламент по большей части просто фиксировал основные положения, уже существующие на практике.

С момента учреждения и до начала второй половины XVIII в. Академию наук можно характеризовать по двум критериям – ведение научной и образовательной деятельности. В сфере научного развития можно утверждать, что Академия сильно преуспела. Приглашенные иностранные специалисты вели активную научную деятельность, издавались различные научные труды,

[174] Регламент Императорской Академии Наук и Художеств в Санктпетербурге» от 24 июля 1747 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9425.
[175] Там же.

организовывались экспедиции, благодаря чему развивались такие науки как география, биология и даже история. Вместе с этим работа университета и гимназии оставляла желать лучшего. Все внимание, как академиков, так и самих студентов, было направленно на развитие наук и поддержание функционирования самой Академии. К тому же зачастую не получалось набрать достаточное число студентов, готовых посвящать себя изучению наук. В связи с этим в Академии не получалось выстроить нормальный образовательный процесс.

В сфере регулирования духовного образования во второй четверти XVIII в. продолжалась развиваться сословная зависимость детей от профессиональной деятельности родителей. В 1730 г. был издан манифест, который предписывал учредить училища в соответствии с Духовным регламентом. Синод назначался ответственным за устройство и организацию данного процесса: «всеми потребными удовольствовать и смотреть, чтобы в училищах доброе смотрение и порядок был»[176]. После этого с определенной периодичностью издавались указы и постановления Синода и Сената о необходимости обучения детей священнослужителей только в духовных школах. Так, в 1731 г. Синод распорядился, чтобы детей духовенства отдавали на обучение в Славяно-греко-латинскую академию и другие духовные школы. Устанавливался запрет на какую-либо службу кроме церковной: «отныне впредь тех священнических, дьяконских и причетнических детей в коллегии и канцелярии в подьячие и в другие светские чины принимать было запрещено»[177]. Несколько позже в том же году было издано еще одно указание о необходимости отправки детей священнослужителей в духовные школы. Новое постановление Синода дало только два варианта для дальнейшей службы: «о не принимании вышеобъявленных священно и церковнослужительских детей в подьячие и ни в какие чины, кроме солдатства, и

[176] Манифест «О наблюдении Синоду, чтоб православные Христиане сохраняли закон Божий и церковныя предании, о возобновлении храмов и странноприимных домов, об учреждении духовных училищ, об исправлении установленных церковных треб, церемоний, крестных ходов и благодарственных молебствий» от 17 марта 1730 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5518.

[177] Постановление «О воспрещении священникам, дьяконам и причетникам отдавать детей своих в коллегии и канцелярии в подьячие и в другие светские чины, и о вменении духовенству в обязанность отдавать детей своих для обучения в московскую академию и в другия учебныя учреждения» от 13 сентября 1731 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1890. Т. VII. № 2488.

о отсылке к епархиальным архиереом, а где архиереов нет к духовным правителем, для отпередения в школы»[178]. Частота издания таких постановлений и распоряжений связана была с нежеланием детей обучаться в духовных школах.

Некоторые изменения во второй четверти XVIII в. произошли в вопросе организации обучения. Именно в это время получают развитие духовные семинарии. Для организации новых учебных учреждений были реорганизованы некоторые архиерейские школы. К 1740 г. было организовано уже 17 семинарий. Одновременно с этим издавались указы, обязывающие отправлять детей духовенства в такие учреждения. Так, в 1738 г. был издан указ, по которому было необходимо учредить семинарию в Троице–Сергиевском монастыре. Там же определялось положение о наборе учеников: «и набрать учеников в ту Семинарию до 200 человек, выбирая способнейших к наукам из священнических и прочих церковниковых и тутошних монастырских слуг и детей»[179]. Поступающих в семинарию детей следовало брать в возрасте от 10 до 15 лет. К моменту поступления они должны были быть уже обучены чтению и письму, а также иметь хорошую репутацию.

В 1737 г. был издан указ, по которому обучение духовенства должно было вестись на русском языке: «и тех малолетных для определения впредь к церквам надлежит обучать на Руссийском языке грамоте»[180]. В то время обучение как правило велось на латинском языке. Однако И. К. Смолич отмечает, что «в Харьковской коллегии уже в 30–х гг. преподавание некоторых дисциплин строилось по этому принципу»[181]. В 1731 г. Харьковскому монастырю была

---

[178] Постановление «О сообщении в Правительствующий Сенат ведения, а в епархии и в училищные монастыри подтвердительных указов Святейшаго Синода, чтоб священно и церковнослужительских детей в подьячие отнюдь не отдавать, а отсылать их в греческия и латинския школы для учения, в надежде священства» от 17 ноября 1731 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1890. Т. VII. № 2627.

[179] Именной указ, данный Синоду, «О сочинении инструкции для управления Троицкаго Сергиева монастыря» от 21 сентября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7660.

[180] Именной указ «Об окончании переписи Синодальным, Архиерейским, Боярским, монастырским, священническим и церковнопричетническим детям и разночинцам, неположенным в подушный оклад, также из оставшихся за определением в службу; об учреждении школ во всех Епархиях и о неопределении впредь в Духовенство неученых людей» от 7 сентября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7364.

[181] Смолич И. К. История русской церкви, 1700-1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря, 1996. Ч. 1. С. 393-398.

выдана жалованная грамота: «и чтоб на подкрепление тех школ и свободнаго в них учения, дабы и впредь было от его сукцессоров содержаны не нарушимо»[182]. В грамоте указывалось на то, что на обучение могли приниматься дети из любого народа и любого звания. Обучать в таких школах должны были поэзии, риторике, философии, богословию, славяно-греческим и латинским языкам. Именно в этом документе обозначается необходимость преподавания на русском языке.

В 1740 г. была издана резолюция Кабинета министров на доклад Священного Синода. Согласно резолюции, церковное образование должно было стать обязательным для возможности занятия церковной должности. Доклад отмечал практику, по которой дети священнослужителей откупались от военной службы и получали духовный чин. Но не все, получавшие духовные чины, были достаточно образованы для этого. В докладе предлагалось экзаменовать служащих в церкви для проверки их компетентности: «чему кто обучились, освидетельствовать, и кто из них отчасти науки приняли, таких определять по достоинствам в духовные чины, а кто все то время праздно препроводили без науки, таких тогда писать в солдаты без всякаго зачета»[183]. Резолюцией было принято данное предложение.

По сравнению с петровским периодом вторая четверть XVIII в. не ознаменовалась большими переменами. В основном государство продолжило реализовывать политику обособления духовного сословия. Вместе с этим архиерейские школы и семинарии не могли собрать большого числа учеников, хотя на некоторых отдаленных территориях они оставались практические единственными образовательными учреждениями. Даже Славяно-греко-латинская академия, которая играла наиболее значимую роль в сфере духовного образования, не могла похвастаться значительными результатами. Для привлечения большего количества учеников издавались указы о переходе

---

[182] Жалованная грамота Харьковскому Покровскому монастырю и при оном находящимся Славено-Греко-Латинским школам от 16 марта 1731 г // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5716.

[183] Резолюция Кабинет-Министров на доклад Синода «Об увольнении священно- и церковнослужительских детей, освобожденных из военной службы, от учения высших наук и об определении их в священнослужители и причетники» от 9 августа 1740 г // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XI. № 8199.

преподавания с латинского на русский язык, однако и это не привело к серьезным изменениям.

Церковная литература и книжное дело в данной сфере также не получили большого развития. Но можно выделить некоторые интересные моменты. В 1735 г. был издан Указ о снабжении книгами построенную в Китае церковь. Для этого указывалось на необходимость организации логистики: «от Санкт-петербурга до Москвы вышеписанному Архимандриту Трусову дать из Ямской Канцелярии ямские подводы, а на них прогонныя деньги выдать из Штатс-Конторы, а от Москвы до Китайской границы ему и под книги»[184]. Помимо книг в церковь должны были быть отправлены и другие вещи, например, воск, ладан, церковные вино и просфоры. Все это должно было служить не только осуществлению работы церкви, но и распространению православной веры в Китае.

Периодически также отмечался интерес Святейшего Синода к работе и содержанию библиотек. В 1735 г. в постановлении Синод распорядился назначить на должность архимандрита иеромонаха Луку Конашевича. В том же постановлении ему предписывалось провести ревизию Синодальной и Типографской библиотек. В случае необходимости реставрации или иной деятельности по восстановлению или приобретению книг определялось «устроить общим согласием в Синодальной с казначеем и ризничим, а в типографской с директором»[185]. Книги в нескольких экземплярах на греческом, латинском и других иностранных языках следовало продать на публичных торгах, оставив по одному лучшему экземпляру в библиотеках.

Нужно отметить, что изначально после смерти Петра I была осуществлена попытка вернуться к допетровскому периоду, когда книжную основу составляла церковная литература. Указом от 1727 г. были упразднены Петербургская и

---

[184] Сенатский указ «О даче из Иркутской Провинции денег и товаров на украшение церкви, на церковныя потребы для Миссии, находящейся в Пекине, также на жалованье крестящимся Китайцам, на покупку им крестов и образов, и о даче жалованья, прогонов, подвод и судов духовным особам сей Миссии» от 13 января 1735 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IX. № 6666.

[185] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Санктпетербург: Синодальная типография, 1907. Т. 15. Стб. 487.

Александро-Невская типографии. Все оборудование должно было быть перевезено в Москву, где постановлялось «печатать только одни церковные книги, как издревле бывало»[186]. Светскую литературу разрешалось печатать в двух местах – в Сенате и Академии наук. В Сенате должны были печататься указы и другие нормативные документы. В Академии наук могли печататься исторические книги на русском языке, печать разрешалась только в том случае, если книга было одобрена Священным Синодом.

Синод осуществлял основную цензуру печатаемых книг. Конечно, основное внимание уделялось духовным книгам, Синод ревностно следил, чтобы напечатанные книги по содержанию не противоречили утвержденным церковью вероучениям. В некоторых случая Синод особое внимание уделял не столько печатным изданиям, сколько самим типографиям. Так, например, под особым надзором находилась Черниговская типография. В 1724 г. после конфликта со Святейшим Синодом Черниговской типографии было запрещено издавать книги, но через год типографии все же удалось получить разрешение на возобновление деятельности. Однако теперь издание и продажа книг разрешались только после проверки изданий Синодом: «присылать в Святейший Синод по две книги, которыя по усмотрению и в продаже позволятся от Святейшаго Синода собственными указами»[187].

Светская литература тоже подвергалась контролю со стороны Синода, хоть и в меньшей степени. Изначально при Екатерине I издание светских книг можно было осуществлять только после одобрения императрицы. После цензурный контроль был передан Святейшему Синоду. Такой надзор вызывал затруднения в основном для деятельности Академии наук. К 1728 г. Академия смогла получить некоторую свободу. Основной контроль над печатающимися материалами стал

---

[186] Именной указ, объявленный из Верховнаго Тайнаго Савета Сенату, «О бытии в Санктперербурге типографиям только при Сенате и при Академии, о переводе в Москву для печатания церковных книг типографий, находившихся при Сенате и при Александровском монастыре» от 4 октября 1727 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 5175.

[187] Постановление «О разрешении печатать в Черниговской типографии церковныя книги, но с тем чтоб, по отпечатании, до выпуска в продажу, представлять по два экземпляра каждой книги в Святейший Синод для просмотра» от 11 августа 1725 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1881. Т. V. № 1633.

осуществлять президент Академии. Это касалось в основном научных работ, которые не могли ставиться по сомнение, например, книги по грамматике. В иных случаях литература все же направлялась на согласование в Синод.

Нужно отметить, что типография Академии наук смогла заменить собой упраздненные типографии. Активная научная деятельность членов Академии смогла продвинуть развитие книжного дела и разнообразить светскую литературу в России. В типографии издавались различные учебные пособия, научные труды по самым разным тематикам. Например, огромный вклад в науку внес Леонард Эйлер. Под его авторством были изданы многочисленные научные труды по математике, физике, астрономии и ряду других наук. Также в Академии осуществлялись переводы иностранной литературы, к которой относились как научные работы, так и художественные произведения. Печатались также книги и на иностранных языках и даже для иностранных государств. В частности, в 1740 г. была издана резолюция, по которой типографии Академии наук разрешалось печатать книги на грузинском языке. Резолюция определяла список книг, которые могли печататься, все они относились к церковной литературе: «чтобы оныя книги напечатаны были в разуме и силе не инако как, но согласовано во всем противо экземпляровать Российских, принятых в Церкви Православно-Восточнаго исповедания»[188]. Для возможности контроля за такой деятельностью и дальнейшего развития книгопечатания специально предусматривалось, чтобы в Синоде состояли люди, которые бы знали грузинский и калмыцкий языки.

Несколько отдельно стояла Сенатская типография, основное направление которой была печать указов и иных нормативных документов. Печать происходила на постоянной основе и в больших количествах. Отмечалась трудоемкость и затратность такой работы, поскольку зачастую документы нужно было печатать в очень больших количествах или же сами документы имели большой объем. Указом от 1737 г. устанавливалась плата за печать в Сенатской

[188] Резолюция Кабинет-Министров на сообщение Синода «О напечатании церковных книг на Грузинском языке, и о содержании при Синоде людей, знающих Грузинский и Калмыцкий языки» от 23 октября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7411.

типографии нормативных документов: «присылать при ведениях, сколько будет надобно, в Сенат, с белою бумагою, и платить деньги за каждый целый кругом лист по 2 копейки»[189]. В следующем году была издана резолюция, по которой Сенатской типографии было поручено переиздание указов предыдущих лет. Интересно то, что уже в ней отмечалось, что «при Сенате имеется Типография с ее служителями, на содержание собираемой в той же Типографии суммы, которая временем бывает праздна»[190]. Именно поэтому указывалось, что печать указов должна была осуществляться за счет денег, собранных при печати прошлых документов.

Газета «Ведомости» некоторое время после смерти Петра I продолжала работать без изменений. Однако в 1728 г. она полностью перешла в ведение Академии наук. В силу того, что большинство академиков являлись иностранцами, в первую очередь печать осуществлялась на иностранном, а именно немецком языке. Русский вариант газеты являлся ее переводом. В 1730 г. газета стала называться «Санктпетербургские ведомости». Нужно отметить, что основною тематику газета не поменяла. В ней все так же продолжали издаваться значимые события как из-за границы, так и внутри страны. В газете печатались различные государственные распоряжения и постановления, объявления о мероприятиях, светских и научных, экономические новости. В меньшей степени стали печататься военные известия, хотя только при создании газеты такой теме уделялось большое внимание. Примечательно, что в послепетровский период в сфере книгопечатания вообще отмечается отход от военной тематики. С. П. Луппов отмечает, что «если не считать переиздания военного устава, то все другие издания на эти темы насчитывались буквально единицами»[191].

Правовое регулирование в вопросе книготорговли не особо изменился в послепетровское время. Скорее изменили ее масштабы. Академия наук во многом

---

[189] Сенатский указ «О печатании в Сенатской типографии, по требованию Присутственных мест, публичных указов, форм книгам, ведомостям и рапортам, с платежем за каждый печатный лист по 2 копейки» от 18 ноября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7444.

[190] Резолюция Кабинет-Министров в Сенатской Типографии указов с 1723 года, и о содержании оной из денег, выручаемых продажею тех указов от 11 марта 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7534.

[191] Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л.: Наука, 1976. С. 65.

способствовала не только развитию книгоиздательства, но и распространению литературы среди населения. При Академии была открыта Книжная палата, в которой продавалась различная литература. Примечательно, что Академия осуществляла продажу книг как в России, так и за рубежом. Вместе с этим она также осуществляла закупку иностранной литературы для обогащения собственной библиотеки. Реализовывала она продажу своих книг и через частных продавцов, хотя это и не приносило особо большой прибыли.

В начале второй четверти XVIII в. покупка книг все еще не была сильно развита и во много не приносила много прибыли. В 1742 г. даже поступило предложение из Академии наук, чтобы различные категории населения, например, чиновников, обязывали покупать те или иные книги. Конечно, предложение принято не было. Вместе с этим медленные и небольшие объемы в продаже книг хоть и являлись проблемой, но все еще они способствовали развитию сферы книжной торговли. Постепенно начала появляться реклама книг, предлагалось осуществление доставки иностранной литературы из-за рубежа. В 1741 г. Синод составил инструкции для ведения торговли в книжной лавке при Московской Синодальной типографии. Так, было необходимо иметь каталог, в котором в алфавитном порядке перечислялись бы все книги, а также указывались цены за них. Устанавливалось расписание для работников: «продавцам быть в лавке неотлучно с 8 час. утра до 7 час. вечера»[192]. При слишком больших объемах нераспроданных книг иногда принимались решения либо о продаже книг со скидками, либо об их продаже в качестве бумажной макулатуры.

Таким образом, во второй четверти XVIII в. продолжили сохраняться идеи обязательности получения образования, однако по сравнению с первой четвертью они приобрели несколько иные черты. Для более богатого класса стали определяться привилегии в вопросе организации получения образования. Если во времена правления Петра I основной упор делался на школы, как на обязательный и основной этап обучения, то после его смерти домашнее обучение вновь стало

[192] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Санктпетербург: Синодальная типография, 1908. Т. 20. Стб. 36.

возможным вариантом. Разрешение домашнего обучения отодвигало назад только начавшую при Петре I свое формирование систему государственного образования.

В вопросе развития самих учебных заведений также произошли некоторые изменения. Для учебных заведений петровской эпохи характерны по большей части узкоспециализированные направления обучения. Морская Академия должна была подготавливать специалистов для флота, Инженерная и Артиллерийская школы готовили специалистов в своих областях. Во второй четверти XVIII в. начинают появляться разнопрофильные учебные заведения. Акцент делается уже на то, к какому виду деятельности расположен ученик – военной или гражданской. Учитывается и расположенность к определенным наукам. Военному образованию так же продолжает уделяться особое внимание, гарнизонные школы были специально созданы для подготовки солдат и комплектации армии. Сословная зависимость в вопросе выбора направления в образовании, которая начала развиваться при Петре I для различных групп населения, распространилась и для данных школ. Духовное образование так же продолжило развиваться в направлении, выбранном Петром I. Солдатская служба или обучение в духовных школах не оставляли никакой альтернативы для детей священнослужителей. Вместе с этим устанавливали строгие правила для самих священнослужителей, которые для осуществления их деятельности должны были доказывать свою квалификацию и знания.

Наиболее ярким продолжением реформ Петра I в вопросе регулирования образовательной деятельности стало учреждение Академии наук. Составленный при жизни императора проект Положения получил свое развитие уже во второй четверти XVIII в. И хотя сам Проект предусматривал разделение на два учреждения – Академии и Университета, лучшую реализацию получила Академия. Большой приток иностранных ученых и специалистов, а также активная деятельность Академии в книжном деле позволили сильно продвинуть и развить научную деятельность в стране. Нужно отметить, что, хотя реализация самой образовательной деятельности в Академии не была осуществлена на

достойном уровне, тем не менее, данное учреждение позволило собрать в себе научное сообщество, которое оказало влияние на дальнейшее развитие образовательной деятельности в стране. Академия наук также внесла большой вклад в книжное и издательское дело, хотя и не привнеся нововведений в правовое регулирование, она изменила масштабы деятельности. Распространение и увеличение объемов издаваемых книг, положили начало для развития правового регулирования процесса книготорговли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выработка и формирование государственной образовательной политики и развитие правовых основ образовательной деятельности предполагает изучение исторических основ развития и становления законодательного регулирования деятельности образовательных организаций, государственных учреждений, осуществляющих образовательную деятельность или содействующих ей, а также иных направлений деятельности в сфере образования. В первой половине XVIII в. началось зарождение основ правового регулирования образовательной деятельности и государственной системы образования. Формируемая государственная политика определила новое направление развития образования – отход от духовного просвещения и упор на развитие светского образования. Такой вектор развития в будущем привел к становлению современной образовательной системы.

О важности реформирования образовательной системы начали говорить задолго до петровских реформ. К концу XVII в. многими просветителями, учеными и самим государством осознается острая зависимость государства от системы образования. Невозможность совершенствования экономической, военной и других сфер государственной деятельности стала главной причиной переориентации на создание и развития светского образования. Реформы, начатые Петром I, имели большое количество предпосылок. Одной из них является отставание России от развитых европейских стран в области науки и технологий, военного дела, что тормозило экономику и могло угрожать безопасности и территориальной целостности страны. Слабая научно-технологическая развитость государства не давала возможности для освоения перспективных отраслей деятельности, например, кораблестроения и морского дела, предоставлявших возможность для открытия новых торгово-экономических отношений и создания военного морского флота. Отставание от других стран также ставило Россию в невыгодное положение по отношению к ним при возможном возникновении военных конфликтов. Это хорошо видно на примере Азовских походов. При подготовке к Северной войне военная реформа стала особенно актуальной,

образовательная же реформа включила в себя часть военной в вопросе подготовки военных, инженеров, артиллеристов и пр. Эта и другие экономические, административные предпосылки объединяются одной причиной – невозможностью осуществления какой-либо деятельности без реформирования системы образования. Данная причина обусловлена тем, что для любой деятельности, будь то ведение войны или развития торговых отношений, необходимы квалифицированные специалисты. Именно они обеспечивают работу государственного аппарата, предприятия и любого другого учреждения.

Главной сложностью в реализации образовательной реформы стала необходимость в повсеместном распространении светского образования. До реформ Петра I образование в России было преимущественно духовным. Подготовка специалистов гуманитарных, технических и других видов деятельности осуществлялась по решению конкретного учреждения или организации. Мастерские, торговые лавки и другие небольшие предприятия осуществляли даже не обучение, а скорее только практическую подготовку ученика или подмастерье. Естественно ни о какой системе государственно-правового регулирования образовательной деятельности не могло идти речи.

Внутригосударственные преобразования и мировые события обозначили срочность проведения реформ. Именно поэтому доктринальная разработка основ организации образовательной деятельности шла одновременно с развитием законодательной базы. Педагогические и образовательные концепты разрабатывались преимущественно русскими просветителями. Часть таких концепций нашли потом отражение в законах и указах.

Анализ нормативно-правовых актов исследуемого периода показал, что законодательная деятельность в сфере образования не отличалась структурированностью и не была систематизирована. Наиболее разработанным документом стал Духовный регламент, который определял основы образовательной деятельности духовных учебных учреждений. Духовный регламент приобрел особое значение в вопросе регулирования духовных школ, и, что не менее важно, он разработал рабочую программу, определив перечень

обязательных для изучения предметов, и тем самым обозначил стандарты образовательной программы для будущих священнослужителей. Изданные в дальнейшем указы основывались на идеях Духовного регламента и содержали в себе положения, направленные на решение более конкретных вопросов образования духовенства.

Правовое регулирование же светского образования формировалось за счет множества правовых актов, которые по своей сути не формировали единой системы. Как правило, это были указы, издаваемые для решения конкретного вопроса в сфере образовательной деятельности. Особо можно выделить уставы и инструкции отдельных учебных учреждений, таких как Кадетский корпус и Морская академия. Они являлись полноценным нормативным актом, который регулировал образовательную деятельность учебного учреждения, устанавливал права и обязанности учеников, преподавателей и руководителей учреждения, а также определял рабочую программу. В настоящее время такие нормативные акты являются локальными и разрабатываются и принимаются самой организацией. Но в первой половине XVIII в. решение об учреждении образовательной организации и подготовку нормативных актов, регулирующих ее деятельность, принималось самим государством и Петром I в частности. С одной стороны, это показывает то, насколько слабым был уровень развития образовательной сферы в сравнении с нашим временем, с другой – такое внимание четко обозначило заинтересованность государства в создании государственной системы образования.

Отличительной особенностью развития правового регулирования образовательной деятельности стала связь образовательной системы с сословной структурой общества. Причины образовательной реформы обозначили методы ее реализации. Профессиональная обособленность населения стала обозначаться с самого начала проведения реформы. Наиболее ярко она выразилась среди духовенства и в сфере военной службы. Основной причиной стало стремление сформировать своеобразный кадровый резерв, преемственность поколений и тем самым обезопасить наиболее важные государственные сферы в вопросе наличия

специалистов. Обязательность образования как еще одна отличительная особенность регулирования образовательной деятельности должна была способствовать развитию образовательного потенциала в стране, а также выступать гарантом для реализации профессиональной преемственности. На практике она должна была быть реализована через учреждение цифирных школ, средневековым аналогом современной начальной школы. Однако в полной мере эту идею не удалось реализовать по разным причинам. В отношении дворян это стала возможность самих дворян оказывать влияние на политику государства, для посадских людей – невозможность совмещать учебу и выполнять свои профессиональные обязанности, для духовенства – их зависимость от Духовного регламента и формирования своей учебной повинности, обязанности обучения в духовных школах. Учебная повинность стала прообразом современной обязанности получения основного общего образования, которая не смогла быть реализована в полной мере из-за ряда объективных причин.

Само формирование государственного регулирования образовательной деятельности сопровождалось правовой регламентацией сопутствующих, но не менее важных сфер. Так, большую роль в развитии образования и наук в России сыграли приглашенные иностранные специалисты. Такие приглашения практиковались и до начала XVIII в., но именно в период правления Петра I начинается активный процесс привлечения иностранных специалистов. Такая деятельность стала причиной развития правового регулирования данной области. Сначала она несла в себе цель привлечения иностранцев посредством создания более комфортных условий для их пребывания в стране, позже приоритет сместился на интересы государства не на количественный, а на качественный результат. Государство стало интересовать, что именно может предложить стране иностранный специалист и насколько высока его квалификация. Развитие получили также договорные отношения, которые получили популярность в связи с необходимостью регулирования условий труда иностранцев.

Еще одной сопутствующей сферой стало развитие книжного дела. В первой половине XVIII в. оно претерпело сильные изменения. В первую очередь это

относится к созданию гражданского шрифта и переходу на использование арабских цифр. Эта реформа имела значение не только для развития образования, но и для всей культуры России в целом. Использовавшийся до реформы церковнославянский шрифт был сложным для освоения и понимания. Введение гражданского шрифта в значительной степени облегчило процесс изучения письма и чтения, что способствовало более массовому развитию грамотности. Так же новый шрифт позволил упростить печать книг и увеличить их производство, начать выпускать большее количество светской литературы и учебников. Одновременно с созданием гражданского шрифта начинается развитие печатного дела. Для распространения литературы начинают создаваться библиотеки, особенно популярны становятся библиотеки при учебных заведениях. Вся деятельность по развитию книжного дела также сопровождалась ее правовым регулированием. Наибольшее внимание уделялось контролю за качеством и содержанием издаваемых книг. Наибольшей цензуре подвергалась религиозная литература, а также все материалы и тексты, носящие политический характер. Учебники и научные труды обычно проверялись с целью создания более качественного продукта, который мог и должен был быть понятен и полезен читающему.

Развитие государственно-правового регулирования образовательной деятельности в России в первой половине XVIII в. оказало большое влияние на сферу образование и на науку в стране. Оно заложило основы для формирования государственной образовательной системы, которая получила развитие в последующие века. Являясь вспомогательной по отношению к другим реформой, в итоге она показала свою первостепенную значимость. Взаимосвязь образования и других сфер деятельности определяет то, насколько они от нее зависимы. Именно поэтому изучение основ ее формирования является полезным и важным для современной науки.

Перспективными направлениями исследования могут стать:

– изучение правового регулирования по отдельным областям профессиональной деятельности;

– исследование предпосылок для дальнейшего реформирования образовательной деятельности;

– сравнительный анализ правового регулирования образовательной деятельности в России и других странах;

– изучение реализации государственной образовательной политики в разных регионах страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

3. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53. – Ст. 7598 (Часть I).

Нормативные правовые акты, утратившие силу, и официальные документы

5. Высочайше утвержденный доклад «О науках, предназначенных для преподавания в Морской Академии» от 11 января 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3276.

6. Доношение из Канцелярии Святейшего Синода в Кабинет Петра I «О присылке из Домовой ее величества канцелярии мастериц и прях для обучения монахинь прядению, с запросом об их дальнейшем назначении» от 17 июля 1723 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3. – М.: Древлехранилище, 2020. С. 422.

7. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца

Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената в царствующем Санктпетербурге в лето от рождества Христова 1721, сочиненный. М.: Синодальная типография, 1861. С. 198.

8. Жалованная грамота Голландцу, Амстердамскому жителю Ивану Тесенгу «О печатании ему в Голландии земных и морских карт, чертежей, листов, портретов, математических, архитектурных, и всяких по военной части книг на Славянском, Латинском и Голландском языках, вместе и порознь, и о привозе оных на продажу в Россию с платежем пошлины, по осьми денег с рубля» от 10 февраля 1700 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1751.

9. Жалованная грамота Харьковскому Покровскому монастырю и при оном находящимся Славено-Греко-Латинским школам от 16 марта 1731 г // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5716.

10. Именной «О неопределении недорослей всяких чинов служивых людей ни в какую службу без Сенатскаго указа; о явке им в Герольдмейстерскую Контору и к Губернаторам от семи лет возраста своего на первый смотр и о распределении их для обучения; о вторичной явке недорослями по достижении двенадцати лет и об определении их сему смотру в службу и в школы» от 11 декабря 1742 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XI. № 8683.

11. Именной указ «О Всемилостивейшем прощении недорослей за неявку на смотры, помещиков за утайку душ, а былых военнослужащих за побег» от 23 декабря 1747 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9465.

12. Именной указ «О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных» от 21 сентября 1732 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 6188.

13. Именной указ «О печатании газет для извещения оным о заграничных и внутренних произшествиях» от 16 декабря 1702 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1921.

14. Именной указ «О приготовлении переводчиков книг обучением их художествам» от 23 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 4438.

15. Именной указ «О штрафах с Офицеров за побег солдат и о наказании беглецов и их укрывателей, о назначении при полках Коммисаров, о подведомствах фискалов, о воинских расположениях, о Украине, о сборе работников для строения Колине острове, о запрещении последнему в роде отчуждать имение, об учреждении по Губерниям воспитателей, о призрении незаконнорожденных, об определении подъячих в военную службу, о заведении конских заводов, о винном откупе, и о подтверждении Губернаторами, чтоб они без ведома Сената не налагали на народ податей» от 16 января 1712 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 2467 п. 17.

16. Именной указ «О явке недорослям в Санктпетербург к Герольдмейстеру, а в Губерниях к Кубернаторам для освидетельствования их в науках; о назначении им сроков к обучению и об определении их на места, по достижении 20-летнего возраста» от 9 февраля 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7171.

17. Именной указ «Об окончании переписи Синодальным, Архиерейским, Боярским, монастырским, священническим и церковнопричетническим детям и

разночинцам, неположенным в подушный оклад, также из оставшихся за определением в службу; об учреждении школ во всех Епархиях и о неопределении впредь в Духовенство неученых людей» от 7 сентября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7364.

18. Именной указ «Об учении всякого чина детей, кроме Дворян, Арифметики и Геометрии и нечинении им никакого притеснения» от 30 апреля 1720 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3575.

19. Именной указ, данный резиденту Веселовскому, «О приискании из приказных людей, бывших в Цесарской службе и знающих Славянский язык, от всех Коллегий по одному человеку» от 16 декабря 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2967.

20. Именной указ, данный Сенату «Об учреждении Кадетского Корпуса» от 29 июля 1731 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5811.

21. Именной указ, данный Сенату, «О посылке во все Губернии из школ математических, по несколько человек для учения Дворянского чина детей Арифметике и Геометрии. О неделании более медных денег, и о выборе Ландатов в города или Провинции всеми Дворянами» от 20 января 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2762.

22. Именной указ, данный Сенату, «О размещении детей Офицерских, Дворянских и прочих служилых людей, взрослых в армейские гарнизонные полки, по их жалованиям, а малолетних в учрежденныя школы» от 6 мая 1736 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IX. № 6949.

23. Именной указ, данный Синоду, «О сочинении инструкции для управления Троицкаго Сергиева монастыря» от 21 сентября 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7660.

24. Именной указ, объявленный из Верховнаго Тайнаго Савета Сенату, «О бытии в Санктперербурге типографиям только при Сенате и при Академии, о переводе в Москву для печатания церковных книг типографий, находившихся при Сенате и при Александровском монастыре» от 4 октября 1727 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 5175.

25. Именной указ, объявленный из Монастырского Военного приказа, «О обучении поповских и дьяконских и прочих церковнослужительских детей в Греческой и Латинской школах, о непринимании в попы и дьяконы тех, которые учиться не похотят и о неприеме оных ни в какие чины, кроме солдатского звания» от 11 ноября 1710 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 2308.

26. Именной указ, объявленный из Монастырского Военного приказа, «Об определении поповских и дьяконских детей в Греческие и Латинские школы, о непосвящении в попы и дьяконы тех, которые учиться в оных школах не пожелают и о непринимании их ни в какие чины, кроме воинской службы» от 15 января 1708 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 2186.

27. Именной указ, объявленный из Сената, «О обучении Дворян приказного чина, Дьячих и подьячих детей Арифмерике и Геометрии, о посылке для того в Губернии учеников из Математических школ и об учреждении училищ при Архиерейских домах и монастырях» от 29 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2778.

28. Именной указ, объявленный из Сената, «Об учреждении Академии и назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга» с приложением проекта об учреждении Академии от 28 января 1724 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VII. № 4443.

29. Именной указ, объявленный из Сената, «Об учреждении в городах аптек под присмотром Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором помянутой Коллегии госпиталями» от 14 августа 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3811.

30. Именной, данный Сенату, «Об обозных лошадях в армейских полках и о посылке в Кенигсберг молодых подьячих, для научения Немецкому языку» от 25 января 1716 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2986.

31. Именной, объявленный из Военной Коллегии «О учреждении в Санктпетербурге Инженерной роты» от 17 марта 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3330.

32. Инструкция или наказ Земским Комиссарам в Губерниях и Провинциях от января 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3295.

33. Инструкция Морской Академии в Санкт-Петербурге от 1 октября 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2937.

34. Манифест «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания» от 16 апреля 1702 г. // Полное собрание законов Российской

империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. № 1910.

35. Манифест «О наблюдении Синоду, чтоб православные Христиане сохраняли закон Божий и церковныя предании, о возобновлении храмов и странноприимных домов, об учреждении духовных училищ, об исправлении установленных церковных треб, церемоний, крестных ходов и благодарственных молебствий» от 17 марта 1730 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5518.

36. Послание Новгородского Архиепископа Геннадия Митрополиту Симону, о подьяческом ставлении и необходимости устроить училища для ставленников // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. 1334-1598. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. С. 551.

37. Послание Святейшего Синода к православным «О беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами» от 18 августа 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3814.

38. Постановление «О воспрещении священникам, дьяконам и причетникам отдавать детей своих в коллегии и канцелярии в подьячие и в другие светские чины, и о вменении духовенству в обязанность отдавать детей своих для обучения в московскую академию и в другия учебныя учреждения» от 13 сентября 1731 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1890. Т. VII. № 2488.

39. Постановление «О разрешении печатать в Черниговской типографии церковныя книги, но с тем чтоб, по отпечатании, до выпуска в продажу, представлять по два экземпляра каждой книги в Святейший Синод для просмотра» от 11 августа 1725 г. // Полное собрание постановлений и

распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1881. Т. V. № 1633.

40. Постановление «О сообщении в Правительствующий Сенат ведения, а в епархии и в училищные монастыри подтвердительных указов Святейшаго Синода, чтоб священно и церковнослужительских детей в подьячие отнюдь не отдавать, а отсылать их в греческия и латинския школы для учения, в надежде священства» от 17 ноября 1731 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1890. Т. VII. № 2627.

41. Протокол Верховного тайного совета // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 56. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. С. 673.

42. Регламент или Устав Главного Магистрата от 10 января 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3708.

43. Регламент Императорской Академии Наук и Художеств в Санктпетербурге» от 24 июля 1747 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9425.

44. Регламент о управлении адмиралтеиства и верфи и о должностях колегии Адмиралтеискои, и протчих всех чинов при адмиралтеистве обретающихся. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1722. С. 171.

45. Резолюция Кабинет-Министров в Сенатской Типографии указов с 1723 года, и о содержании оной из денег, выручаемых продажею тех указов от 11 марта 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7534.

46. Резолюция Кабинет-Министров на доклад Кадетскаго Корпуса «О взятии, при приеме в Корпус детей Грузинских Дворян, у родителей их обязательств, что те дети их останутся в России вечно» от 17 апреля 1738 г. //

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7560.

47. Резолюция Кабинет-Министров на доклад Кадетскаго Корпуса «О запрещении принимать в Кадетский Корпус детей иноземцев, небывших в Российской службе, и помещать сверх комплекта» от 31 марта 1739 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7787.

48. Резолюция Кабинет-Министров на доклад Синода «Об увольнении священно- и церковнослужительских детей, освобожденных из военной службы, от учения высших наук и об определении их в священнослужители и причетники» от 9 августа 1740 г // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XI. № 8199.

49. Резолюция Кабинет-Министров на сообщение Синода «О напечатании церковных книг на Грузинском языке, и о содержании при Синоде людей, знающих Грузинский и Калмыцкий языки» от 23 октября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7411.

50. Сенатский указ «О даче из Иркутской Провинции денег и товаров на украшение церкви, на церковныя потребы для Миссии, находящейся в Пекине, также на жалованье крестящимся Китайцам, на покупку им крестов и образов, и о даче жалованья, прогонов, подвод и судов духовным особам сей Миссии» от 13 января 1735 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IX. № 6666.

51. Сенатский указ «О наборе в Инженерную школу учеников» от 10 ноября 1713 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 2739.

52. Сенатский указ «О печатании в Сенатской типографии, по требованию Присутственных мест, публичных указов, форм книгам, ведомостям и рапортам, с платежем за каждый печатный лист по 2 копейки» от 18 ноября 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. X. № 7444.

53. Сенатский указ «О соединении в Губерниях и Провинциях арифметических и гарнизонных школ в одно место; о обучении в них всякаго чина людей на своем иждивении; о бытии тем школам в ведомстве Комендантов; о присылке об оных рапортов, и о жаловании учителей» от 26 октября 1744 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. № 9054.

54. Сенатский указ «Об учении поповских и церковно-причетнических детей в Архиерейских школах» от 8 октября 1722 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 4105.

55. Сенатский указ, данный Боярину Салтыкову, «О высылке детей разного сословия, кроме Дворянских, для учения в школы» от 6 ноября 1719 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. V. № 3147.

56. Синодский указ «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ» от 20 марта 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. № 3765.

57. Стоглав. Казань: Тип. губернского правления, 1862. С. 454.

58. Указ «О ведении типографий в Св. Синод; об именовании Киево-Печерскаго и Черниговскаго монастырей ставропигиальными не Константинопольскаго патриарха, а Св. Синода, и о непечатании книг без позволения Св. Синода» от 22 февраля 1721 г. // Полное собрание постановлений

и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1869. Т. I. № 7.

59. Указ «О доставлении в Св. Синод из Московской Синодальной Типографии, по экземпляру, каждой вновь печатающейся в ней гражданской книги, для препровождения в Сенат» от 28 февраля 1723 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1875. Т. III. № 1013.

60. Указ «О немедленном представлении из синодальной типографии в Св. Синод печатаемых в оной указов, состоявшихся в Сенате и в Коллегиях» от 6 апреля 1724 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1872. Т. II. № 521.

61. Указ «О переводе из немецких экономических книг только существа дела, без излишне помещаемых в них разсуждений» от 16 сентября 1724 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1876. Т. IV. № 1368.

62. Указ «Об обучении в школах священнических и причетнических детей» от 2 сентября 1723 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.: Синодальная тип., 1875. Т. III. № 1098.

63. Указ Петра I русским молодым людям, посланным в Англию для изучения наук и художеств и о возвращении их в Россию без боязни от 10 июня 1723 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3. — М.: Древлехранилище, 2020. С. 848.

64. Указ Петра I Святейшему Синоду «О ненужности приведения турецких слов в книге о магометанской вере и о публиковании Духовного регламента» от 18 октября 1722 г. // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сб. док. в 3 т. Т. 2-3. — М.: Древлехранилище, 2020. С. 848.

65. Устав Воинский. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1719. С. 241.

66. Устав Кадетского Корпуса от 18 ноября 1731 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 5881.

67. Устав Морской. СПб.: В Санктъпитербургскои тип., 1720. С. 455.

68. Штат Кадерскаго Корпуса, состоявшийся по Высочайше утвержденному докладу Генерала-Фельдмаршала Графа Миниха от 12 мая 1732 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VIII. № 6050.

Архивные материалы и сборники документов

69. Ведомости времени Петра Великого: в память 200-летия первой русской газеты / ред. Валерий Погорелов. – М.: Синодальная типография, 1903. Вып. 1. С. 2.

70. Законодательство Петра I. 1696-1725 годы: сборник документов / сост. авт. предисл. и вст. статьи В. А. Томсинов. – М.: Зерцало-М, 2017. С. 528.

71. Ласковский Ф. Ф. Материалы к истории инженерного искусства в России. В 3 частях. Ч. 2. Опыт исследования инженернаго искусства в царствование императора Петра Великаго / Ф. Ф. Ласковский. Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии наук, 1861. С. 642.

72. Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М.: «Древлехранилище», 2006. С. 568.

73. Материалы для истории Императорской академии наук. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1885. Т. 1. С. 732.

74. Материалы для истории русского флота. В 17 частях. Ч. 3. Балтийский флот. 1702–1725 / редактор С. И. Елагин. Санкт-Петербург: Тип. Морского Министерства, 1866. С. 726.

75. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Санктпетербург: Синодальная типография, 1907. Т. 15. Стб. 1200.

76. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Санктпетербург: Синодальная типография, 1908. Т. 20. Стб. 1216.

77. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948. Т. 8 Вып. 1. С. 410.

78. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. Т. 9 Вып. 1. С. 538.

79. Российский государственный архив древних актов. Фонд 1182, опись 3, № 229.

Справочные материалы

80. Асейнов Р. М. Нантский эдикт 1598 // Большая российская энциклопедия. Том 22. Москва, 2013, С. 766.

81. Бусева-Давыдова И. Л. Алевиз Фрязин // Большая российская энциклопедия. Том 1. Москва, 2005, С. 767.

82. Гуськов А. Г. Великое Посольство 1697-98 // Большая российская энциклопедия. Том 5. Москва, 2006, С. 782.

83. Козлова Н. В. Посошков Иван Тихонович // Большая российская энциклопедия. Том 27. Москва, 2015, С. 766.

84. Леонов В. П. Библиотека Российской Академии наук // Большая российская энциклопедия. Т. 3. Москва, 2005, С. 766.

85. Солари Пьетро Антонио // Большая российская энциклопедия. Том 30. Москва, 2015, С. 766.

86. Шульгина Д. П. Фиораванти Фьораванти Аристотель // Большая российская энциклопедия. Том 33. Москва, 2017, С. 798.

Монографии и книги

87. Аделунг Ф. П. Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1827. С. 374.

88. Алелеков А. Н. История Московского военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею 1707-1907 гг. М.: Тип. Штаба Воен. окр., 1907. С. 719.

89. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М.: Педагогика, 1985. С. 363.

90. Архангельский А. С. Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. С. 212.

91. Белокуров С. А., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.: (1701 – 1715 гг.): документы московских архивов. М.: издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1907. С. 244.

92. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. С. 646.

93. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. С. 590.

94. Вебер Ф. Записки Брауншвейгского резидента Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях / Ф. Вебер // Русский архив. 1872. № 7, 8. С. 390.

95. Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. Ч. II. С. 366.

96. Владимирский-Буданов М. Ф. Государство и народное образование в России XVIII-го века. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1874. С. 325.

97. Гаврилов А. В. Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. СПб.: Синод. тип., 1911. Вып. 1. С. 516.

98. Герье В. И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. С. 807.

99. Голиков И. И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России; Собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. Ч. 5. С. 418.

100. Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900. С. 589.

101. Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М.: Изд. АМН СССР, 1953. С. 284.

102. Днепров Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М.: Педагогика, 1989. С. 480.

103. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М.: Гослитиздат, 1960. С. 480.

104. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М.: Моск. гор. тип., 1884. Ч. 1. Стб. 1384.

105. Змеев Л. Ф. Чтения по врачебной истории России. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. С. 252.

106. Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого / ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича. – М.: Ломоносовъ, 2019. С. 800.

107. История Московской славяно-греко-латинской академии / соч. бакалавра Московской духовной акад. Сергея Смирнова. – М.: в Тип. В. Готье, 1855. — 428, II. С. 428.

108. Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии: [Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной Академии 1 октября 1880 года экстраординарным профессором Н. Каптеревым] // Прибавления к Творениям св. Отцов 1889. Ч. 44. Кн. 4.С. 1191.

109. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Ч. 4. С. 398.

110. Ключевский В. О. Очерки и речи: Второй сб. ст. В. Ключевского. М: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. С. 514.

111. Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 211.

112. Либрович С. Ф. История книги в России: со снимками с древних рукописей, образцами первопечатных книг и позднейших редких изданий, портретами, копиями картин, гравюр и пр. и пр. Ч. 2: С начала XVIII столетия и до конца царствования императора Павла I. СПб., М.: Т-во М. О. Вольф, 1914. С. 234.

113. Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения в 3-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. С. 668.

114. Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука, 1970. С. 224.

115. Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. С. 372.

116. Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740. Л.: Наука, 1976. С. 381.

117. Мельницкий Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России, СПб.: тип. Глав. Штаба Е.И.В. по Военно-учебным заведениям, 1857. Т. 1. Ч. 1. С. 146.

118. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2: Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. С. 365.

119. Мирский М. Б. Очерки истории медицины в России в XVI-XVIII вв. Владикавказ: Реклам.-изд. агентство Госкомиздата РСО-А, 1995. С. 170.

120. Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959. С. 272.

121. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1. С. 578.

122. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд. Акад. наук СССР, 1951. С. 409.

123. Посошков И. Т. Завещание отеческое к сыну. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1873. С. 247.

124. Прокопович Ф. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. Г. А. Стратановского; отв. ред. С. И. Николаев; подгот. текста Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева; коммент. Е. В. Маркасовой; науч. ред. пер. Е. В. Введенская – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 488.

125. Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб.: Тип. Академии наук, 1890. С. 36.

126. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1.С. 680.

127. Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М.: Машгиз, 1962. С. 288.

128. Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. В 4 томах. Ч. 1 / А. И. Савельев. Санкт-Петербург: Тип. Р. Голике, 1879. С. 322.

129. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / подгот. В. К. Былинин, В. П. Гребенюк, О. А. Державина и др.; под ред. А. Н. Робинсона. – М.: Наука, 1982. С. 352.

130. Смолич И. К. История русской церкви, 1700-1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиального монастыря, 1996. Ч. 1. С. 798.

131. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб.: Тип. Товарищество «Общественная польза», 1851-1879. Кн. 3. Т. 11-15. Стб. 1580.

132. Татищев В. Н. Духовная моему сыну // Тексты Духовной и Увещания. Содержание Разговора о пользе наук и др. сочинений. Объяснительные статьи – СПб.: Тип. И. Глазунова, 1896. С. 84.

133. Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ // Татищев В. Н. Избранные произведения – Л.: «Наука», 1979. С. 464.

134. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII-XX веков: очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Том 1. – 2-е изд. доп. – М.: Зерцало-М, 2015. С. 468.

135. Хотеев П. И. Английская книга в России в первой половине XVIII в. – Санкт-Петербург: БАН, 2022. С. 386.

136. Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. СПб.: Тип. Якова Трея, 1883. С. 1040.

137. Шабаева М. Ф. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. - первая половина XIX в. М.: Педагогика, 1973. С. 605.

138. Шипилов А. В. Россия первой половины XVIII века: государство, общество, культура: монография / А. В. Шипилов. – В 2 т. Т. I. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2010. – С. 436.

139. Шипилов А. В. Россия первой половины XVIII века: государство, общество, культура: монография / А. В. Шипилов. – В 2 т. Т. II. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2010. – С. 226.

140. Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М.: Воениздат, 1958. С. 843.

Статьи в научных журналах и сборниках

141. Акишин М. О. Генрих фон Гюйссен: немецкий юрист на службе Петра Великого / М. О. Акишин // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов Всероссийской заочной научной конференции, Екатеринбург, 19 февраля 2022 года / Глав. редактор А. С. Смыкалин. Том Выпуск 12. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2021. – С. 212-233.

142. Акишин М. О. Правовое положение иностранных специалистов горного дела в годы реформ Петра I / М. О. Акишин // Этнические меньшинства в истории России: Материалы IV Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27–28 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. – С. 116-122.

143. Волкова Н. С. Правовое регулирование отношений в сфере воспитания в системе образования Российской империи / Н. С. Волкова, Д. А. Пашенцев // Образование и право. – 2024. – № 3. – С. 168-178.

144. Гончаров М. А. Православно-педагогические идеи в образовании и воспитании в России накануне XVIII века (по материалам устного творчества и древнерусских произведений) / М. А. Гончаров // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2016. – № 2(41). – С. 63-75.

145. Грицай Л. А. Полемика "грекофилов" и "латинофилов" о сути воспитания детей в семье во второй половине XVII века / Л. А. Грицай // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2022. – № 2(42). – С. 237-251.

146. Грохольская О. Г. Научно-педагогическое наследие и просветительский опыт Симеона Полоцкого / О. Г. Грохольская // История и педагогика естествознания. – 2020. – № 2. – С. 30-35.

147. Ермакова О. К. Контракты с иностранными специалистами в России начала XVIII в.: происхождение источника и формирование разновидности актов / О. К. Ермакова // История: факты и символы. – 2018. – № 4(17). – С. 52-59.

148. Ермакова О. К. Настоящие и мнимые привилегии иноземцев в России при Петре I / О. К. Ермакова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 113-121.

149. Зипунникова Н. Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) / Н. Н. Зипунникова // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 3(24). – С. 17-29.

150. Корнетов Г. Б. Проекты Г. В. Лейбница по распространению в России образования и науки (к 300-летию со дня смерти великого немецкого мыслителя и просветителя) / Г. Б. Корнетов // Историко-педагогический журнал. – 2016. – № 4. – С. 99-132.

151. Кротов П. А. Борьба России за свободное судоходство на Балтийском море в XIII - первой четверти XVIII в. / П. А. Кротов // Меншиковские чтения. – 2016. – № 7(17). – С. 129-140.

152. Образование в «немецких» школах Москвы в первой четверти XVIII в. / публ. подгот. А. Н. Рыжов // Вопросы образования. – 2007. – № 2. – С. 368–382.

153. Пашенцев Д. А. Государственные преобразования петровского времени через призму историко-антропологической теории права (к 300-летию провозглашения Российской империи) / Д. А. Пашенцев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 1(41). – С. 27-34.

154. Православное обозрение. М.: Университетская типография (М. Катков), 1878. Т. 3. С. 864.

155. Серов Д. О. Петр I и юридическое образование / Д. О. Серов // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2019. – № 3. – С. 75-79.

156. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование / Д. О. Серов // Высшее образование в России. – 2013. – № 10. – С. 77-82.

157. Форстен Г. В. Бранденбург и Москва 1688-1700 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1905. – С. 61-87.

158. Хлистунова Н. В. Педагогические воззрения протопопа Аввакума на процесс обучения / Н. В. Хлистунова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-2. – С. 288-290.